

A c t a
Universitatis
Lodziensis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

20
2021

WYDAWNICTWO
UNIWERSYTETU
ŁÓDZKIEGO

A c t a Universitatis Lodzianis

FOLIA LINGUISTICA ROSSICA

20
2021

Sprawy Słowa:
dyskurs – semantyka – onomastyka
– leksykografia – przekład

Tom Jubileuszowy dedykowany
Profesorowi Jarosławowi Wierzińskiemu

pod redakcją
Ivana Smirnova i Iji Tuliny-Blumental
przy współpracy
Zoi Kucej i Agaty Piaseckiej

 WYDAWNICTWO
UNIwersytetu
ŁÓDZKIEGO
ŁÓDŹ 2021

 COPE
Member since 2019
JRI14477

REDAKCJA NAUKOWO-DYDAKTYCZNA
Agata Piasecka, Ija Tulina-Blumental, Zoja Kuca

RADA NAUKOWA

Irina Barclay (Boone, USA), *Andrzej Charciarek* (Polska, Katowice), *Thomas Daiber* (Niemcy, Giessen), *Jelena Iwanian*, *Wiera Kartawienko*, *Julia Krawcowa* (Ukraina, Kijów)
Walerij Mokijenko, *Jelena Romaniczewa*, *Andrzej Sitarski* (Polska, Poznań)
Jelena Stojanowa (Bułgaria, Szumen), *Damina Szajbakowa* (Kazachstan, Ałmaty)

RECENZENCI

Sania Ajtasowa, *Olga Desjukiewicz*, *Natalia Gonova*, *Ludmila Iwanowa* (Kijów, Ukraina)
Aliona Kliuszyna, *Irina Lappo* (Lublin, Polska), *Eleonora Lassan* (Wilno, Litwa)
Julia Lukojanowa, *Julia Mazurkiewicz-Sulkowska* (Łódź, Polska), *Marina Michajłowa*,
Anna Morgunowa, *Larysa Nakonechna* (Ukraina, Iwano-Frankiwnsk), *Kristiana Simeonowa*
(Sofia, Bułgaria), *Irina Tarasowa*, *Marina Tryhuk*, *Jarosław Wierzbiński* (Łódź, Polska)

REDAKCJA TOMU

Ivan Smirnov i *Ija Tulina-Blumental*
przy współpracy *Zoi Kucej* i *Agaty Piaseckiej*

REDAKTORZY JĘZYKOWI

Ija Tulina-Blumental (język rosyjski), *Zoja Kuca* (język rosyjski)
Konrad Szulga (język angielski), *Agata Piasecka* (język polski, język rosyjski)
Ivan Smirnov (język rosyjski)

REDAKTOR INICJUJĄCY

Sylwia Mosińska

SKŁAD I ŁAMANIE

Munda – Maciej Torz

KOREKTA TECHNICZNA

Elżbieta Rzymkowska

PROJEKT OKŁADKI

Agencja Komunikacji Marketingowej efectoro.pl

Publikacja bez opracowania redakcyjnego w Wydawnictwie UŁ

© Copyright by Authors, Lodz 2021

© Copyright for this edition by University of Lodz, Lodz 2021

Wydane przez Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

Wydanie I. W.10708.22.0.Z

Ark. wyd. 12,0; ark. druk. 11,75

ISSN 1731-8025

e-ISSN 2353-9623

Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego

90-237 Łódź, ul. Jana Matejki 34A

www.wydawnictwo.uni.lodz.pl

e-mail: ksiegarnia@uni.lodz.pl

tel. (42) 635 55 77

Содержание

От Редакции	7
Дзмітрый Дзятко – Тыпалогія беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў	13
Dzmitryi Dzyatko – Typology of Belarusian Dictionaries of Linguistic Terms	13
Ваня Иванова – О некоторых ошибках в переводе с русского на болгарский язык (на материале переводных статей общественно-политического характера)	33
Vanya Ivanova – On Selected Mistakes in the Translation from Russian into Bulgarian (Based on Translated Articles on Social and Political Matters) . . .	33
Елена Иванян – Репрезентация ключевого звукообраза НЕДО в балладе В. Высоцкого <i>Прерванный полет</i>	49
Elena Ivanyan – Representation of the Key Sound-Image of “NEDO” in V. Vysotsky’s Ballad <i>Interrupted Flight</i>	49
Вікторыя Лухверчык – Інтэрпрэтацыя гемеронімаў у лінгвістычным дыскурсе	61
Viktoryya Lukhverchyk – Interpretation of Hemeronyms in Linguistic Discourse	61
Ярослав Мельник – Функционально-прагматическая особенность лозунгов, призывов, воззваний советской эпохи: семантико-семиотический и психолингвистический аспекты	73
Yaroslav Mel’nik – Functional and Pragmatic Features of Slogans and Appeals of the Soviet Era: Semantic, Semiotic and Psycholinguistic Aspects	73
Наталья Немич – Лексическая сочетаемость имен прилагательных с семантикой невыразимого (на материале лексикографических источников)	85
Natal’ya Nemich – Lexical Compatibility of Adjectives with the Semantics of the Inexpressible (Based on Lexicographic Sources)	85

Кристияна Симеонова – О некоторых особенностях формальной структуры терминов-словосочетаний из области экологии и охраны окружающей среды в современном болгарском и русском языках	97
Kristiyana Simeonova – On Some Peculiarities in the Formal Structure of Word Combinations in the Field of Ecology and Environmental Protection in the Modern Bulgarian and Russian Languages	97
Евгений Стефанский – Об этимологических и семантических соответствиях русской лексемы <i>гордость</i> в славянских языках	107
Evgenii Stefanskiï – On Etymological and Semantic Correspondences of the Russian Lexeme <i>Гордость</i> “Pride” in Slavonic Languages	107
Василий Супрун – Ономастический мир Михаила Зошченко	121
Vasilii Suprun – The Onomastic World of Mikhail Zoshchenko.	121
Зоя Шенгюдер – Некоторые особенности использования художественных текстов в дистанционном обучении РКИ турецких студентов-филологов	133
Zoya Shengyuder – Some Characteristics of the Use of Literary Texts in the Distant Teaching of Russian to Turkish Philology Students	133
Петр Червинский – Трава «несознания» в русско-славянской ретроспективе	145
Petr Chervinskiï – The Grass “Unawareness” in the Russian-Slavonic Retrospective.	145

Хроника

Наталия Пятаева – Слово об Ученом и Учителе: к 95-летию Профессора Леонида Михайловича Васильева	173
Nataliya Pyataeva – A Word about Scientist and Teacher: On the 95th Birthday of Professor Leonid Mikhailovich Vasiliev	173

От Редакции

Двадцатый юбилейный сборник академической серии *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica* посвящен известному польскому ученому, профессору Ярославу Вежбиньскому, основателю журнала, который с 2003 года являлся его бессменным идейным вдохновителем и главным редактором. Профессор Вежбиньский и сейчас продолжает активно сотрудничать с редакцией журнала, участвует в подготовке и рецензировании научных статей. Авторы публикаций настоящего сборника в знак тесных научных связей, а также теплых личных отношений решили посвятить свои работы исследовательской деятельности профессора, что является показателем признания международной славянской научной средой достижений Ученого.

Ведущее научное направление профессора Вежбиньского связано с проблемами семантики и стилистики текста, лексикологией и словообразованием современного русского языка, паремиологией, а также когнитивистикой, политическим дискурсом и идеологизацией русского языка в послереволюционной России начала XX века. Тексты, посвященные описаниям идиолектов Антона Чехова, Михаила Шолохова, Владимира Маяковского и Михаила Зощенко, занимают значительное место в исследовательской работе ученого.

Научные взгляды авторов, представленные в данном сборнике, созвучны исследовательским интересам профессора Вежбиньского. Предметом пристального внимания стали русские пропагандистские лозунги тоталитарного периода, малые жанры фольклора, терминология в области языкознания и экологии, семантика имен собственных. При обсуждении важных семантических и стилистических вопросов авторы текстов использовали работы Владимира Высоцкого и Михаила Зощенко, а также корпусные данные. В сборнике представлены статьи, затрагивающие проблемы функционирования лексических единиц в славянских языках, исследования в русле переводческого и глоттодидактического направлений.

Редакция *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica* выражает надежду, что тексты, представленные в сборнике, будут интересны читателям и самому Профессору.

Agata Piasecka
Перевод: Иван Смирнов

A Word from the Editors

This 20th volume of the academic series, *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica*, has a distinctive character. It is dedicated to Professor Jarosław Wierzbiński who established the journal in 2003 and acted as its editor-in-chief for many years. Today, he still supports the editorial board by inviting and reviewing submitted papers. The contributors to this volume wished to express their appreciation to Professor on behalf of the international Russian and Slavic studies community. As a token of close scientific ties, but also to manifest their cordial private relations, 12 authors have decided to dedicate their papers to the Jubilarian.

Professor Jarosław Wierzbiński's main research province is the problems of semantics and style of text, lexicology, and vocabulary of contemporary Russian, paremiology, but also political discourse, ideologisation of language in post-revolutionary Russia, and cognitive science. A substantial part of Professor's research work is devoted to the description of the idiolect of Anton Chekhov, Mikhail Sholokhov, Vladimir Mayakovsky, and Mikhail Zoshchenko.

The scientific papers contained in this volume address problems that overlap with Professor Wierzbiński's research interests. They are of both descriptive and comparative works. The authors analyse Russian propaganda slogans of the totalitarian period, small folk genres, terminology in the field of linguistics or ecology, and proper names. The operation of selected lexemes in Slavic languages is also addressed. In exploring important semantic and stylistic issues, the authors studied the works of Vladimir Vysotsky and Mikhail Zoshchenko, as well as corpus data. On top of these, some contributors share their insights on translation theories and foreign language teaching.

The editorial board of *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica* sincerely hopes that all the papers making up this 20th volume will make an inspiring read both for the Readers and Professor himself.

Agata Piasecka
Translation: *Konrad Szulga*

Słowo od Redakcji

Prezentowany 20. tom serii akademickiej *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica* ma charakter szczególny. Jest on dedykowany Profesorowi Jarosławowi Wierzińskiemu, który w 2003 roku założył czasopismo i przez wiele lat był jego redaktorem naczelnym. Dziś aktywnie wspiera redakcję czasopisma, uczestniczy w pozyskiwaniu i recenzowaniu artykułów. Niniejszy tom stanowi wyraz uznania międzynarodowego środowiska rusycystycznego i slawistycznego dla osoby Pana Profesora. W dowód ścisłych relacji naukowych, ale też serdecznych stosunków prywatnych dwunastu Autorów postanowiło dedykować swoje prace osobie Jubilata.

Wiodący nurt badawczy Profesora Jarosława Wierzińskiego związany jest z problemami semantyki i stylistyki tekstu, leksykologią i słowotwórstwem współczesnego języka rosyjskiego, paremiologią, ale też dyskursem politycznym, zagadnieniami ideologizacji języka w porewolucyjnej Rosji, kognitywistyką. Znamienne miejsce w pracach badawczych łódzkiego Uczzonego zajmują teksty poświęcone opisowi idiolektu Antona Czechowa, Michała Szołochowa, Włodzimierza Majakowskiego i Michała Zoszczenki.

Umieszczone z niniejszym tomie rozważania naukowe wpisują się właściwie w zagadnienia, które bliskie są zainteresowaniom badawczym Profesora. Mają one charakter zarówno opisowy, jak i komparatywny. Przedmiotem opisu stały się rosyjskie slogany propagandowe okresu totalitarnego, małe gatunki folkloru, terminologia z zakresu językoznawstwa czy ekologii, nazwy własne. Przybliżono również funkcjonowanie wybranych leksemów w językach słowiańskich. By omówić ważne kwestie semantyczne i stylistyczne, Autorzy tekstów sięgnęli po twórczość Włodzimierza Wysockiego oraz Michała Zoszczenki, a także dane korpusowe. Nie zabrakło szczegółowych badań o nachyleniu przekładowym i glottodydaktycznym.

Redakcja *Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica* ma głęboką nadzieję, że wszystkie zebrane w numerze 20. teksty będą inspirującą lekturą dla Czytelników oraz samego Pana Profesora.

Agata Piasecka

Дзмітрый Дзятко (Dzmitry Dzyatko)

 <https://orcid.org/0000-0002-9544-3423>
lingby@gmail.com

Тыпалогія беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў

Typology of Belarusian Dictionaries of Linguistic Terms

Рэзюмэ

Мэта даследавання – распрацоўка навуковых падстаў для тыпалагізацыі беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў. Тыпалогія тэрміналагічных слоўнікаў разглядаецца як метада навуковага даследавання, у аснове якога ляжыць падзел сукупнасці слоўнікаў з дапамогай тыпу – абагульненай, ідэалізаванай мадэлі.

Праблема тыпалогіі з’яўляецца адной з найбольш неадназначных і найменш распрацаваных праблем метатэрмінаграфіі. Актуальнасць яе вырашэння абумоўлена важнасцю выпрацоўкі вектараў далейшага развіцця тэорыі і практыкі тэрмінаграфіі. Класіфікацыя тэрміналагічных слоўнікаў па мовазнаўстве да гэтага не праводзілася, паколькі самі гэтыя слоўнікі не былі аб’ектам сістэмнага навуковага аналізу.

З дапамогай дэскрыптыўнага метаду і метаду непасрэдна складальных абгрунтоўваецца тыпалогія беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў, якая ўлічвае тып кантэнтывізацыі, тып фармалізацыі, функцыянальны тып слоўніка. У адпаведнасці з першым крытэрыем адрозніваюцца слоўнікі а) тлумачальныя энцыклапедычныя; слоўнікі-даведнікі; уласна тэрміналагічныя слоўнікі; б) двухмоўныя і шматмоўныя; в) рэстравыя: практычныя, рэгістрацыйныя, навігацыйныя. Паводле тыпу фармалізацыі вылучаюцца слоўнікі аўтаномныя і інкарпараваныя. У функцыянальным плане паводле паказчыка «прызначэнне-функцыя» адрозніваюцца слоўнікі кагнітыўныя, кагнітыўна-рэгуляцыйныя, камунікацыйныя, камунікацыйна-рэгуляцыйныя, кагнітыўна-дыдактычныя, камунікацыйна-дыдактычныя, працэдурныя, навігацыйныя, дэманстрацыйныя. Паводле паказчыка «прызначэнне-адрасат» вылучаюцца слоўнікі сегментацыйныя і эверацыйныя.

У перспектыве распрацаваная тыпалогія можа выкарыстоўвацца з мэтай параўнальнага вывучэння істотных прымет, функцый, формаў арганізацыі слоўнікаў, выяўлення лакунаў у беларускай прыкладнай тэрмінаграфіі.

Ключавыя словы: лексікаграфія, тэрміналогія, тыпалогія, слоўнік, тэрмін, слоўнікавы артыкул.

Summary

The aim of the study is to develop scientific grounds for typologizing Belarusian dictionaries of linguistic terms. The typology of terminological dictionaries is considered a method of scientific research based on the isolation of a set of dictionaries based on type – a generalized and idealized model.

The problem of typology is one of the most ambiguous and least studied problems of metaterminography. Its solution is important for developing vectors for further development of the theory and practice of terminography. The classification of terminological dictionaries in linguistics has not been carried out before, since dictionaries have not been subject to a systematic scientific analysis.

By employing the descriptive method and the immediate constituent analysis, the typology of Belarusian dictionaries of linguistic terms is demonstrated. It takes into account the type of contentization, the type of formalization, and the functional type of the dictionary. In accordance with the first criterion, the following dictionaries are identified: a) explanatory encyclopaedic; dictionaries-directories; terminological dictionaries proper; b) bilingual and multilingual; c) registry: projective, registration, navigation. According to the type of formalization, autonomous and incorporated dictionaries are named. In functional terms, following the indicator “purpose-function,” the author distinguishes cognitive, cognitive-regulatory, communication, communication-regulatory, cognitive-didactic, communication-didactic, procedural, navigation, and demonstration dictionaries. As regards the indicator “destination-addressee”, the author identifies segmentation and evertion dictionaries.

In the future, the developed typology can be used with a view to studying essential signs, functions, forms of organization of dictionaries, and identification of lacunae in the Belarusian applied terminography comparatively.

Keywords: lexicography, terminology, typology, dictionary, term, dictionary article.

Праблема тыпалогіі слоўнікаў з’яўляецца адным з найбольш неадназначных і найменш распрацаваных пытанняў сучаснай металексікаграфіі. Важнасць яе вырашэння абумоўлена не толькі неабходнасцю інвентарызацыі існуючых слоўнікаў, але і карэлюе з выпрацоўкай вектараў далейшага развіцця тэорыі і практыкі лексікаграфіі і тэрмінаграфіі. Гэты раздзел з’яўляецца своеасаблівым падагульненнем праведзенай даследчай працы. Аднак у ім уздымаецца і шэраг новых пытанняў:

1) якія падыходы існуюць у тэарэтычнай тэрмінаграфіі да вылучэння тыпаў тэрміналагічных слоўнікаў?

2) паводле якіх крытэрыяў групуюцца слоўнікі тэрмінаў у даследаваннях розных вучоных?

3) якія крытэрыі з’яўляюцца аптымальнымі для групоўкі беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў?

4) якія вынікі ў нацыянальнай тэрмінаграфіі дэманструе прапанаваная тыпалогія і якія лакуны выяўляюцца дзякуючы ёй?

У цэлым разнастайнасць слоўнікаў тлумачыцца найперш складанасцю і поліаспектнасцю мовы як аб’екта сістэмнай параметрызацыі. Ва ўмовах

імклівага росту сучасных інфармацыйных тэхналогій лексічны склад мовы папаўняецца і змяняецца надзвычай дынамічна, а статус развітага грамадства прадугледжвае бесперапынную інвентарызацыю і ўпарадкаванне моўных рэсурсаў у слоўніках. Гэтым абумоўлена ўзнікненне дзясяткаў лексікаграфічных выданняў, у тым ліку і эксперыментальна-аўтарскага характару, са своеасаблівай структурай і спецыфічным складам рээстра.

Слоўнікі істотна адрозніваюцца па аб'ёме, аб'екце фіксацыі, змесце, прызначэнні, спосабах параметрызацыі матэрыялу. На сучасным этапе развіцця лінгвістыкі прадставіць усю лексіку мовы з пункту гледжання яе паходжання, структуры, значэння, функцыянавання ў адным слоўніку немагчыма. Таму вучонымі ствараюцца розныя лексікаграфічныя працы, прысвечаныя асобным аспектам апісання моўных адзінак. Тоесныя або падобныя фармальна-зместавыя характарыстыкі слоўнікаў з'яўляюцца падставай для групоўкі лексікаграфічных прац па канкрэтных тыпах.

Многія вядомыя даследчыкі звязваюць свае прафесійныя інтарэсы з працоўкай пэўнай класіфікацыйнай матрыцы, якая б дазволіла тыпалагізаваць той або іншы тэрміналагічны слоўнік (В.С. Ахманова і А.І. Палтарацкі, Н.У. Васільева, Л.М. Веклінец і М.С. Разумейка, І.А. Казімірава, С.А. Крэстова, С.У. Леснікоў, В.К. Шчэрбін, Сідні І. Ландаў, Е. Лукшын і В. Змарзер, М.Т. Кабрэ Кастэлві і інш.). Пры гэтым многія ўсходнеславянскія аўтары ў той або іншай ступені інтэрпрэтуюць ідэі Л.У. Шчэрбы.

Тыпалагічны падыход да вывучэння існуючых слоўнікаў мае несумненныя вартасці. Разгляд аб'ектаў «у сістэме» накіраваны на табліцы хімічных элементаў Д.І. Мендзялеева дазваляе выявіць лакуны ў кадыфікацыі мовы, убачыць і ацаніць аб'ём «незапоўненай прасторы» ў лінгвістычнай навуцы.

Увогуле тыпалогія слоўнікаў з'яўляецца спосабам класіфікацыі існуючых лексікаграфічных прац у залежнасці ад іх фармальных, зместавых і функцыянальных асаблівасцей. Менавіта тыпалагічны спосаб здольны прадстаўляць асобныя слоўнікі з пункту гледжання іх найбольш істотных характарыстык і, такім чынам, садзейнічае сістэмнаму даследаванню лексікаграфічнай прасторы.

Патрабаванні да тыпалогіі слоўнікаў тыя ж, што і да класіфікацыі любых іншых аб'ектаў: тыпалогія павінна фіксаваць заканамерныя сувязі паміж яе элементамі і вызначаць месца кожнага з іх у агульнай сістэме. Аднак большасць сучасных слоўнікаў – складаныя аб'екты навуковай творчасці, таму паміж рознымі тыпамі бывае цяжка правесці дакладныя дэмаркацыйныя лініі. Як правіла, кожны тып экзэмпліфікуецца толькі некалькімі найбольш выразнымі ўзорамі лексікаграфічнай прадукцыі, а тыпалагічна «чыстых» (ідэальных) слоўнікаў не так шмат. Таму на сучасным этапе развіцця металексікаграфіі ўжо стаў дастаткова відавочным той факт, што стварэнне не супярэчлівай шматаспектнай класіфікацыі слоўнікаў – задача ідэалістычная і цяжкавыканальная.

Асноўнай складанасцю пры тыпалагізацыі слоўнікаў і асноўным аб'ектам для навуковай крытыкі выступаюць самі падставы для іх групойкі. На жаль, многія з існуючых падыходаў грунтуюцца або на адным крытэрыі (і тым самым ставяць пад сумненне навуковыя падставы тыпалогіі), або з'яўляюцца сумай разрозненых крытэрыяў (і, натуральна, выклікаюць нараканні на лагічныя асновы класіфікацыі).

Як слушна адзначае А.С. Герд, любое тэарэтычнае абагульненне нараджаецца з параўнання, аднак улічваючы выключную шматстайнасць відаў сучасных слоўнікаў, параўноўваць іх можна толькі ў межах аднаго тыпу – тэрміналагічныя з тэрміналагічнымі, дыялектныя з дыялектнымі (Герд, 2016, 237). Тэрміналагічныя слоўнікі, хоць і маюць шмат агульнага з агульнамоўнымі, усё ж з'яўляюцца самастойным тыпам слоўнікаў, якому характэрны пэўныя спецыфічныя характарыстыкі (апісваюць тэрмінасістэму або тэрмінасістэмы, іншым чынам інтэрпрэтуюць свае аб'екты ў параўнанні з другімі слоўнікамі, з'яўляюцца прафесійна арыентаванымі). Асноўная задача тэрміналагічнага слоўніка – адлюстраванне сістэмных сувязей з адзінкамі, якія ў яго ўваходзяць (Русакова, 2008, 10).

Паводле Н.З. Котеловой, тэрміналагічныя слоўнікі ўяўляюць сабой асаблівы тып лексікаграфічных апісанняў, яны адрозныя ад энцыклапедыі у тых адносінах, што іх аб'екты – кампаненты знакавай сістэмы, а не рэчы-прадметы, і падобныя да іх арыентацыяй на навуковыя веды ў суб'екце апісання (Котелова, 1976, 36). Да слоўнікаў літаратурнай мовы тэрміналагічныя слоўнікі набліжаюцца паводле прыналежнасці іх аб'ектаў да знакавай сістэмы і адрозніваюцца ад іх арэальным ахопам аб'ектаў (паколькі, як правіла, не змяшчаюць нятэрмінаў і тэрмінаў іншых галін ведаў), пераважнай скіраванасцю на апісанне паняццёвага кампанента значэння, большай ступенню выкарыстання навуковых ведаў у суб'екце апісання.

Прыхільнікамі інтэрпазіцыйнага вызначэння месца тэрміналагічных слоўнікаў у шэрагу іншых з'яўляюцца Ф.П. Сороколетов і Ю.С. Маслов. Так, на думку Ф.П. Сороколетова (Сороколетов, 1985, 14), тэрміналагічныя слоўнікі знаходзяцца на памежжы паміж слоўнікамі энцыклапедычнага і філалагічнага тыпаў, а Ю.С. Маслов (Маслов, 2005, 135) вылучае асаблівы пераходны тып слоўнікаў паміж лінгвістычнымі і нелінгвістычнымі, да якога адносіць менавіта тэрміналагічныя слоўнікі.

Супастаўляльны аналіз існуючых тэрміналагічных слоўнікаў, а таксама вывучэнне лексікаграфічнай літаратуры паказвае, што паміж лексікаграфічнымі параметрамі існуе пэўная ўзаемасувязь, якая праяўляецца ў тым, што рэалізацыя адных параметраў можа ўплываць на форму рэалізацыі іншых.

Часцей за ўсё падзел слоўнікаў на тыпы адбываецца па розных прыметах: у залежнасці ад мэты слоўніка, яго памеру, адносін да ядра і перыферыі лексічнай сістэмы, парадку размяшчэння слоў (гл., напрыклад: Бобунова, 2009, 15–67; Дубичинский, 2008, 64–80; Козырев, Черняк, 2004, 30–38). Ты-

палогія пры гэтым можа будавацца на падставе аднаго пэўнага крытэрыю або комплексу розных крытэрыяў, сфармуляваных імпліцытна або экспліцытна. У тэарэтычнай тэрмінаграфіі сфарміраваліся тры падыходы да тыпалагізацыі тэрміналагічных слоўнікаў: монакрытэрыяльны, полікрытэрыяльны, апазіцыянальны.

I. Пры *монакрытэрыяльным падыходзе* вылучаецца адзін пэўны крытэрыі (верагодна, найбольш істотны, на думку вучоных), у адпаведнасці з якім тэрміналагічныя слоўнікі размяркоўваюцца па групам.

У прыватнасці, M. Teresa Cabré Castellví (Cabré Castellví, 2003, 174–175) *паводле макраструктуры* адрознівае: 1) тэматычныя (topic-specific) і 2) сістэматычныя (systematic) тэрміналагічныя слоўнікі.

Паводле тыпу апісання (у тлумачальнай тэрмінаграфіі) Л.О. Симоненко (Симоненко, 2017, 41–43) размяжоўвае: 1) аднамоўныя тлумачальныя слоўнікі даведачна-энцыклапедычнага тыпу і 2) тлумачальна-перакладныя слоўнікі, а паводле *спосабу дэфініравання* (у тлумачальна-перакладной тэрмінаграфіі) – 1) слоўнікі, у якіх дэфініцыі падаюцца на ўсіх уключаных у слоўнік мовах, і 2) слоўнікі, у якіх дэфініцыя прыводзіцца толькі да рэестравых слоў, а іншамоўныя адпаведнікі падаюцца ў дужках пасля рэестравага слова.

Калектыў расійскіх даследчыкаў (Поцепня, 2013) *паводле прызначэння* прапануе вылучаць: 1) энцыклапедычныя; 2) тлумачальныя і тлумачальна-перакладныя; 3) перакладныя; 4) інфармацыйна-пошукавыя тэзаўрусы; 5) класіфікатары; 6) рубрыкатары; 7) зборнікі рэкамендаваных тэрмінаў; 8) зборнікі новых тэрмінаў; 9) тэрміналагічныя стандарты; 10) слоўнікі-размоўнікі; 11) тэрміналагічныя банкі і базы даных; 12) частотныя тэрміналагічныя слоўнікі.

II. Сутнасць *полікрытэрыяльнага падыходу* – у фарміраванні комплексу параметраў, у адпаведнасці з якімі вылучаюцца (супрацьпастаўляюцца) розныя групы тэрміналагічных слоўнікаў. Адзначаюцца наступныя камбінацыі крытэрыяў:

3 крытэрыі:

1) ахоп спецыяльнай лексікі: агульныя (падаюць максімальна поўны пералік тэрмінаў усіх галін мовазнаўства – экстэнсіўны тып), спецыялізаваныя (прадстаўляюць тэрміны напрамку, пэўных лінгвістычных школ або якога-небудзь раздзела мовазнаўства – інтэнсіўны тып); 2) ступень інфарматызаванасці: вытлумачальныя (экспанаторныя), наменклатурныя (спісы тэрмінаў, якія не суправаджаюцца дадатковай інфармацыяй), гласарыі (спісы мінімальна анатаваных тэрмінаў); 3) спосаб тлумачэння ў вытлумачальных слоўніках: энцыклапедычныя (змяшчаюць звесткі пра гісторыю паняцця, абазначанага тэрмінам, адно або некалькі тлумачэнняў, ілюстрацыі, бібліяграфію), тлумачальныя (тлумачаць тэрміны з дапамогай дэфініцыі некалькіх прыкладаў) (Васільева, 1998, 461);

1) ахоп спецыяльнай лексікі (тып рээстра): а) слоўнікі экстэнсіўнага тыпу (агульныя, агульналінгвістычныя слоўнікі лінгвістычных тэрмінаў, асноўнай задачай якіх з’яўляецца ахоп поўнага пераліку тэрмінаў мовазнаўства ў цэлым); б) слоўнікі інтэнсіўнага тыпу (спецыялізаваныя, вузкагаліновыя слоўнікі, у якіх падаюцца тэрміны або пэўных лінгвістычных школ, канкрэтных лінгвістычных тэорый, або лінгвістычнай дысцыпліны ці раздзела мовазнаўства); в) іншамоўна-роднамоўна-іншамоўныя слоўнікі; 2) спосаб арганізацыі слоўнікавага матэрыялу: а) лексіконы (алфавітныя і / або тэматычныя слоўнікі тэрмінаў); б) тэзаўрусы (слоўнікі, у якіх зафіксаваны семантычныя адносіны паміж тэрмінамі); 3) ступень інфармацыйнасці слоўнікавага артыкула: а) вытлумачальныя (экспланаторныя) слоўнікі: энцыклапедычныя (змяшчаюць звесткі пра гісторыю тэрміна, адно або некалькі тлумачэнняў, ілюстрацыі, бібліяграфію); тлумачальныя (апісваюць тэрмін з дапамогай дэфініцыі і некалькіх прыкладаў); б) наменклатурныя слоўнікі (індэксы, спісы тэрмінаў, якія не суправаджаюцца якой-небудзь падрабязнай інфармацыяй); гласарыі (спісы мінімальна анатаваных тэрмінаў) (Лесников, 2011);

4 крытэрыі:

1) мэты слоўніка; 2) спецыялізацыя слоўніка; 3) аб’ём слоўніка; 4) адносіны да дыяхраніі (Марчук, 1992, 66);

5 крытэрыяў:

1) колькасць моў (аднамоўныя, двухмоўныя, шматмоўныя); 2) наяўнасць і прынцып тлумачэння тэрмінаў (энцыклапедычныя, тлумачальныя, без тлумачэнняў); 3) прадстаўленая галіна (галіны) ведаў (галіновыя, вузкагаліновыя, шматгаліновыя, у тым ліку політэхнічныя); 4) паўната адлюстраванай тэрміналогіі (поўныя, сярэднія, кароткія); 5) спецыяльнае прызначэнне (паняційныя, частотныя, адваротныя) (Перерва, 1976, 199);

1) колькасць моў: аднамоўныя, двухмоўныя і шматмоўныя; 2) лексікаграфічная форма: індэксы (фіксуецца колькасць выпадкаў, у якіх сустрэлася тое або іншае слова); гласарыі (зборы глос, г. зн. незразумелых чытачу, на думку ўкладальнікаў, слоў і выразаў); канкардансы (паказальнікі слоў з пералічэннем усіх або выбарачных кантэкстаў); лексіконы (даюць усебаковую філагічную характарыстыку слова: функцыянальна-семантычную кваліфікацыю, тлумачэнне значэнняў, ілюстрацыйныя прыклады); 3) паўната ахопу слоўніка (макразструктуры): поўныя і дыферэнцыйныя; 4) лексікаграфічная распрацоўка лексікі: частотныя (паўната / дыферэнцыйнасць частотных характарыстык), тлумачальныя (паўната / дыферэнцыйнасць кампанентаў мікразструктуры – памет, дэфініцый, ілюстрацыйных прыкладаў), канкардансы (паўната / дыферэнцыйнасць ілюстрацыйных прыкладаў), гласарыі (паўната / дыферэнцыйнасць складовых кампанентаў мікразструктуры); 5) адрасат: вузкаспецыялізаваныя (прызначаны прафесійнай групе карыстальнікаў) і агульнадаступныя (прызначаны шырокаму колу карыстальнікаў) (Крестова, 2003, 65–66);

7 крытэрыяў:

1) ахоп спецыяльнай лексікі (поліфункцыянальныя, шматгаліновыя, галіновыя, вузкагаліновыя); 2) спосаб семантызацыі і прызначэнне слоўніка (тлумачальныя, перакладныя, тлумачальна-перакладныя, навучальныя, энцыклапедычныя (даведнікі, энцыклапедыі, энцыклапедычныя і ілюстрацыйныя слоўнікі), інфармацыйныя (класіфікатары, рубрыкатары, дэскрыпторныя, частотныя); 3) функцыя слоўніка (інвентарызацыйныя, нарматыўныя); 4) аспектная арыентацыя (слоўнікі тэрмінаў, наменклатурных адзінак, тэрмінаэлементаў, фразеалагічныя, арфаграфічныя); 5) ахоп слоўніка (поўныя, кароткія, слоўнікі-мінімумы); 6) парадак размяшчэння лексічнага матэрыялу (фармальныя: алфавітныя, алфавітна-гнездавыя; тэматычныя: тэматычна-алфавітныя, ідэаграфічныя); 7) носьбіт інфармацыі (электронныя, папяровыя) (Іванова, 2006);

1) параметры тэматычнай арыентацыі (агульнанавуковыя, шматгаліновыя (політэхнічныя), галіновыя або вузкагаліновыя слоўнікі); 2) параметры часовай арыентацыі (слоўнікі неалагізмаў, сучаснай лексікі, гістарычныя слоўнікі); 3) параметр моўнай арыентацыі (адна-, двух-, шматмоўныя слоўнікі); 4) параметр прызначэння слоўніка (перакладныя, даведачныя, вучэбныя і інфармацыйныя слоўнікі); 5) параметр функцыі слоўніка – грунтуецца на суадносінах элементаў апісання і рэгламентацыі слоўніка ў дачыненні да ўключанай у яго спецыяльнай лексікі (нарматыўныя і інвентарызацыйныя слоўнікі); 6) памер слоўніка (поўныя, сярэднія і кароткія слоўнікі); 7) параметр прынцыпу прэзентацыі спецыяльнай лексікі (слоўнікі з фармальным прынцыпам: алфавітныя (суцэльныя, адваротныя, гнездавыя), частотныя, патэкставыя, храналагічныя; слоўнікі з тэматычным прынцыпам: аналагічныя і ідэаграфічныя слоўнікі (тэзаўрусы) асацыятыўнага і іерархічнага тыпу) (Хайчук, Зубов, 2004, 81);

8 крытэрыяў:

1) лексікаграфічная форма; 2) аб'ём; 3) тып і размяшчэнне матэрыялу; 4) параметры апісання; 5) прызначэнне; 6) мэтавая арыентацыя; 7) нацыянальная, дыяхранічная, галіновая, тэматычная, гендарная прыналежнасць; 8) інфармацыйны носьбіт (Карпова, Кулагіна, 2010, 19).

III. *Апазіцыянальны падыход* заключаецца ў вылучэнні і абгрунтаванні шэрага тыпалагічных супрацьпастаўленняў у адпаведнасці з пэўнымі характарыстыкамі слоўнікаў. Рознымі даследчыкамі фарміруюцца розныя групы супрацьпастаўленняў, якія складаюцца з рознай колькасці бінарных апазіцый:

3 групы апазіцый: 1) слоўнікі перакладныя – аднамоўныя; 2) слоўнікі тлумачальныя – спісы тэрмінаў (рус. «словники»); 3) слоўнікі сучаснай тэрміналогіі – слоўнікі «гістарычныя» (Ицкович, 1964, 35–36);

4 групы апазіцый: 1) слоўнік монадысцыплінарны – міждысцыплінарны; 2) слоўнік метамовы – метадыялекту (ідыялекту); 3) слоўнік поўны – кароткі; 4) слоўнік сінхронны – дыяхранны (гістарычны) (Казимиrowa, 2017, 60–63) і інш.

9 груп апазіцый: 1) энцыклапедыя – слоўнік-даведнік; 2) слоўнік акадэмічны – вучэбны; 3) слоўнік алфавітны – тэматычны; 4) слоўнік арыгінальны (у прыватнасці, рускі) – перакладны; 5) слоўнік метамовы – метадыялекту (ідыялекту); 6) слоўнік агульны – галіновы; 7) слоўнік – наменклатурны даведнік; 8) слоўнік цытатны – не цытатны; 9) слоўнік аднамоўны – двух- / шматмоўны (Кулікова, Салміна, 2002, 59) і інш.

Маштаб навуковай праблемы пацвярджаецца тым, што ў сучаснай лінгвістычнай літаратуры з’яўляюцца не толькі тыпалогіі слоўнікаў, але і класіфікацыі тыпалогій слоўнікаў. Так, напрыклад, Н. Béjoint (Béjoint, 2010, 40–49) адрознівае фармальны, дыферэнцыйны, функцыянальны і генетычны падыходы да тыпалагізацыі лексікаграфічных выданняў. У даследаванні В.К. Шчэрбіна (Шчэрбін, 2018) вылучаюцца тры асноўныя тыпы класіфікацыі тэрміналагічных слоўнікаў:

1) генетычная класіфікацыя ўлічвае розныя этапы навуковай апрацоўкі тэрміна; адрозніваюцца слоўнікі: праектыўныя, апісальныя, нарматыўныя, агульнадзяржаўныя і галіновыя тэрміналагічныя стандарты;

2) параметрычная класіфікацыя будзецца з улікам дамінантных лексікаграфічных параметраў; адрозніваюцца слоўнікі: перакладныя, тлумачальныя, вучэбныя, ідэаграфічныя, корпусныя, гласаграфічныя, этымалагічныя, дэрываталагічныя, малюнкавыя і спецыяльныя канцэптуары;

3) дысцыплінарна-галіновая класіфікацыя будзецца з улікам сувязі тэрмінаў з той або іншай навуковай дысцыплінай ці галіной прафесійных ведаў; адрозніваюцца слоўнікі: эканамічныя, біялагічныя, тэхнічныя, сельскагаспадарчыя, медыцынскія, матэматычныя, спецыяльныя слоўнікі па лінгвістыцы і інш.

Пры гэтым толькі адзінкавыя даследаванні прысвечаны тыпалагізацыі слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў. Так, С.В. Лесников (Лесников, 2011) класіфікуе іх паводле трох крытэрыяў: 1) ахоп спецыяльнай лексікі (тып слоўніка); 2) спосаб арганізацыі слоўнікавага матэрыялу; 3) ступень інфармацыйнасці слоўнікавага артыкула.

Паводле ахопу спецыяльнай лексікі адрозніваюцца слоўнікі экстэнсіўнага, інтэнсіўнага тыпу і іншамоўна-руска-іншамоўныя слоўнікі.

Экстэнсіўны тып – агульныя, агульналінгвістычныя слоўнікі, асноўная задача якіх ахапіць максімальна поўны пералік тэрмінаў мовазнаўства ў цэлым: вялікі, кароткі, лінгвістычных і стылістычных тэрмінаў, тэрміналагічны, лінгвістычны, Пражскай школы, навучальны, поўны, амерыканскай лінгвістычнай тэрміналогіі, лінгвістычных і літаратуразнаўчых тэрмінаў, слоўнік лінгвістычных тэрмінаў, даведнік, навучальны, школьны. Агульныя тлумачальныя слоўнікі лінгвістычных тэрмінаў адлюстроўваюць як сучасную, так і традыцыйную лінгвістычную тэрміналогію. Спецыялізаваныя тлумачальныя слоўнікі абмяжоўваюцца тэрміналогіяй асобных лінгвістычных напрамкаў.

Экстэнсіўны тып – спецыялізаваныя, прыватналінгвістычныя СЛТ, у якіх прадстаўлены тэрміны або асобных лінгвістычных школ, канкрэтных лінгвістычных тэорый, або лінгвістычнай дысцыпліны ці раздзела мовазнаўства.

Іншамоўных-руска-іншамоўныя слоўнікі лінгвістычных тэрмінаў: англа-рускі і руска-англійскі, руска-туркменскі нямецка-рускі і руска-нямецкі, нідэрландска-рускі, руска-англійска-іспанска-французска-кітайскі, руска-башкірскі, руска-беларускі, руска-казахскі, кітайска-казахска-рускі, руска-каракалпакскі, руска-асяцінскі і асяцінскія-рускі, руска-ўйгурскі, руска-малдаўскі і малдаўска-рускі, удмурцка-рускі і руска-ўдмурцкі, французска-рускі.

Паводле спосабу арганізацыі слоўнікавага матэрыялу вылучаюцца лексіконы і тэзаўрусы.

Лексіконы – алфавітныя і / або тэматычныя слоўнікі тэрмінаў.

Тэзаўрусы – слоўнікі, у якіх фіксуюцца семантычныя адносіны паміж тэрмінамі. Элементы тэзаўруснага спосабу арганізацыі тэрміналагічнай лексікі прысутнічаюць і ў звычайных слоўніках лінгвістычных тэрмінаў у выглядзе ўказанняў на дэскрыптары, сінонімы і антонімы, карэлят, галіну ўжывання, сумежныя дысцыпліны і інш.

Паводле ступені інфармацыйнасці слоўнікавага артыкула адрозніваюцца вытлумачальныя (экспланаторныя) слоўнікі лінгвістычных тэрмінаў і слоўнікі наменклатурныя (індэксы, спісы тэрмінаў без дадатковай інфармацыі) і гласарыі (спісы мінімальна анатаваных тэрмінаў).

Вытлумачальныя слоўнікі паводле спосабу тлумачэння падзяляюцца на: а) энцыклапедычныя (змяшчаюць звесткі пра гісторыю паняцця, тэрміна, адно або некалькі тлумачэнняў, ілюстрацыі, бібліяграфію); б) тлумачальныя (тлумачаць тэрміны з дапамогай дэфініцыі і некалькіх прыкладаў).

На думку С.В. Леснікова (Лесников, 2011, 7), асноўнай тэндэнцыяй сучаснай лексікаграфіі з’яўляецца павелічэнне колькасці слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў інтэнсіўнага тыпу, а таксама слоўнікаў тэрмінаў сумежных, стыкавых дысцыплін (літаратуразнаўства, стылістыкі, журналістыкі, культуралогіі, методыкі выкладання, архівазнаўства і дакументазнаўства, псіхалогіі, сувязяў з грамадскасцю, рэкламы і інш.).

На наш погляд, пры больш падрабязным аналізе тыпалогія слоўнікаў С.В. Леснікова не можа быць прызнана аптымальнай па некалькіх прычынах:

1) змяшчае адзінкі класіфікацыі, якія часткова перасякаюцца паводле класіфікацыйных пазіцый (г. зн. адзін і той жа слоўнік можа ўваходзіць у розныя класіфікацыйныя тыпы), а часткова застаюцца неперасякальнымі (г. зн. некаторыя слоўнікі могуць апісвацца аднааспектна);

2) у склад тыпалогіі ўваходзяць неаднастайныя адзінкі адной класіфікацыі (г. зн. адзінкамі, якія патрабуюць далейшай дыферэнцыяцыі), напрыклад, не адрозніваюцца аўтаномныя і інкарпараваныя слоўнікі, агульныя і аспектныя, арыгінальныя і перакладзеныя і інш.;

3) тыпалогія фарміруецца ў тым ліку адзінкамі класіфікацыі, якія адносяцца да класіфікацый іншых тыпаў (напрыклад, *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў* (1990), які называецца аўтарам у арыгінальным тэксе даследавання, не мае непасрэднага дачынення да слоўнікаў рускай лінгвістычнай тэрміналогіі, выданні *Государственные языки в Российской Федерации* (1995), *Весь русский язык в таблицах: от фонетики до синтаксиса* (2009), *Грамматика русского языка в таблицах и схемах* (2002, 2008), *Общее языкознание. История языкознания, или Путеводитель по лингвистике: конспект-справочник* (2005) і многія іншыя, якія таксама ўключаюцца ў класіфікацыю, у строгім сэнсе не з'яўляюцца тэрмінаграфічнымі).

Да класіфікацыі тэрміналагічных слоўнікаў, апублікаваных на тэрыторыі Беларусі (на рускай і беларускай мовах), а таксама па-за межамі Беларусі беларускімі аўтарамі або беларускімі аўтарамі ў складзе міжнародных калектываў, звяртаецца В.К. Шчэрбін (Шчэрбін, 2018, 445–447), які вылучае 8 груп слоўнікаў:

- 1) галіновыя энцыклапедыі і энцыклапедычныя слоўнікі;
- 2) тлумачальныя слоўнікі;
- 3) перакладныя слоўнікі;
- 4) вучэбныя слоўнікі;
- 5) практычныя слоўнікі і інш.;
- 6) тэматычныя слоўнікі тэрмінаў для пэўных раздзелаў і напрамкаў лінгвістыкі;
- 7) гістарычныя слоўнікі тэрмінаў;
- 8) дэрываталагічныя слоўнікі тэрмінаў.

Агульнавядома, што любы слоўнік мае пэўныя задачы і факталагічнае напаўненне, характарызуецца пэўнай формай падачы матэрыялу, прызначаны для выканання шэрага функцый.

Гэтыя тры крытэрыі з'яўляюцца сутнасна рознымі, таму тыпалогія беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў не можа быць пабудавана ў адной плоскасці і ў асноўных рысах фарміруецца трыма блокамі характарыстык: тыпам кантэнтнага зместу; тыпам фармалізацыі; функцыянальным тыпам слоўніка.

Інакш кажучы, *кожны* тэрміналагічны слоўнік можа быць ахарактарызаваны ў *кожным* з трох аспектаў (гл. схему).

Прапанаваная трохблочная схема мае патрэбу ў дадатковых тлумачэннях (у адпаведнасці з пунктамі нумарацыі):

1) энцыклапедычныя тлумачальныя слоўнікі – выданні, у якіх апісваюцца лінгвістычныя тэрміны і даецца дастаткова вялікі пласт разнапланавай дадатковай інфармацыі: *Энцыклапедыя для школьнікаў і студэнтаў. Беларуская мова* (2017) і інш.;

2) тлумачальныя слоўнікі-даведнікі (вылучэнне магчымае на падставе зоны экстрапаняцыйнай інфармацыі, наяўнасць якой набліжае тэрміналагічныя слоўнікі да энцыклапедыі і энцыклапедычных даведнікаў): *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў* (1990) і інш.;

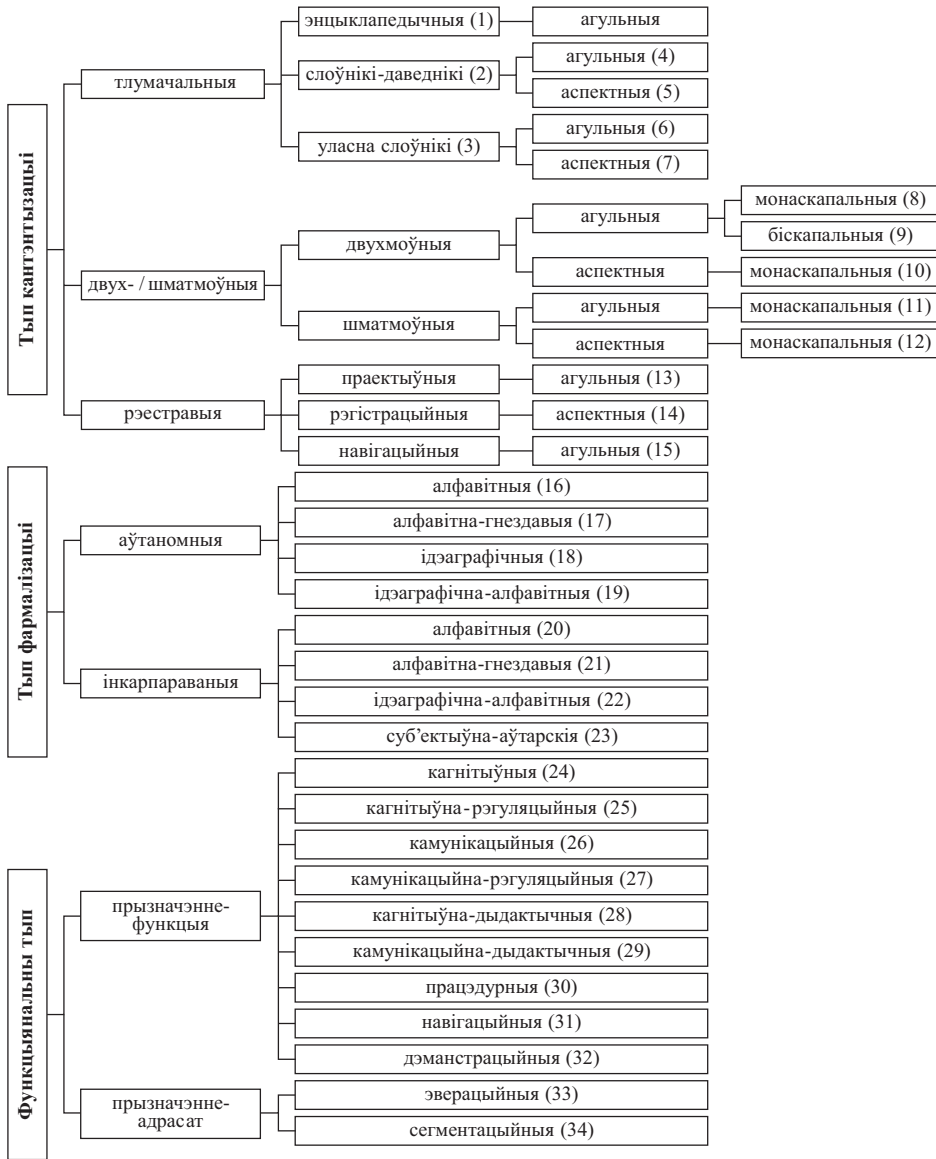

Схема Тыпалогія беларускіх слоўнікаў лінгвістычных тэрмінаў

3) уласна тлумачальныя слоўнікі – выданні, у мікраструктуру якіх могуць уваходзіць наступныя інфармацыйныя зоны: намінацыі, этымалагізацыі, семантызацыі, эквіваленцыі, граматычнай інфармацыі, сістэмнай інфармацыі, функцыянальнай інфармацыі, ілюстрацый, пашпартызацыі, лінгвадыдактычнай інфармацыі: *Кароткі слоўнік тэрмінаў* (Зіманскі, 2019) з выдання *Беларуская палеаграфія і інш.*;

- 4) агульныя тлумачальныя слоўнікі-даведнікі: *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў* (Юрэвіч, 1962) і інш.;
- 5) аспектныя тлумачальныя слоўнікі-даведнікі: *Слоўнік пра камічнае: мовазнаўчы аспект* (Рагаўцоў, 2010) і інш.;
- 6) агульныя ўласна тлумачальныя слоўнікі: *Асноўныя тэрміны і паняцці дыялекталогіі* (Гапоненка, 2020) з выдання *Беларуская дыялекталогія: тэбліцы і схемы, пытанні і заданні* і інш.;
- 7) аспектныя ўласна тлумачальныя слоўнікі: *Слоўнік рытарычных тэрмінаў* (Казімірская, 2013) і інш.;
- 8) монаскапальныя агульныя двухмоўныя слоўнікі: *Беларуска-ўкраінскі слоўнік лінгвістычнай тэрміналогіі* (2013) і інш.;
- 9) біскапальныя агульныя двухмоўныя слоўнікі: *Słownik terminologii lingwistycznej (bialorusko-rosyjsko-polski i polsko-rosyjsko-bialoruski)* (1994) і інш.;
- 10) монаскапальныя аспектныя двухмоўныя слоўнікі: *Тэрміны і спецыяльныя паняцці і іх славацкія эквіваленты* (Калечыц, Коруна, 2013) з выдання *Марфалогія беларускай мовы* і інш.;
- 11) монаскапальныя агульныя шматмоўныя слоўнікі: *Slovník slovanské lingvistické terminologie* (1977) і інш.;
- 12) монаскапальныя аспектныя шматмоўныя слоўнікі: *Białorusko-polsko-rosyjski słownik terminów lingwistycznych i leksyki specjalnej* (Bekiś, Fontański, 1994) і інш.;
- 13) агульныя праектыўныя рээстравыя слоўнікі: *Слоўнік на мовазнаўстве: праект для абмеркавання* (1967) і інш.;
- 14) аспектныя рэгістрацыйныя рээстравыя слоўнікі: *Іншамоўныя тэрміны філалогіі ў даследаваных крыніцах* (Гуль, 2021) з выдання *Іншамоўная лексіка ў працэсе станаўлення і развіцця беларускай тэрміналогіі (на матэрыяле тэрмінасістэм філалогіі, філасофіі і сацыялогіі)* і інш.;
- 15) агульныя навігацыйныя рээстравыя слоўнікі: *Slovník slovanské lingvistické terminologie* (1979) і інш.;
- 16) алфавітныя аўтаномныя слоўнікі: *Беларуская мова: ад А да Я* (Старычонок, 2000) і інш.;
- 17) алфавітна-гнездавыя аўтаномныя слоўнікі: *Русско-белорусский словарь лингвистических терминов* (1988) і інш.;
- 18) ідэаграфічныя аўтаномныя слоўнікі: *Основен систем и терминологија на словенската ономастика* (1983) і інш.;
- 19) ідэаграфічна-алфавітныя аўтаномныя слоўнікі: *Слоўнік Мовазнаўства: праект для абмеркавання* (1984) і інш.;
- 20) алфавітныя інкарпараваныя слоўнікі: *Тэрміналагічны слоўнік з выдання Красамоўства ў Беларусі: хрэстаматыя* (2002) і інш.;
- 21) алфавітна-гнездавыя інкарпараваныя слоўнікі: *Мова. Чытанне. Пісьмо* з выдання *Тлумачальны слоўнік тэрмінаў пачатковага навучання* (2001) і інш.;

22) ідэаграфічна-алфавітныя інкарпараваныя слоўнікі: *Phonetische Termini. Grammatische Termini* (Малевіч, Дуброўская, Архіпава, 1994) з выдання *Практычны курс нямецкай мовы для студэнтаў гуманітарных факультэтаў і інш.*;

23) суб'ектыўна-аўтарскія інкарпараваныя слоўнікі: *Тэрміналагічная даведка* (Рамза 2006) з выдання *Пунктуацыя: кароткі комплексны дапаможнік і інш.*;

24) кагнітыўныя слоўнікі: *Кампаненты семантычнай структуры канструкцый з эліпсісам дзеяслова* (Чайка, 2015) з выдання *Тыпалогія канструкцый з эліпсісам дзеяслова ў сінтаксічнай сістэме сучаснай беларускай літаратурнай мовы (на матэрыяле мастацкіх і публіцыстычных твораў) і інш.*;

25) кагнітыўна-рэгуляцыйныя слоўнікі: *Беларуская мова: энцыклапедыя* (1990) і інш.;

26) камунікацыйныя слоўнікі: *Українсько-білоруський словник лінгвістичної термінології* (2012) і інш.;

27) камунікацыйна-рэгуляцыйныя слоўнікі: *Слоўнік граматычна-лінгвістычнае тэрмінолёгіі* (1927) і інш.;

28) кагнітыўна-дыдактычныя слоўнікі: *Кароткі слоўнік анамастычных тэрмінаў* (Шур, 2018) з выдання *Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапанімія і тапанімія* (2018) і інш.;

29) камунікацыйна-дыдактычныя слоўнікі: *Лінгвістычныя тэрміны* (Валочка, Фу Мэйянь, Юань Хаа, 2020) з выдання *Беларуская мова як замежная. Уводны курс для кітайскіх навучэнцаў і інш.*;

30) працэдурныя слоўнікі: *Праект слоўніка. Вып. IV: мовазнаўства* (1935) і інш.;

31) навігацыйныя слоўнікі: *Slovník slovanské lingvistické terminologie* (1979) і інш.;

32) дэманстрацыйныя слоўнікі: *Іншамоўныя тэрміны філалогіі ў даследаваных крыніцах* (Гуль, 2021) з выдання *Іншамоўная лексіка ў працэсе станаўлення і развіцця беларускай тэрміналогіі (на матэрыяле тэрмінасістэм філалогіі, філасофіі і сацыялогіі) і інш.*;

33) эверацыйныя слоўнікі: *Лінгвістычныя тэрміны іх рускія эквіваленты* з выдання *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў* (1990) і інш.;

34) сегментацыйныя слоўнікі: *Беларуска-рускі слоўнік лінгвістычных тэрмінаў з метадычнымі парадамі* (Міхей, 1989) і інш.

Відавочна, што праблема стварэння надзейнай тыпалогіі слоўнікаў спецыяльнай лексікі з'яўляецца першачарговай у дачыненні да агульнай праблемы распрацоўкі метадалогіі ўкладання слоўнікаў. Вызначэнне і ўсебаковы аналіз існуючых тыпаў выданняў неабходныя для асэнсавання агульных прынцыпаў іх стварэння, уліку асаблівасцей рэалізацыі гэтых прынцыпаў пры падрыхтоўцы асобных разнавіднасцей слоўнікаў і выпрацоўкі

аднастайных падыходаў да апісання спецыяльнай лексікі ў аднатыпных слоўніках. Прапанаваная тыпалогія дэманструе не толькі дасягненні беларускай лінгвістычнай тэрмінаграфіі. З яе дапамогай выяўляюцца лакуны і акрэсліваюцца магчымыя вектары далейшага развіцця. Так, адзначаецца дэфіцыт аспектных энцыклапедычных выданняў, сучасных агульных тлумачальных слоўнікаў, вузкагаліновых двух- / шматмоўных слоўнікаў з некалькімі інтэгрэванымі субрээстрамі і інш.

БІБЛІЯГРАФІЯ

ТЭАРЭТЫЧНЫЯ КРЫНІЦЫ

- Бобунова, М.А. (2009). *Русская лексикография XXI века*. Москва: Флинта – Наука.
- Васильева, Н.В. (1998). *Словари лингвистических терминов*. В: *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* (461–462). Москва: Большая Российская энциклопедия.
- Герд, А.С. (2016). *Заметки о предмете теории лексикографии*. В: *Слово и словарь – Vocabulum et vocabularium*. Вып. 14 (237–242), О.Н. Крылова, С.А. Мызников (отв. ред.). Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Дубичинский, В.В. (2009). *Лексикография русского языка*. Москва: Флинта.
- Ицкович, В.А. (1964). *О словаре новой лингвистической терминологии*. В: *Лингвистическая терминология и топонимика* (31–44), А.А. Реформатский (отв. ред.). Москва: Наука.
- Иванова, О. (2006). *Термінологічні словники: класифікаційні ознаки*, Українська мова, 4, 84–94.
- Казиминова, І.А. (2017). *Прикладна лінгвотермінографія*, Мовознавство, 2 (293), 55–68.
- Карпова, О.М., Кулагина, М.А. (2010). *Словари для иммигрантов: новый тип словаря*. Москва: Московский государственный областной университет.
- Козырев, В.А., Черняк, В.Д. (2004). *Русская лексикография*. Москва: Дрофа.
- Котелова, Н.З. (1976). *Семантическая характеристика терминов в словарях*. В: *Проблематика определений терминов в словарях разных типов* (30–44), С.Г. Бархударов, В.П. Петушков, Ф.П. Сороколетов (ред.). Ленинград: Наука.
- Крестова, С.А. (2003). *Лексикографическое описание терминологической системы «лексикография»: диссертация*. Иваново: Ивановский государственный университет.
- Куликова, И.С., Салмина, Д.В. (2002). *Введение в металингвистику: системный лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии*. Санкт-Петербург: Сага.
- Лесников, С.В. (2011). *Типология русских словарей лингвистических терминов*, Мир науки, культуры, образования, 6 (31), 6–10.
- Марчук, Ю.Н. (1992). *Основы терминографии*. Москва: МГУ.
- Маслов, Ю.С. (2005). *Введение в языкознание*. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, Москва: Akademia.
- Перерва, В.М. *О принципах и проблемах отбора терминов и составления словаря терминологических словарей*. В: *Проблематика определений терминов в словарях разных типов* (190–204). Ленинград: Наука.
- Поцепня, Д.М. (ред.) (2013). *Лексикография русского языка*. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета.

- Русакова, А.В. (2008). *Лингвистическая модель двуязычного электронного текстоориентированного словаря юридических терминов (на материале Конституции Российской Федерации, Конституции Французской Республики и Конвенции о защите прав человека и основных свобод)*: автореферат диссертации. Тюмень: Тюменский государственный университет.
- Симоненко, Л.О. (2017). *Термін як предмет лексикографії*, Мовознавство, 1 (292), 35–48.
- Сороколетов, Ф.П. (1985). *Общая и учебная лексикография*. Ленинград: Ленинградский государственный университет.
- Хайчук, Р., Zubov, A. (2004). *Основы создания терминологических словарей*. Белосток: Trans Humana.
- Шчэрбін, В. (2018). *Спецыяльная лексікаграфія Беларусі на мяжы тысячагоддзяў*. В: *Слов'янське термінознавство кінця ХХ – початку ХХІ століть* (423–467), В.Л. Іващенко (наук. ред.). Київ: Жнець.

- Bobunova, M.A. (2009). *Russkaya leksikografiya XXI veka*. Moscow: Flinta – Nauka.
- Dubichinskii, V.V. (2009). *Leksikografiya russkogo yazyka*. Moscow: Flinta.
- Gerd, A.S. (2016). *Zamетки o predmete teorii leksikografii*. V: *Slovo i slovar' – Vocabulum et vocabularium*. Вып. 14 (237–242), O.N. Krylova, S.A. Myznikov (otv. red.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Itskovich, V.A. (1964). *O slovare novoi lingvisticheskoi terminologii*. V: *Lingvisticheskaya terminologiya i toponomastika* (31–44), A.A. Reformatskii (otv. red.). Moscow: Nauka.
- Ivanova, O. (2006). *Terminologichni slovniki: klasifikatsiini oznaki*, Ukraïns'ka mova, 4, 84–94.
- Karpova, O.M., Kulagina, M.A. (2010). *Slovari dlya immigrantov: novyi tip slovarya*. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet.
- Kazimirova, I.A. (2017). *Prikladna lingvoterminografiya*, Movoznavstvo, 2 (293), 55–68.
- Khaichuk, R., Zubov, A. (2004). *Osnovy sozdavaniya terminologicheskikh slovarei*. Belostok: Trans Humana.
- Kotelova, N.Z. (1976). *Semanticheskaya kharakteristika terminov v slovaryakh*. V: *Problematika opredelenii terminov v slovaryakh raznykh tipov* (30–44), S.G. Barkhudarov, V.P. Petushkov, F.P. Sorokoletov (red.). Leningrad: Nauka.
- Kozyrev, V.A., Chernyak, V.D. (2004). *Russkaya leksikografiya*. Moscow: Drofa.
- Krestova, S.A. (2003). *Leksikograficheskoe opisanie terminologicheskoi sistemy «leksikografiya»*: dissertatsiya. Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Kulikova, I.S., Salmina, D.V. (2002). *Vvedenie v metalingvistiku: sistemnyi leksikograficheskii i kommunikativno-pragmaticheskii aspekty lingvisticheskoi terminologii*. St. Petersburg: Saga.
- Lesnikov, S.V. (2011). *Tipologiya russkikh slovarei lingvisticheskikh terminov*, Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 6 (31), 6–10.
- Marchuk, Yu.N. (1992). *Osnovy terminografii*. Moscow: MGU.
- Maslov, Yu.S. (2005). *Vvedenie v yazykoznanie*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet St. Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Moscow: Akademia.
- Pererva, V.M. *Oprintsipakh i problemakh otbora terminov i sostavleniya slovnika terminologicheskikh slovarei*. V: *Problematika opredelenii terminov v slovaryakh raznykh tipov* (190–204). Leningrad: Nauka.
- Potsepnyia, D.M. (red.) (2013). *Leksikografiya russkogo yazyka*. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet St. Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta.

- Rusakova, A.V. (2008). *Lingvisticheskaya model' dvuyazychnogo elektronnoho tekstoorientirovanogo slovarya yuridicheskikh terminov (na materiale Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii, Konstitutsii Frantsuzskoi Respubliki i Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod)*: avtoreferat dissertatsii. Tyumen: Tyumenskii gosudarstvennyi universitet.
- Shcherbin, V. (2018). *Spetsyial'naya leksikografiya Belarusi na myazhy tysyachagoddzyaŭ. V: Slov'yans'ke terminoznavstvo kintsya KhKh – pochatku KhKhI stolit' (423–467)*, V.L. Ivashchenko (nauk. red.). Kiiv: Zhnets'.
- Simonenko, L.O. (2017). *Termin yak predmet leksikografii*, *Movoznavstvo*, 1 (292), 35–48.
- Sorokoletov, F.P. (1985). *Obshchaya i uchebnaya leksikografiya*. Leningrad: Leningradskii gosudarstvennyi universitet.
- Vasil'eva, N.V. (1998). *Slovari lingvisticheskikh terminov. V: Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' (461–462)*. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya.

СЛОЎНІКІ

- Béjoint, H. (2010). *The Lexicography of English: From Origins to Present*. Oxford–New York: Oxford University Press.
- Bekiš, V.A., Fontański, H. (1997). *Bialorusko-polsko-rosyjski słownik terminów lingwistycznych i leksyki specjalnej*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Cabré Castellví, M.T. (2003). *Theories of terminology: Their description, prescription and explanation*, *Terminology*, 9 (2), 163–199.
- Jedlička, A. (edit.). (1977). *Slovník slovanské lingvistické terminologie = Словарь славянской лингвистической терминологии = Dictionary of Slavonic Linguistic Terminology*. Т. 1. Praha: Akademia.
- Jedlička, A. (edit.). (1979). *Slovník slovanské lingvistické terminologie = Словарь славянской лингвистической терминологии = Dictionary of Slavonic Linguistic Terminology*. Т. 2. Praha: Akademia.
- Nosowicz, J.F. (edit.). (1994). *Słownik terminologii lingwistycznej (bialorusko-rosyjsko-polski i polsko-rosyjsko-bialoruski)*. Białystok: Zakład Filologii Wschodniosłowiańskich Filii UW w Białymstoku.
- Безлай, Ф. (ред.). (1983). *Основен систем и терминологија на словенската ономастика*. Скопје: Македонска Академија на науките и уметностите.
- Бірыла, М.В., Сцяцко, П.У. (рэд.). (1990). *Лінгвістычныя тэрміны іх рускія эквіваленты. У: Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў (178–221)*. Мінск: Вышэйшая школа.
- Бірыла, М.В., Сцяцко, П.У. (рэд.) (1990). *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў*. Мінск: Вышэйшая школа.
- Бирилло, Н.В., Сцецко, П.В. (ред.). (1988). *Русско-белорусский словарь лингвистических терминов*. Минск: Наука и техника.
- Булыка, А.М., Мінакова, Л.М., Станкевіч, А.А. (2002). *Тэрміналагічны слоўнік. В: Красамоўства ў Беларусі: хрэстаматыя (170–179)*. Мінск: Універсітэцкае.
- Валочка, Г.М., Фу Мэйянь, Юань Хаа. *Лінгвістычныя тэрміны 语言术语. У: Беларуская мова як замежная. Уводны курс для кітайскіх навучэнцаў (95–87) = 白俄罗斯语入门教程*. Мінск: Вышэйшая школа.
- Гапоненка, І.А. (2020). *Асноўныя тэрміны і паняцці дыялекталогіі. У: Беларуская дыялекталогія: табліцы і схемы, пытанні і заданні (164–169)*. Мінск: БДУ.
- Гуль, М.У. (2021). *Іншамоўныя тэрміны філалогіі ў даследаваных крыніцах. У: Іншамоўная лексіка ў працэсе станаўлення і развіцця беларускай тэрміналогіі (на матэрыяле тэрмінасістэм філалогіі, філасофіі і сацыялогіі) (202–210)*. Брэст: БрДУ.

- Дзятко, Д.В. (рэд.). (2017). *Энцыклапедыя для школьнікаў і студэнтаў. Беларуская мова*. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя.
- Зіманскі, В.Э. (2019). *Кароткі слоўнік тэрмінаў. У: Беларуская палеаграфія (185–186)*. Віцебск: ВДУ.
- Казімірская, Т.А. (2012). *Слоўнік рытарычных тэрмінаў*. Магілёў: МДУ.
- Калечыц, А.І., Корына, Н.Б. (2013). *Тэрміны і спецыяльныя паняцці і іх славацкія эквіваленты. У: Марфалогія беларускай мовы (119–124)*. Нітра: УКФ.
- Кожух, І.Р. (рэд.). (2001). *Мова. Чытанне. Письмо. У: Тлумачальны слоўнік тэрмінаў пачатковага навучання (87–167)*. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя.
- Лёсік, Я. і інш. (1927). *Слоўнік граматычна-лінгвістычнае тэрміналогіі*. Мінск: Ін-т беларускае культуры, 1927.
- Лобан, М.П. (адк.). (1967). *Слоўнік па мовазнаўстве*. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя.
- Малевіч, В.Г., Дуброўская, К.Ф., Архіпава, Н.І. (1994). *Phonetische Termini. Grammatische Termini. У: Нямецка-беларускі слоўнік (14–17)*. Мінск: БДПУ.
- Міхей, М.З. (1989). *Беларуска-рускі слоўнік лінгвістычных тэрмінаў з метадычнымі парадамі*. Мінск: БДУ.
- Міхневіч, А.А. (рэд.). (1994). *Беларуская мова: энцыклапедыя*. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя.
- Паламарчук, В.Л. і інш. (2013). *Беларуска-ўкраінскі слоўнік лінгвістычнай тэрміналогіі*. Київ: Освіта України.
- Паламарчук, О.Л. (та ін.) (2012). *Українсько-білоруський словник лінгвістичної термінології*. Київ: Освіта України.
- Праект слоўніка* (1935). Менск: БАН.
- Рагаўцоў, В.І. (2013). *Слоўнік пра камічнае: мовазнаўчы аспект*. Магілёў: МДУ.
- Рамза, Т.Р. (2006). *Тэрміналагічная даведка. У: Пунктуацыя: кароткі комплексны дапаможнік (52–54)*. Мінск: БДУ.
- Семяноў, В.С. (адк.). (1984). *Слоўнік „Мовазнаўства”*. Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя.
- Старычонок, В.Д. (2000). *Беларуская мова: ад А да Я: у дапамогу абітурыентам і школьнікам*. Мінск: Вышэйшая школа.
- Чайка, Н.У. (2015). *Слоўнік кампанентаў семантычнай структуры сказа*, Роднае слова, 10, 39–40.
- Шур, В.В. (2018). *Кароткі слоўнік анамастычных тэрмінаў. У: Беларускія ўласныя імёны: беларуская антрапанімія і тапанімія (342–343)*. Мазыр: Выснова.
- Юрэвіч, А.Л. (1962). *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў*. Мінск: Выдавецтва Міністэрства вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесійнай адукацыі БССР.

- Béjoint, H. (2010). *The Lexicography of English: From Origins to Present*. Oxford–New York: Oxford University Press.
- Bekiš, V.A., Fontański, H. (1997). *Białorusko-polsko-rosyjski słownik terminów lingwistycznych i leksyki specjalnej*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Bezlai, F. (red.). (1983). *Osnoven sistem i terminologija na slovenskata onomastika*. Skopje: Makedonska Akademija na naukite i umetnostite.
- Birillo, N.V., Stsetsko, P.V. (red.). (1988). *Russko-belorusskii slovar' lingvisticheskikh terminov*. Minsk: Nauka i tekhnika.

- Biryła, M.V., Stsyatsko, P.U. (red.). (1990). *Lingvistychnyya terminy ikh ruskiya ekvivalenty*. U: *Sloŭnik lingvistychnykh terminaŭ* (178–221). Minsk: Vysheishaya shkola.
- Biryła, M.V., Stsyatsko, P.U. (red.). (1990). *Sloŭnik lingvistychnykh terminaŭ*. Minsk: Vysheishaya shkola.
- Bulyka, A.M., Minakova, L.M., Stankevich, A.A. (2002). *Terminalagichny sloŭnik*. V: *Krasamoŭstva ŭ Belarusi: khrestamatyya* (170–179). Minsk: Universitetskay.
- Cabré Castellví, M.T. (2003). *Theories of terminology: Their description, prescription and explanation*, Terminology, 9 (2), 163–199, <https://doi.org/10.1075/term.9.2.03cab>.
- Chaika, N.U. (2015). *Sloŭnik kampanentaŭ semantychnai struktury skaza*, Rodnae slova, 10, 39–40.
- Dzyatko, D.V. (red.). (2017). *Entsyklapedyya dlya shkol'nikaŭ i studentaŭ. Belaruskaya mova*. Minsk: Belaruskaya Entsyklapedyya.
- Gaponenka, I.A. (2020). *Asnoŭnyya terminy i panyatsti dyialektologii*. U: *Belaruskaya dyialektologiya: tablitsy i skhemy, pytanni i zadanni* (164–169). Minsk: BDU.
- Gul' M.U. (2021). *Inshamoŭnyya terminy filalogii ŭ dasledavanykh krynitsakh*. U: *Inshamoŭnaya leksika ŭ pratsese stanawŭlennya i razvitsysya belaruskai terminalogii (na materyyale terminasistem filalogii, filasofii i satsyyalogii)* (202–210). Brest: BrDU.
- Jedlička, A. (edit.). (1977). *Slovník slovanské lingvistické terminologie = Slovar' slavyanskoi lingvisticheskoi terminologii = Dictionary of Slavonic Linguistic Terminology*. T. 1. Praha: Akademia.
- Jedlička, A. (edit.). (1979). *Slovník slovanské lingvistické terminologie = Slovar' slavyanskoi lingvisticheskoi terminologii = Dictionary of Slavonic Linguistic Terminology*. T. 2. Praha: Akademia.
- Kalechyts, A.I., Koryna, N.B. (2013). *Terminy i spetsyyal'nyya panyatsti i ikh slavatskiya ekvivalenty*. U: *Marfalogiya belaruskai movy* (119–124). Nitra: UKF.
- Kazimirskaya, T.A. (2012). *Sloŭnik rytarychnykh terminaŭ*. Magileŭ: MDU.
- Kozhukh, I.R. (red.). (2001). *Mova. Chytanne. Pis'mo*. U: *Tlumachal'ny sloŭnik terminaŭ pachatkovaga navuchannya* (87–167). Minsk: Belaruskaya Entsyklyklapedyya.
- Lesik, Ya. i insh. (1927). *Sloŭnik gramatychna-lingvistychnae terminologii*. Minsk: In-t belaruskay kul'tury, 1927.
- Loban, M.P. (adk.). (1967). *Sloŭnik pa movaznaŭstve*. Minsk: Belaruskaya Savetskaya Entsyklapedyya.
- Malevich, V.G., Dubroŭskaya, K.F., Arkhipava, N.I. (1994). *Phonetische Termini. Grammatische Termini*. U: *Nyametska-belaruski sloŭnik* (14–17). Minsk: BDPU.
- Mikhei, M.Z. (1989). *Belaruska-ruski sloŭnik lingvistychnykh terminaŭ z metadychnymi paradami*. Minsk: BDU.
- Mikhnevich, A.Ya. (red.). (1994). *Belaruskaya mova: entsyklapedyya*. Minsk: Belaruskaya Entsyklapedyya.
- Nosowicz, J.F. (edit.). (1994). *Słownik terminologii lingwistycznej (bialorusko-rosyjsko-polski i polsko-rosyjsko-białoruski)*. Białystok: Zakład Filologii Wschodniosłowiańskich Filii UW w Białymstoku.
- Palamarchuk, O.L. (ta in.) (2012). *Ukrains'ko-bilorus'kii slovník lingvistichnoï terminologii*. Kiïv: Osvita Ukraïni.
- Palamarchuk, V.L. i insh. (2013). *Belaruska-ŭkrainski sloŭnik lingvistychnai terminalogii*. Kiïv: Osvita Ukraïni.
- Praekt sloŭnika* (1935). Minsk: BAN.
- Ragaŭtsoŭ, V.I. (2013). *Sloŭnik pra kamichnae: movaznaŭchy aspekt*. Magileŭ: MDU.
- Ramza, T.R. (2006). *Terminalagichnaya davedka*. U: *Punktuatsyya: karotki kompleksny dapamozhnik* (52–54). Minsk: BDU.
- Semenyakoŭ, V.S. (adk.). (1984). *Sloŭnik „Movaznaŭstva”*. Minsk: Belaruskaya Savetskaya Entsyklapedyya.

- Shur, V.V. (2018). *Karotki sloŭnik anamastychnykh terminaŭ*. U: *Belaruskiya ŷlasnyya imeny: belaruskaya antrapanimiya i tapanimiya* (342–343). Mazyr: Vysnova.
- Starychonak, V.D. (2000). *Belaruskaya mova: ad A da Ya: u dapamogu abituryentam i shkol'nikam*. Minsk: Vysheishaya shkola.
- Valochka, G.M., Fu Meiyang, Yuan' Khaa. *Lingvistychnyya terminy* 语言术语. U: *Belaruskaya mova yak zamezhnaya. Uvodny kurs dlya kitaiskikh navuchentsay* (95–87) = 白俄罗斯语入门教程. Minsk: Vysheishaya shkola.
- Yurevich, A.L. (1962). *Sloŭnik lingvistychnykh terminaŭ*. Minsk: Vydavetstva Ministerstva vysheishai, syarednyai spetsyyal'nai i prafesiinai adukatsyi BSSR.
- Zimanski, V.E. (2019). *Karotki sloŭnik terminaŭ*. U: *Belaruskaya paleagrafiya* (185–186). Vitsebsk: VDU.

Ваня Иванова (Vanya Ivanova)

 <https://orcid.org/0000-0002-1936-7983>

*Великотырновский университет
имени Святых Кирилла и Мефодия
Филологический факультет, кафедра русистики
Болгария, 5003 Велико-Тырново, Т. Тырновски 2
vania.ivanova1@gmail.com*

О некоторых ошибках в переводе с русского на болгарский язык (на материале переводных статей общественно-политического характера)

On Selected Mistakes in the Translation from Russian into Bulgarian (Based on Translated Articles on Social and Political Matters)

Резюме

Статья рассматривает некоторые ошибки в переводе с русского на болгарский язык материалов общественно-политического характера. Цели исследования: выявить причины возникновения переводческих ошибок и определить самые распространенные типы ошибок в соответствии с требованиями к адекватности перевода, принятыми в русской транслатологии. Методом исследования служит сопоставительный анализ перевода – анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием текста оригинала. В качестве основы систематизации обнаруженных ошибок используются два типа классификации. Первая из них базируется на причинах их возникновения и выявляет уровни в переводческом процессе, на которых происходят ошибки. Во второй классификации ведущими являются степень искажения оригинального текста и специфика ошибок в переводе. В этом плане выделяются разные виды содержательных несоответствий: немотивированные добавления или опущения, неудачные формулировки, неперевоенные единицы, «ложные друзья переводчика», нарушение общей, предметной или текстовой логики и т.д. В результате проведенного анализа устанавливается, что в основном допущены ошибки на уровне *знак – понятие*, преимущественно из-за непонимания смысла слов в оригинале; наблюдаются также ошибки на этапе перевыражения системы смыслов, по причине недостаточно мастерского владения переводчиками как языком оригинала, так и языком перевода.

На материале рассмотренных переводных статей самыми распространенными оказываются ошибки классификационных типов искажения и неточности.

Ключевые слова: переводческая ошибка, искажение, неточность, неясность, русский язык, болгарский язык.

Summary

The article examines some errors in the translation of articles on social and political matters from Russian into Bulgarian. The aims of the study were: to identify the causes of translation errors and the most common types of errors in accordance with the requirements of translation adequacy, as adopted in Russian translatology. The method of research was a comparative analysis of the translation – an analysis of the form and content of the translated text in comparison with the form and content of the original text. Two types of classification are used as a basis for systematizing identified errors. The first one looks at the reasons for their occurrence and identifies the levels of the translation process at which such errors occur. In the second classification, the leading errors are the degree of distortion of the original text and the aspects of errors in translation. In this regard, different types of content inconsistencies are distinguished: unmotivated addition or omission of elements, irrelevant wordings, untranslated units, “false friends of the translator”, violation of the general subject or textual logic, etc. As a result of the analysis, it was established that the main mistakes occurred at the *sign-concept* level, mainly due to the misunderstanding of the meaning of certain words in the original; errors are also observed at the stage of re-expression of the semantic system due to translator’s poor command of both the original language and the language of translation. Based on the material from the reviewed articles, the most common errors that were classified were “misinformative change of meaning” and “inaccuracy”.

Keywords: translation error, change of meaning, inaccuracy, ambiguity, Russian language, Bulgarian language.

В последние годы наблюдается заметное снижение качества переводов с русского на болгарский язык как в области художественного перевода, так и в других сферах переводческой деятельности – перевод публицистики, научно-популярных, общественно-политических текстов, рекламных и маркетинговых материалов и т.д. В пространстве СМИ немало статей русских сайтов переводятся на болгарский язык, но, к сожалению, не всегда эти работы отвечают требованиям качественного перевода. Очевидно, за перевод иногда берутся люди, не только не имеющие специального филологического образования и знаний в области транслатологии, но, оказывается, что у них также не очень высокий уровень вербальной культуры родного языка. В результате их переводы изобилуют разнообразными ошибками, неточностями и искажениями, что приводит к затруднениям в понимании текста со стороны читателя, а нередко и к передаче ошибочной информации.

Настоящая статья посвящена некоторым ошибкам, допущенным в переводах материалов (статей, интервью и др.), опубликованных на русских

общественно-политических сайтах в последние 5–6 лет. Обращается внимание на причины возникновения ошибок; они классифицируются согласно некоторым из самых распространенных классификационных признаков в существующих систематизациях переводческих ошибок в русской теории перевода.

В отношении термина *переводческая ошибка* существует ряд определений. В.Н. Комиссаров выделяет *единицы несоответствия*, т.е. непереведенные элементы оригинала, искажения и элементы, добавленные в переводе, но не имеющие соответствия в оригинале (Комиссаров, 1990, 239). А.Д. Швейцер рассматривает ошибку как отступление от содержательного соответствия перевода оригиналу (Швейцер, 1988), а по мнению Р.К. Миньяр-Белоручева, ошибка перевода представляет собой меру несоответствия перевода оригиналу (Миньяр-Белоручев, 1996).

В русском переводоведении существует множество классификаций переводческих ошибок, рассматривающих и систематизирующих ошибки в трансляции содержания исходного текста в различных аспектах (В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, К.И. Ковалева, А.Б. Шевнин, М.Ю. Бродский, Н.К. Гарбовский, Л.К. Латышев и др.). Узкий подход к пониманию переводческой ошибки в целом выделяет два типа ошибок: буквализмы и вольности. *Буквализм* понимается как неудачное воспроизведение формы подлинника, сохранение одного из признаков языкового знака в ущерб другим (Миньяр-Белоручев, 1999, 35). Р.К. Миньяр-Белоручев выделяет *семантические буквализмы*, которые рождаются в результате перевода слова или словосочетания по их семантическим составляющим, и *грамматические буквализмы*, которые сохраняют чужие языку перевода грамматические структуры и формы. *Вольность* – это явление, противоположное буквализму, представляющее собой передачу ключевой информации без учета формальных и семантических компонентов исходного текста. Посредством выделения вольностей и буквализмов, однако, рассматривается только нарушение нормы эквивалентности, но не дается представления о степени дезинформирующего воздействия перевода. Более широкое понимание переводческой ошибки основывается не только на учете нарушений в передаче содержания, но и включает также ошибки, связанные с отсутствием адаптации этого содержания к новым лингвоэтническим условиям (Латышев, 2007).

Настоящий анализ, кроме выделения вольностей и буквализмов в переводе, использует в основе систематизации переводческих ошибок элементы двух классификаций: Н.К. Гарбовского и Л.К. Латышева.

Типология переводческих ошибок Н.К. Гарбовского (Гарбовский, 2007, 514–533) в основном акцентирует внимание на причинах возникновения ошибок в процессе перевода. Он считает, что изучение природы ошибок может быть построено на основании анализа когнитивного опыта переводчика, т.е. его индивидуального опыта в познании окружающей действительности

как языковой, так и внеязыковой. В наиболее общем виде эта типология причин переводческих ошибок при расшифровке системы смыслов исходного текста включает следующие факторы:

1. Недостаточное владение языком оригинала.
2. Недостаточный когнитивный опыт. Недостаток знаний об описываемой в исходном тексте области окружающей действительности.
3. Невнимательное отношение к системе смыслов, заключенной в исходном тексте. Непонимание того, что автор говорит о предмете.
4. Неумение различить особенности индивидуального стиля автора исходного речевого произведения.

Переводческие ошибки возникают на этапе, когда переводчик принимает решение о переводе той или иной единицы ориентирования. Они могут быть обусловлены как неверной расшифровкой смысла знаков, составляющих единицу ориентирования, так и неправильным выбором знаков в переводящем языке для оформления единицы перевода (Гарбовский, 2007, 514–515).

Переводческие ошибки классифицируются Н.К. Гарбовским следующим образом:

1. Ошибки, обусловленные непониманием смыслов исходного текста (включаются также национально-специфические и культурные реалии). Они могут затрагивать все аспекты текста как знаковой сущности: прагматический, семантический и синтаксический.

2. Ошибки понимания на уровне *знак – понятие*. Переводческие ошибки на семантическом уровне происходят в результате неверных трансформаций. Они основываются на ошибочном представлении переводчика о соответствии знаков исходного языка понятиям, т.е. знакам приписываются совсем не те понятия, которые они заключают в себе на самом деле.

3. Ошибки понимания на уровне *знак – сложное понятие*, т.е. на уровне словосочетания.

4. Ошибки понимания на уровне *знак – суждение*. Они затрагивают смысл целых суждений и более сложных логических конструкций и часто происходят в результате недостаточно внимательного отношения к синтаксической организации высказывания.

5. Ошибки понимания предметной ситуации. Как следствие таких ошибок возникают: 1) переводческие лакуны (не опущения как тип переводческой трансформации – они имеют лингвистическую основу и обусловлены языковой асимметрией) имеют когнитивный характер, обуславливаются недостаточными знаниями переводчика; 2) слепое следование оригиналу, без понимания его смысла; 3) подмена динамического фрейма в сознании автора оригинала своим собственным, возникшим на основе недостаточного когнитивного опыта.

6. Переводческие ошибки на этапе перевыражения системы смыслов. Такие ошибки обусловлены прежде всего недостаточно мастерским владе-

нием языком перевода, неспособностью найти в языке перевода формы, эквивалентные соответствующим формам оригинала.

7. Стилистические ошибки. Как известно, это нарушение единства текста с позиции его функционально-стилистической принадлежности, в основном базирующееся на использовании лексических единиц, синтаксических конструкций или стилистических средств в переводе, не соответствующих по своим функциональным свойствам жанрово-стилистической разновидности текста оригинала.

В качестве основы классифицирования переводческих ошибок в настоящей статье используется также типология Л.К. Латышева (2005). Л.К. Латышев организует классификацию переводческих ошибок на основе их возникновения в процессе передачи содержания исходного текста. Он выделяет три группы ошибок: *неточности*, *неясности* и *искажения*. В основе такой систематизации лежат специфика и степень воздействия ошибки на адресата перевода.

Искажение существенно дезинформирует адресата относительно того, что сказано в исходном тексте.

Неточности также дезинформируют адресата перевода относительно предмета высказывания, однако степень дезинформации менее существенна, чем в случае искажения. При решении вопроса, куда отнести определенную ошибку – в разряд искажений или к категории неточностей, нужно учесть функциональную нагрузку неправильно переданной части содержания.

Неясности отличаются от искажений и неточностей тем, что оказывают на адресата перевода прежде всего дезориентирующее воздействие – содержание передано переводчиком таким образом, что становится неясным «куда мысли идти» (Латышев, 2005, 235–238).

В последней классификации, в границах каждой группы, возможно более детализированное выделение видов содержательных несоответствий, как, например: немотивированные добавления или опущения, неудачные формулировки, неперевоенные единицы, «ложные друзья переводчика», нарушение общей, предметной или текстовой логики, отсутствие учета различий в экстралингвистических ситуациях, отсутствие учета импликаций, искажение авторской интенции и др.

Кроме указанных смысловых ошибок, на языковом уровне обособляются *лексические ошибки*, например, ошибки в области сочетаемости, наличие повторений, тавтологий, паронимов; ошибки в переводе терминологии и собственных имен, неузуальность и т.д. На уровне грамматики можно отметить разные по типу *морфологические* и *синтаксические ошибки*, например, неправильные морфологические формы слов, неправильное согласование; также ошибки в синтаксисе, связанные с порядком слов, с несогласованностью предложений и неправильной передачей причинно-следственных связей, с неправильной организацией тема-рематического членения и др.

В области стилистики выделяются разные *функционально-стилистические ошибки*: смешение стилей, т.е. стилистическая неоднородность, неуместное употребление диалектизмов, просторечных слов и жаргонизмов, ошибки при переводе стилистических фигур речи, экспрессивно-стилистические ошибки и отсутствие учета коннотаций в исходном тексте и др.

В настоящей статье рассмотрены 24 русские и болгарские статьи – 12 пар оригинальных русских текстов и их переводов на болгарский язык. Переводческие ошибки систематизированы на основе признаков указанных выше классификаций. Анализ ограничен рассмотрением *смысловых ошибок* в болгарских переводах указанных статей. Лексические, морфологические, синтаксические и функционально- стилистические ошибки остаются за рамками настоящего анализа.

1. Искажения

1.1. Ошибки, обусловленные непониманием на уровне *знак – понятие*

Ошибки на уровне *знак – понятие*, происходящие при незнании и непонимании переводящим значения слова и приводящие к искажению оригинального текста в переводе, наблюдаются в следующих случаях, ср.:

1) Русск. *Интересно, что несмотря на то, что собственные расследования ведутся правоохранительными органами США, Великобритании и, как недавно выяснилось, прокуратурой РФ, их болгарские коллеги продолжают тихо бездействовать.* (1)

Болг. *Любопитното е, че въпреки разследванията, които се правят по случая от САЩ, Великобритания, а както се изясни неотдавна, и от Франция, българските им колеги продължават да се скатават.* (2)

Правильная расшифровка аббревиатуры *РФ* – *Российская Федерация*, что становится ясным не только из контекста (речь идет о произошедших событиях в Болгарии, имеющие свой отзвук в России); прежде всего известно, что *РФ* является общепринятым сокращением в отношении России в русском языке не только в общественно-политическом дискурсе, но и во многих других речевых ситуациях.

2) Русск. *После разразившегося скандала они решили наказать журналиста, продемонстрировавшего **невзначай**, что отечественный либерал по своей природе – это ограниченный канибал, оперирующий штампами ...* (15)

Болг. *В крайна сметка решиха да приключат със скандала, като наказват журналиста, който **показва себе си като «никой»**, като руски либерал «по природа» – ограничен канибал, който си служи с щампи ...* (16)

В этом случае переводящий использует развернутую конструкцию, не имеющую ничего общего со словом в оригинале, ср.: *невзначай* – ‘случайно, непреднамеренно, невольно, без да искам’ (НРБР, 2007).

3) Русск. *Четыре армии не интернетных, вполне реальных, «всамделишных» врагов.* (9)

Болг. *Четири армии, и не интернетни, а съвсем реални «самоделни» врагове.* (10) Непонимание значения слова со стороны переводящего и неудачная импровизация в переводе, без какой-либо связи с оригинальным текстом и авторским намерением, приводит к употреблению псевдоэквивалента, основанного на сходстве в звучании русского и болгарского слов с совершенно различными значениями, ср.: *всамделишный* – прост. ‘настоящий’ (БТСРЯ, 2006).

1.2. Переводческие ошибки на этапе перевыражения системы смыслов

1) Русск. ... *как утверждает акционер компании Дмитрий Косарев, фактически новыми собственниками компании стали менеджеры ВТБ во главе с первым вице-президентом Юрием Соловьевым, который и организовывал эту сделку, не забыв договориться о «крыше» с болгарским премьер-министром.* (1)

Болг. ...*както казва акционерът на компанията Дмитрий Косарев, фактически нови собственици на компанията стават мениджърите на ВТБ начело с първия вицепрезидент Юрий Соловьев, който организира тази сделка, без да пропусне да се договори с българския премиер за «покрива на къщата».* (2)

По мнению Н.К. Гарбовского, как уже было упомянуто, эти ошибки обусловлены недостаточно мастерским владением языком перевода и неспособностью найти в языке перевода формы, эквивалентные соответствующим формам оригинала. В данном случае эквивалентом значения слова *крыша* – крим. жарг. ‘Группировка, структура, обеспечивающая кому-либо защиту и покровительство или служащая прикрытием какой-либо деятельности’ (БТСРЯ, 2006) в болгарском языке является *чадър* – прен. публ. ‘Закрила, покровительство на някого, който върши закононарушения, обикновено от страна на влиятелна личност // Лице или политическа структура, които осигуряват такава закрила’ (РНДБЕ, 2010).

Следующие три случая искажений также осуществлены на этапе перевыражения системы смыслов, но причиной подачи ошибочной информации в переводе прежде всего является невнимательное чтение переводящего, недосмотр, небрежное отношение к системе смыслов, заключенной в исходном тексте, ср.:

2) Русск. *Поэтому, образно говоря, рулевому все равно, что будет с кораблем, потому что он не собирается на нем плыть.* (1)

Болг. *Образно казано, затова на кормчията му е все тая какво ще стане с кораба, тъй като няма никакво намерение да плаща за него.* (2)

3) Русск. *Во время оккупации в литовской гражданской администрации работали 600 немцев и 20 тысяч литовцев.* (5)

Болг. *По време на окупацията в литовската гражданска авиация са работели 600 германци и 20 000 литовци.* (6)

4) Русск. *А человек справа руководил карательным батальоном, на его совести где-то 70 тысяч жизней.* (5)

Болг. *А човекът отдясно е ръководил **картелен** батальон, на съвестта му тежат около 70 хиляди човешки живота.* (6)

1.3. Ошибки, обусловленные непониманием смысла исходного текста или непониманием описываемой предметной ситуации

1.3.1. Сначала укажем несколько случаев не только ошибочного, но даже антонимического перевода, где осуществляется замена определенной информации противоположным утверждением, ср.:

1) Русск. *15 человек **выслали уже в независимую Литву**, но Литва их не судила.* (5)

Болг. *15 души **вече са изгонени от независима Литва**, а Литва не ги е съдила.* (6)

2) Русск. *Значит, **им было что предложить КГБ**, может, кого-то сдали.* (5)

Болг. *Значи **КГБ е имало какво да им предложи**, може би са предали някого.* (6)

3) Русск. *Тогда блокада только начиналась, **ИГ еще не полностью контролировало** дороги в Дейр-эз-Зор, и транспортное сообщение было возможно.* (17) Болг. *Това било още в началото на блокадата, **когато бойците на ИД установили контрол** върху пътищата към Дейр ез Зор.* (18)

4) Русск. *Видимо, поначалу руководители фрондерского листка просто недооценили – по причине все того же простодушия – великую силу саморазоблачительного порыва Светланы Александровны, **демаскировавшего** в одно мгновение всю хищную сущность прогрессивных чаяний, закамуфлированную призывами к гуманизму.* (15)

Болг. *Явно поначало водачите на тези хора са били «недооценени» поради простодушието на Алексиевич. Заради самоизобличителния порив на Светлана Александровна, която само за миг **прикрива** цялата хищна същност на «прогресивните си пориви».* (16)

5) Русск. *Дополнительным бонусом для Трампа является то, что этот коррупционный скандал **опосредованно затрагивает** спецпрокурора Мюллера, который ведет расследование связей Трампа с Москвой.* (21)

Болг. *Допълнителен бонус за Тръмп е, че с този корупционен скандал **се занимава пряко** спецпрокурора¹ Мюлер, който водеше специалното разследване за връзката на Тръмп с Москва.* (22)

1.3.2. Другие случаи подачи ошибочной информации по причине непонимания предметной ситуации – это ошибки, ведущие к подмене динамического фрейма в сознании автора оригинала своим собственным, возникшим на основе недостаточного когнитивного опыта (Гарбовский, 2007). Такие подмены наблюдаются в следующих фрагментах перевода:

¹ Грамматическая ошибка в употреблении неправильного артикля в болгарском языке.

1) Русск. *Все думали, что это просто статистика – 200 тысяч человек. Для того чтобы люди поняли, почувствовали сердцем, им надо показать чьи-то зубы, чьи-то разбитые о дерево детские головы.* (5)

Болг. *Всички са смятали, че това е просто статистика – 200 хиляди души са вярвали в това. За да разберат, да почувстват със сърцата си, трябва да им покажеш нечи зъби, нечи разбити в дърветата детски глави.* (6)

В данном отрезке текста очевидно, что автор имеет в виду то, что 200 тысяч человек – это люди, погибшие в данном конфликте по статистике, а не люди, которые верят в эту статистику.

2) Русск. *Сам президент работает рядом – в Сенатском дворце, эта часть Кремля особо охраняется и закрыта для туристов.* (11)

Болг. *Самият президент работи в съседство със Сената на Кремъл, високо защитена зона, която е затворена за обществеността.* (12)

Данный фрагмент свидетельствует не только о неумении переводить, но и об отсутствии в сознании переводящего основной социокультурной информации о стране, с языка которой он переводит, а именно – где находится рабочая резиденция российского президента – в Сенатском дворце или рядом с Сенатским дворцом.

2. Неточности

Переводческие неточности характеризуются меньшей степенью дезинформирующего воздействия на читателя, они не искажают полностью содержание оригинального текста, но часто требуют уточнения.

2.1. Ошибки на уровне *знак – понятие*

Среди неточностей такого типа прежде всего выделяются «ложные друзья переводчика»: в нашем случае – русско-болгарские омонимы и паронимы.

2.1.1. Русско-болгарские омонимы

1) Русск. *Врачей в городе, конечно, не хватало, жителям приходилось самим оказывать друг другу первую помощь. Добираться пришлось через несколько кварталов – под обстрелами.* (17)

Болг. *Лекарите в града, естествено, не достигали, и хората трябвало сами да си оказват първа помощ. Наложило се да минат през няколко квартала под бомбите, докато стигнат до мястото.* (18)

Как известно, значение русского слова *квартал*, это ‘часть от града между четыри улицы’, ‘часть от улица между две пресечки’ (НРБР, 2007), а русский эквивалент болгарского слова *квартал*, это *район* (БРР, 2008).

2) Русск. *... Быстренько мы все спаковали, и он дал нам команду уезжать, – вспоминает Ирина те секунды, которые тянулись как долгие часы. – «Просто это воля Бога», – так объясняет она себе чудесное спасение.* (17)

Болг. *...Бързичко си събрахме партакешите и той ни направи знак да минаваме, спомня си Ирина напрегнатите секунди, които ѝ се сторили като часове. «Явно такава е била Божията воля» – така си обяснява чудесното избавление.* (18)

В данном контексте нетрудно догадаться, что необходимо перевести «чудното избавление», а не *«чудесното избавление», ср. значения слов русск. *чудесный* и болг. *чудесен* в толковых словарях обоих языков: Русск. *Чудесный* '1) Соотносящийся по значению с существительным «чудо», связанный с ним. 2) Закрывающий в себе чудо; волшебный. Имеющий волшебную силу. 3) перен. разг. То же, что: чудный' (НСРЯТС, 2000). Болг. *Чудесен* '1) Който се отличава с голяма красота, хубост; прекрасен, възхитителен. 2) Който буди възторг с делата, постъпките, качествата си; прекрасен' (РБЕ).

3) Русск. *Что же касается «простых американцев», то они политические шоу смотрят вяло, и их точно не захватывает интрига, связанная с урановой сделкой...* (23)

Болг. *Що се отнася до «простите американци», те гледат вяло на политическото шоу и тях въобще не ги интересува интригата, свързана с урановата сделка...* (24)

Известно, что русское прилагательное *простой*, употребляемое в отношении человека, на болгарский язык переводится как *обикновен*, а не *прост*, которое имеет совсем различную, негативную коннотацию.

4) Русск. *Риторика США заставляет вспомнить о дворовых разборках.* (3)

Болг. *Реториката на САЩ напомня за уличен разбор.* (4)

Слово *разбор* в болгарском языке не имеет значения, указанного в переводе предложения. Русск. *разборка*, это жаргонный семантический неологизм, ср.: жарг. 'Изясняване на отношенията, разчистване на сметки (в криминалните среди – обикн. съпроводено с насилие)' (НРБР, 2007).

5) Русск. *А еще волонтеры, активисты, гражданские корпусники ...* (9)

Болг. *И още – доброволци, активисти, граждански корпусники ...* (10)

В данном случае ошибка является буквализмом, следствием слепого следования оригиналу. Не существует слова *корпусник* в болгарском языке в таком значении; встречается профессиональный термин *корпусник* в значении 'техническое лицо в разных профессиях', ср. болг. *корпусник – отговорности: извършва корпусни и монтажни работи, осигуряващи нормалното изграждане и експлоатация на изделиято...* (интернет). Правильный перевод в вышеуказанном контексте будет *лица от гражданския корпус*.

2.1.2. Русско-болгарские паронимы

В следующем фрагменте наблюдается терминологическая ошибка из разряда буквализмов, причиной которой является русско-болгарская паронимия, ср.:

Русск. *Донецк не признал этот переворот и его «правовые» последствия.* (15)

Болг. *Донецк не призна този преврат и неговите «правови» последствия.* (16) Вм. «правни последствия».

2.2. Переводческие ошибки на этапе перевыражения системы смыслов

2.2.1. На этапе перевыражения системы смыслов в рамках переводческих неточностей обособляется употребление ряда *неточных эквивалентов*, которые не искажают понимание текста перевода в целом, но часто приводят к недостаточно ясной передаче информации, или в определенной степени переводящий заменяет динамический фрейм в сознании автора оригинала своим собственным.

1) Русск. *Другие решили, что устроили все же даишники, но в результате политики России в Сирии.* (7)

Болг. *Други решиха, че трагедията е дело на наемници, но в резултат на политиката на Русия в Сирия.* (8)

В данном случае можем говорить о применении какого-то типа немотивированной генерализации, поскольку *даишники* – это производное существительное от названия организации ДАИШ, болг. ДАЕШ / ИДИЛ, но трудно найти способ перевода, при передаче полной и точной информации, ср. например: *бойци / терористи от ИДИЛ* и под.

Далее укажем еще два примера употребления неточных эквивалентов, не мешающих в большой степени восприятию переведенного текста:

2) Русск. *И Трамп вынужден был его подписать, пусть и оговариваясь, что не согласен с этим документом, который, по его мнению, противоречит Конституции.* (19)

Болг. *Тръмп бе принуден да го подпише, въпреки оплакванията му, че документът противоречал на Конституцията.* (20)

3) Русск. *Привлекает внимание тот факт, что обвинения распространяются в **респектабельных** СМИ, таких как The Hill и Newsweek ...* (21)

Болг. *Привлича вниманието факта², че обвиненията се разпространяват чрез **республиканските** медии, такива като The Hill и Newsweek ...* (22)

2.2.2. В следующих переведенных частях текстов подобраны примеры *немотивированных опущений*, которые не являются типами переводческих трансформаций, поскольку основная часть из них несет немаловажную информацию или эмоционально-экспрессивную нагрузку.

1) Русск. *«Даже воду с реки они не разрешали брать», – так Ирина Асаф описывает **страшные будни блокадного Дейр-эз-Зора.*** (17)

Болг. *«Даже вода от реката не можехме да пием», разказва Ирина.* (18)

2) Русск. *На этой встрече обсуждался вопрос о предоставлении Украине **летального оборонительного** оружия, прежде всего, противотанковых ракет «Джавелин» ...* (19)

Болг. *В Киев бе обсъждано как САЩ да предоставят на Украйна оръжие и техника и предимно противотанкови комплекси «Джавелин» ...* (20)

² Грамматическая ошибка – неправильное употребление артикля в болгарском языке.

3) Русск. *По существу, специальный «персональный» раздел нового закона о санкциях – это ультиматум всему российскому политическому руководству, начиная с самого Путина.* (19)

Болг. *Разделът за санкциите в новия американски закон представлява ультиматум към руския политически елит и най-вече към Путин.* (20)

4) Русск. *В частности, суд постановил не регистрировать Спаса Русева в качестве нового директора БТК, и не изменять устав компании, позволяющие ему единолично руководить компанией.* (1)

Болг. *По-специално, съдът постанови да не се регистрира Спас Русев в качеството на нов директор на БТК и да не се променя уставът на компанията.* (2)

5) Русск. *И, конечно, они не получали денег и того, что можно было нагрabить.* (5)

Болг. *И разбира се, не са получавали обещаните им пари.* (6)

6) Русск. *А вот вела бы Россия себя хорошо, как цивилизованные страны, никаких терактов бы не было.* (7)

Болг. *Видите ли, ако Русия се беше държала добре, нямаше да има никакви терористични актове.* (8)

2.2.3. Среди неточностей из разряда переводческих вольностей, кроме немотивированных опущений, выделяются также немотивированные добавления. Они почти во всех случаях стилистически маркированы, вносят в текст перевода дополнительную экспрессию, отсутствующую в тексте оригинала, показывают эмоциональное отношение переводящего и дают несуществующую в оригинальном тексте оценку.

1) Русск. *Такое впечатление, что на все эти авантюры северокорейского лидера подталкивает Москва, почему-то уверенная, что никакого ответа не будет ...* (19)

Болг. *Вижда се, че Москва подтиква северокорейския лидер към авантюри, като смята, че нахалникът няма да получи отговор ...* (20)

2) Русск. *Но есть доказательства участия Москвы и в текущих разработках.* (19)

Болг. *Но съществуват доказателства, че Москва участва и в сегашните разработки на тираничния режим.* (20)

3) Русск. *«Хорошо бы, чтобы это смог сделать Путин. Но без него, понятно, будет намного легче. А все эксцессы можно будет на Путина и свалить».* (19)

Болг. *«Хубаво би било, ако Путин стигне до споразумение. Разбира се, без него ще бъде далеч по-лесно. И всички эксцеси и аномалии ще бъдат приписани на Путин».* (20)

3. Неясности

Примером неясности при переводе может служить следующий тип неправильной передачи причинно-следственной связи, или, иными словами,

несогласованность предложения по причине изменения его тема-рематической организации, ср.:

Русск. *Очевидно, для них допустить мысль, что нечто злое в мироздании может происходить и без участия их архиврага, значит чрезмерно усложнить картину мира и подвергнуть свои мозги опасному перегреву.* (7)

Болг. *Очевидно, подлагайки мозъците си на опасно прегряване, те не допускат мисълта, че което и да е зло в света може да се случи без участие на техния архивраг.* (8)

Итак, в настоящей статье было отмечено довольно большое разнообразие переводческих ошибок, возникших преимущественно на уровне *знак – понятие*, т.е. из-за непонимания смысла слов в оригинале, а также на этапе выражения системы смыслов, по причине недостаточно мастерского владения как языком оригинала, так и языком перевода. Переводчики не способны вникнуть во все детали оригинального текста, как видно, переводили не задумываясь и не утруждали себя поиском не совсем понятных для них слов и выражений в лексикографических или в других источниках. Кроме того, среди допущенных переводческих вольностей вызывает недоумение немалое число переводческих лакун, т.е. немотивированных опущений, обусловленных недостаточными знаниями переводящих и, более того, наличие множества немотивированных добавлений, характеризующихся эмоционально-экспрессивной окрашенностью и оценочностью, которые не обнаруживаются в оригинальном тексте. Приведенные примеры переводческих ошибок свидетельствуют об отсутствии теоретической и практической подготовки данных «переводчиков», а также ставят вопрос об их общей культуре, когнитивном опыте, и, не на последнем месте, об отсутствии ответственности за качество выполняемой работы и неумении критически оценивать свои возможности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гарбовский, Н.К. (2007). *Теория перевода*. Учебник. Москва: Издательство Московского университета.
- Комиссаров, В.Н. (2009). *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высшая школа.
- Латышев, Л.К. (2005). *Технология перевода*. Москва: Издательский центр «Академия».
- Миньяр-Белоручев, Р.К. (1996). *Теория и методы перевода*. Москва: Московский лицей.
- Швейцер, А.Д. (1988). *Перевод и лингвистика*. Москва: Наука.

- Garbovskii, N.K. (2007). *Teoriya perevoda*. Uchebnik. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Komissarov, V.N. (2009). *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)*. Moscow: Vysshaya shkola.

- Latyshev, L.K. (2005). *Tekhnologiya perevoda*. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya».
- Min'yar-Beloruhev, R.K. (1996). *Teoriya i metody perevoda*. Moscow: Moskovskii litsei.
- Shveitser, A.D. (1988). *Perevod i lingvistika*. Moscow: Nauka.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- БРР – Кошелев, А. (2008). *Българско-руски речник*. София: Наука и изкуство.
- БТСРЯ – Кузнецов, С.А. (2006). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- НРБР – Влахов, С. (2007). *Нов руско-български речник*. София: Парадигма.
- НСРЯТС – Ефремова, Т.Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Дрофа: Русский язык.
- РБЕ БАН – *Речник на българския език в 14 тома*. София: АИ «Проф. Марин Дринов», <http://ibl.bas.bg/rbe/> (доступ: 12.12.2021).
- РНДБЕ – Пернишка, Е., Благоева, Д., Колковска, С. (2010). *Речник на новите думи в българския език (от края на XX и първото десетилетие на XXI в.)*. София: Наука и изкуство.

- BRR – Koshelev, A. (2008). *B'garsko-ruski rechnik*. Sofiya: Nauka i izkustvo.
- BTSRYa – Kuznetsov, S.A. (2006). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. St. Petersburg: Norint.
- NRBR – Vlahov, S. (2007). *Nov rusko-b'lgarski rechnik*. Sofiya: Paradigma.
- NSRYaTS – Efremova, T.F. (2000). *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi*. Drofa: Russkii yazyk.
- RBE BAN – *Rechnik na b'lgarskiya ezik v 14 toma*. Sofiya: AI «Prof. Marin Drinov», <http://ibl.bas.bg/rbe/> (accessed: 12.12.2021).
- RNDBE – Pernishka, E., Blagoeva, D., Kolkovska, S. (2010). *Rechnik na novite dumi v b'lgarskiya ezik (ot kraya na KhKh i p'rvoto desetiletie na KhKhI v.)*. Sofiya: Nauka i izkustvo.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- <http://glasove.com/categories/intervyuta/news/prostodushniyat-kanibalizym-na-svetlana-aleksievich> (accessed: 26.06.2017).
- <http://glasove.com/categories/intervyuta/news/razkazyt-na-edna-ruskinya-za-blokadata-na-dejr-ez-zor-izyadohme-vsichki-kotki-i-kucheta> (accessed: 12.09.2017).
- <http://glasove.com/categories/intervyuta/news/zahar-prilepin-malorusiya-e-novata-ukrajna> (accessed: 18.07.2017).
- <http://glasove.com/categories/na-fokus/news/ruski-medii-borisov-e-poluchil-50-mln-dolara-podkup-za-aferrata-btk> (accessed: 29.09.2016).
- <http://glasove.com/categories/na-fokus/news/trymp-likuva-ot-fbr-izteche-informaciya-che-klintyn-syshto-e-rabotila-za-putin> (accessed: 20.10.2017).

- <http://glasove.com/categories/politika/news/ruta-vanagajte-v-litva-sa-pogrebvali-deca-evrei-zhivi-svetyt-tryabva-da-znac-tova> (accessed: 11.03.2017).
- <http://naspravdi.info/rossiya/andrey-babickiy-prostoserdechnyy-kannibalizm-svetlany-aleksievich> (accessed: 22.06.2017).
- <http://pogled.info/svetoven/sazhalyavam-taim-no-putin-ne-raboti-v-katedrala.86053> (accessed: 23.05.2017).
- <http://pogled.info/svetoven/ukraina-kasno-e-za-primirenje-i-denatsifikatsiya.85804> (accessed: 15.05.2017).
- <http://svetoven.pogled.info/news/77692/Retorikata-na-SASHT-napomnya-za-ulichen-razbor> (accessed: 1.10.2016).
- <http://svop.ru/main/25274/> (accessed: 1.11.2017).
- <http://vz.ru/politics/2016/9/29/835392.html> (accessed: 29.09.2016).
- <http://www.faktor.bg/bg/articles/mneniya/intervyu/andrey-piontkovski-vie-li-iskahte-chetvarta-svetovna-voyna-eto-vi-ya> (accessed: 21.09.2017).
- <http://x-true.info/58273-zahar-prilepin-vel-malorossii-obedinennoe-gosudarstvo-s-rossiey-i-belorussiey.html> (accessed: 18.07.2017).
- <https://infacto.bg/pisna-mi-ot-rusiya/> (accessed: 5.11.2017).
- https://mosmonitor.ru/articles/rights/50_mln_dlya_bolgarskogo_premera (accessed: 26.09.2016).
- <https://news-front.info/2017/05/14/pozdno-zamiryat-i-denatsifitsirovat-sergej-veselovskij/> (accessed: 14.05.2017).
- <https://pogled.info/svetoven/varvarite-zagubiha.84419> (accessed: 6.04.2017).
- <https://ria.ru/20170911/1502214770.html> (accessed: 11.09.2017).
- <https://ria.ru/analytics/20171019/1507112253.html> (accessed: 19.10.2017).
- <https://rusmonitor.com/andrejj-piontkovskijj-zakazyvali-chetvertuyu-mirovuyu-poluchajjte.html> (accessed: 4.09.2017).
- <https://russian.rt.com/opinion/392460-smi-time-obraz-rossiya> (accessed: 22.05.2017).
- <https://vz.ru/columns/2017/4/4/864787.html> (accessed: 4.04.2017).
- <https://www.obzor.lt/blogs/bp10232.html> (accessed: 2.03.2017).

Елена Иванян (Elena Ivanyan)

 <https://orcid.org/0000-0003-4782-0658>
ivanyan@pgsga.ru

Репрезентация ключевого звукообраза НЕДО в балладе В. Высоцкого *Прерванный полет*

Representation of the Key Sound-Image of “NEDO” in V. Vysotsky’s Ballad *Interrupted Flight*

Резюме

Работа исследует звукопись баллады В. Высоцкого *Прерванный полет*. Цель – описать репрезентацию ключевого образа текста. Гипотеза: обращение к ключевому образу НЕДО, являющемуся символом русской лингвокультуры, даст нетривиальные результаты. Баллада изучалась литературоведами в сопоставлении с творчеством классиков, характеризовался образ героя баллады; лингвисты упоминали балладу, исследуя сложную приставку *недо-* в компаративистике, ее бытование в литературе. Лингвопоэтический анализ показал: репрезентация звукообраза НЕДО осуществляется с помощью анафонии и ее разновидности – анаграммы. Репрезентация описана на шести основаниях: по количеству репрезентируемых частей сложного звукообраза (полная и частичная), по расстоянию между репрезентируемыми частями (контактная и дистантная); по способу репрезентации частей звукообраза (прямому и инверсивному); по манифестации репрезентации звукообраза (звукобуквенной и звуковой); по форме репрезентируемой части (непрерывной и дискретной); по месту репрезентации части звукообраза (аналитической и синтетической); по количественному составу звукобукв части репрезентации (полная и редуцированная). Общая характеристика НЕДО в балладе свидетельствует, что ключевой образ передает содержательно-концептуальную информацию и посыл произведения – судьба зависит не только от обстоятельств, но и позиции человека. В реализации сложного звукообраза участвуют четыре лексико-грамматических класса слов и фразеологизм. Предложенная методология изучения анафонии и анаграммы в поэтическом тексте действенна для лингвопоэтического анализа.

Ключевые слова: ключевой звукообраз, анафония, анаграмма, сложная приставка *недо*, лингвопоэтический анализ, творчество В. Высоцкого.

Summary

The work explores the sound recording of V. Vysotsky's ballad *Interrupted Flight*. The goal is to describe the representation of the key image of the text. Hypothesis: the appeal to the key image of NEDO, which is a symbol of Russian linguoculture, produces non-trivial results. The ballad was studied by literary critics against other classical works; the image of the ballad hero was characterized; linguists studied the ballad by exploring the complex prefix *nedo-* in comparative studies and its existence in literature. The linguopoetic analysis showed that the representation of the sound image is not always carried out with the help of anaphony and its variety – anagram. Representation is described in six aspects: by the number of representable parts of a complex sound image (complete and partial), by the distance between the representable parts (contact and distant); by the method of representation of parts of the sound image (direct and inverse); by the manifestation of the representation of the sound image (sound-letter and sound); by the form of the representable part (continuous and discrete); by the place of representation of the part of the sound image: analytical and synthetic; by quantitative composition of the sound-letter part of the representation (complete and reduced). The general characteristic of NEDO in the ballad indicates that the key image conveys meaningful and conceptual information, and the message of the work, fate, depends not only on circumstances but also on the position of a person. Four lexico-grammatical classes of words and phraseology are involved in the implementation of a complex sound image. The proposed methodology for studying anaphony and anagram in a poetic text is also effective in linguopoetic analysis.

Keywords: key sound-image, anaphony, anagram, complex prefix *nedo-*, linguopoetic analysis, Vysotsky's work.

1. ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование выполнено в русле наших изысканий по творчеству В. Высоцкого (Иванян, Скурышина, Хачатрян, 2021).

Владимир Высоцкий – известный российский актер, автор и исполнитель многих бардовских песен. С середины 60-х годов XX века тексты песен В. Высоцкого приобрели такое качество, что их стали называть энциклопедией русской жизни. Российский композитор А. Шнитке считал: «Высоцкий останется, потому что он оказал огромное влияние на множество людей. Трудно даже сказать, кто еще мог оказать такое влияние» (по: Бакин, 2011, 355).

Материал исследования – баллада В. Высоцкого *Прерванный полет* (далее – *ПП*), написанная поэтом в 1973 году. При жизни поэта произведение бытовало в вариантах названий: *Не до...*, *Баллада о том, кто недожил*, *Недолюбил*, *Грустная песня* (Кулагин, 2013, 145–148). В издании сборника песен 1981 года представлено название *Кто-то высмотрел плод...* (Высоцкий, 1981, 143–144). Цитаты из баллады приводятся по данному изданию. Название *Прерванный полет* было представлено на французской и канадской пластинках с записями этой баллады (1977 год), далее часто применялось при публикации текста песни.

Сюжет баллады таков: молодой человек начинает свой путь, но не успевающая завершить, погибает. Герой не успевает познать великую любовь: *но к ней в серебряном ландо / Он не добрался и не до...* Персонаж характеризуется робостью: *Он пока лишь затеивал спор, спор, / Неуверенно и не спеша, не спеша.* Но он – поэтическая личность: *И большие снежинки, и град / Он губами хватал на лету.* Герой характеризуется как одаренная натура: *Он был чистого слога слуга, слуга.*

Баллада *III* ранее уже привлекала внимание исследователей (Житенева, 1990; Кулагин, 2013; Томенчук, 1993; Шаулов, 2014). Литературоведы так исследуют балладу *III*. А.В. Кулагин сопоставляет содержание песни с пьесой У. Шекспира *Гамлет*, полагая, что главного героя баллады можно охарактеризовать как анти-Гамлета. С.С. Шаулов сопоставляет произведение с творчеством М. Лермонтова, его тематикой и мотивами. Л. Томенчук считает, что главный герой создан противоречивым, с одной стороны, деятельным, с другой стороны, инфантильным. Исследовательница отмечает, что «герой должен бы вызывать... не только сочувствие, сострадание, но и ироническое отношение к себе: всюду-то он недо- ...» (Томенчук, 1993, 19).

Что касается приставки *недо-*, то Л.Г. Ефанова отмечает, что префикс НЕДО- обозначает одну из составляющих процесса как случайный, непреднамеренный перерыв в действии, направленном на достижение необходимого результата (напр.: *недоделать, невыполнение*, см.: Ефанова, 2009, 7). Исследователи отмечают, что *недо-* нередко передает семантику недостаточности и неполноценности (Хоригути, 2018). Согласно словарному определению, приставка указывает на неполноту, недостаточность действия или качества, например: *недобить, невыпуск, недоразвитый* (МАС, т. 2, 434).

Литературовед М. Эпштейн предлагает интереснейшую лингвокультурную характеристику приставки *недо-* как одного из главных смыслообразующих понятий российской культуры и продуктивного элемента русского языка (Эпштейн, 2003, 4). Ученый отмечает, что «приставка *недо* одновременно посылает действие вперед, до упора – и отбрасывает назад (...) Приставка *недо* – это неразрывное сочетание *порыва* (до) и *обрыва* (не)» (Эпштейн, 2003, 4). М. Эпштейн полагает, что названная приставка раскрывает глубины русской ментальности: «Отдавай себя делу, но не будь рабом его цели (...) Что бы ты ни делал, чуточку недоделывай, оставляй щелку между собой и пользой» (Эпштейн, 2003, 4). Ученый-литературовед осуществляет обзор бытования данной приставки в русской художественной литературе, упоминая и творчество В. Высоцкого. Исследование М. Эпштейна стало программным для филологов-русистов, так что последующие публикации ученых содержат те или иные исследовательские переключки с названной работой.

Основные идеи, которые поддерживаются другими филологами, следующие. 1. Семантика приставки *недо-* имеет противоречивый характер, поскольку одновременно содержит отрицание и констатацию достижения предела

(оксюморонность приставки). 2. Вторую идею М. Эпштейна удачно сформулировал японский филолог Д. Хоригути: префикс *недо-* представляет собой культурный символ русской языковой картины мира (Хоригути, 2018, 318). Эта идея отражена в работах лингвистов (Каширина, 2012; Матюшина, 2015).

Лингвисты в своих исследованиях упоминают применение приставки *недо-* в балладе В. Высоцкого *III* в плане особенностей перевода сложных русских приставок, «оксюморонных приставок», сочетающих два и более префиксов с противоположным значением в одном слове (Матюшина, 2015); в связи с анализом трудностей написания *недо-* и анализом бытования префикса *недо-* в русской художественной литературе XX – XXI веков.

Баллада В. Высоцкого *III* не исследовалась в лингвопоэтическом аспекте. Между тем методология лингвопоэтического изучения художественного текста предполагает рассмотрение последнего в качестве иерархической системы смыслов, заданных автором; универсальных и индивидуально-авторских актуализаторов авторских смыслов (Сырица, 2020; Иванян, Айрян, 2020).

Целью настоящей работы является характеристика особенностей репрезентации ключевого звукообраза НЕДО в балладе *III*.

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗА НЕДО

Образ НЕДО звучал в разных вариантах названия изучаемой баллады: *Не дожил, Недолюбил*. Доминирование *недо-* в данном художественном тексте, его семантическая нагрузка свидетельствуют, что это – ключевой образ произведения. Обращение к содержательно-концептуальной информации баллады позволяет сформулировать основной посыл произведения: судьба человека – это результат органичного переплетения внутренних качеств человека, его поведения с внешним социальным воздействием.

В первом четверостишии раскрывается внешнее воздействие: *потрусили за ствол – он упал, упал*. Последнее четверостишие текста переводит содержательно-фактуальную информацию произведения на уровень обобщения, символический план недоброго социального воздействия: *Конь на скаку и птица влет – / По чьей вине, по чьей вине?*

Между тем в последней четверти текста на лексическом уровне обозначена обусловленность судьбы погибшего его внутренними качествами и поведением: *Не добежал бегун-беглец, беглец*. Паронимы *бегун*, *беглец* указывают на разные качества актора: *бегун* – тот, кто бежит; *беглец* – тот, кто, сдав свои позиции, убегает. Характеристика внутренних качеств героя усиливается лексическим повтором. Так, образ погибшего бегуна, который

«недо...», соотносится и с характеристикой понятия НЕДО М. Эпштейном как принципа действия, неразрывного сочетания порыва и обрыва, обусловленных внешней средой и самим актором (производителем действия).

3. СИСТЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КЛЮЧЕВОГО ЗВУКООБРАЗА НЕДО

Обращение к лингвопоэтическому аспекту изучения баллады *ППП* позволяет раскрыть удивительную систему репрезентации ключевого звукообраза произведения.

Отметим, что ключевой звукообраз *ППП* выражен не лексемой, но сложной приставкой *недо-*. В тексте баллады сложная приставка то распадается семантически на простую, актуализируется в отрицательной частице *не*, таится в усилительной частице *ни*, имплицитно в звукописи в самостоятельную лексему *недо*. Например: *Но не допел ее, не до...* в устной речи звучит как *недо...* Ср. с оценкой персонажа Л. Томенчук: «всюду-то он *недо-*» (Томенчук, 1993, 19).

Исследователи сложной приставки *недо-* указывают на легкую лексикализацию этого префикса, напр.: (Каширина, 2012; Хоригути, 2018). В балладе *ППП* способствует семантизации сочетания *не до...* в качестве самостоятельного слова в конце строки «обрыв» второй части того или иного глагола («обрыв» глагольной леммы, обозначающей, что персонаж что-то не доделал).

В целом в балладе ключевой звукообраз представлен при помощи редко в современном стихосложении и сложного приема фонетической организации текста, называемого анафонией. При анафонии слова, звуки художественного текста многократно повторяются (дублируются) в тексте или его части, образуя в совокупности слово, которое и определяет смысл данного текста или фрагмента (Матвеева, 2010, 113–114).

Известно, что анафонию предпочитали поэты древности, шифруя ключевой образ, осуществляя магическую функцию языка (в том числе средневековая русская литература). Языковая единица, многократно повторяемая звуками, частями слов или словами текста, создает его особую мелодику (звукопись). Анафоническое дублирование формирует ключевой звукообраз, который выполняет сигнальную функцию, раскрывая смысл произведения. А.В. Пузырев под анафонией понимает систему предьявленности в тексте слова-темы посредством распределения в произведении или его фрагменте звукового состава этого слова. Частным случаем анафонии ученый считает анаграмму, посредством которой звуки слова-темы распределяются в текстовом сегменте полностью или частично (Пузырев, 1995).

В актуализации литературного приема анафонии лексикализованная единица *недо* в балладе *III* подвергается анафоническому дублированию, организует мелодику произведения посредством системы звуковых повторов (репрезентации слова-темы).

Лингвопоэтический анализ *III* позволяет выделить два способа репрезентации ключевого звукообраза НЕДО: 1) ключевой звукообраз в строке репрезентирован обеими частями сложной приставки; 2) представлен одной частью.

4. КЛЮЧЕВОЙ ЗВУКООБРАЗ ВЫРАЖЕН В СТРОКЕ ОБЕИМИ СВОИМИ ЧАСТЯМИ

4.1. КЛЮЧЕВОЙ ЗВУКООБРАЗ ВЫРАЖЕН ЧАСТЯМИ, ПОМЕЩЕННЫМИ КОНТАКТНО

4.1.1. Реализуется посредством контактного сочетания частицы *не* и начальной части другого слова, содержащей *до*: *Но не допел ее; **Не** добрался он; **Не** докопался до глубин; Он не добрался; **Не** добежал бегун-беглец; не долетел, не доскакал.* Такая репрезентация слова-темы представлена в 7 примерах. В примере ***Не докопался до глубин*** наблюдается наращение материальной массы в ключевом образе, что можно графически представить как: *не – до + до*.

4.1.2. Посредством сочетания частицы *не* с редуцированной лексемой; подобная редукция по результату напоминает апозиопезу – намеренный обрыв высказывания: *Но не допел ее, **не до**...; Но не добрался он, **не до**...; Он не добрался и **не до**....* Данная репрезентация представлена 3 примерами. Особенностью такого вида репрезентации является наращение материальной массы в ключевом звукообразе: здесь представлена не просто тема *недо*; в строке каждого из 3 примеров наблюдается повтор: *не до* (вторая часть – в составе слова) и *не до*..., подобно приему апозиопезы, что можно представить графически: *не – до, не – до*.

4.1.3. Посредством сложной приставки *недо*: ***недо**звучал его аккорд; А он шутил – **недо**шутил (2 раза); **Недо**распробовал вино; И даже **недо**пригубил; **Недо**любил (4 раза); Осталось **недо**решено; **недо**решил; когда секунд **недо**стает; **недо**стающее звено; и **недо**лет (4 раза).* Названная репрезентация ключевого звукообраза представлена в 11 примерах, с учетом песенного повтора – 18 примеров.

В 4.1.1. – 4.1.3. представлено звукобуквенное соответствие формируемого ключевого звукообраза НЕДО. Между тем в тексте баллады представлены и примеры звукового соответствия ключевого звукообраза: *ни + до*.

4.1.4. Ключевой звукообраз представлен сочетанием частицы *ни* с последующим предлогом *до*: ***Ни до** догадки, **ни до** dna – 2 примера.*

4.2. КЛЮЧЕВОЙ ЗВУКООБРАЗ В СТРОКЕ РЕАЛИЗУЕТСЯ ПОЛНОСТЬЮ, ДИСТАНТНО

В подобных случаях ученые говорят об анаграмме.

4.2.1. Ключевой звукообраз *не + до* реализуется в строке дистантно. Части ключевого звукообраза (*не* и *до*) помещены в разных словах: *И никого не вдохновил; Но к ней в серебряном ландо.*

4.2.2. Анаграмма устроена более сложно: помимо дистантного расположения одна из частей звукообраза представлена в непрерывной форме, а другая – распределена дискретно: *Он знать хотел все от и до; Ни единою буквой не лгу, не лгу.* В первом примере дискретно представлена первая часть звукообраза (*не*), то есть *н* и *е* помещены в разных словах. Во втором примере дискретно представлена вторая часть звукообраза (*до*): *д* и *о* находятся в одном слове, но расположены дистантно. Второй пример актуализирует ключевой звукообраз посредством звукового соответствия (нейтрализация *не* и *ни* в безударной позиции).

5. КЛЮЧЕВОЙ ЗВУКООБРАЗ РЕАЛИЗУЕТСЯ ИНВЕРСИВНО

Анафония реализуется посредством анаграммы. Анаграмма представлена перестановкой звукобукв: *И ту, которая одна.* Звукообраз передан инверсивно: инверсия второй части звукообраза *до* → *од*, которая находит продолжение в следовании за второй (инверсированной) частью звукообраза первой редуцированной части звукообраза *н-* (вместо *не*). Графически можно представить репрезентацию звукообраза: *до* → *од + н (е)*.

6. КЛЮЧЕВОЙ ЗВУКООБРАЗ РЕАЛИЗУЕТСЯ ЧАСТИЧНО

6.1. ПОСРЕДСТВОМ ЕГО ПЕРВОЙ ЧАСТИ

6.1.1. Посредством частицы или приставки *не*, непрерывной формы: *Кто-то высмотрел плод, что неспел, неспел; Вот вам песня о том, кто не спел, не спел; И, что голос имел, не узнал, не узнал; Может, были с судьбой не лады, не лады; С незаметным изъёмом легла; не правда ли, смешно!; Не уверенно и не спеша, не спеша; И судья еще счет не открыл; не лгу, не лгу.* Без учета повторов – 10 примеров, с учетом повторов – 16 примеров. Представлено звукобуквенное соответствие части ключевого звукообраза.

6.1.2. Посредством частицы *ни*, непрерывной формы: **Ни** *единою буквой*. Представлено звуковое соответствие части ключевого звукообраза.

6.1.3. Посредством его первой части, непрерывной формы, «скрытой» внутри лексемы: *на снегу, на снегу; К сожалению, тают снега, снега; Но тогда еще снегопад, снегопад; И свобода писать на снегу; И большие снежинки, и град*. Представлено 5 примерами, с учетом повторов – 8 примеров.

6.1.4. Посредством дискретной формы первой части (*не*): *Он писал ей стихи; Он губами хватал на бегу* – представлено 2 примерами.

6.2. ПОСРЕДСТВОМ ВТОРОЙ ЧАСТИ КЛЮЧЕВОГО ЗВУКООБРАЗА

Посредством второй части звукообраза – *до*: *Он начал робко с ноты «до»*. Такая репрезентация представлена единично. Можно предположить, что вторая часть сложного ключевого звукообраза НЕДО, находясь в слабой позиции языковой единицы, актуализирует вследствие этого низкочастотную репрезентацию.

7. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ, УЧАСТВУЮЩИХ В АНАФОНИИ

Богатство и разнообразие репрезентации ключевого звукообраза баллады *III* таится и в разнообразии частей речи, привлеченных для организации анафонии:

- отрицательные частицы *не* и *ни*;
- предлог *до* (*до* *дна*; предлог в составе фразеологизма (*знать*) *от и до*);
- существительные: *до*, конечная часть существительного *ландо*, отглагольное существительное со сложной приставкой *недолет*, существительное как компонент фразеологизма (*знать*) *от и до* (явление субстантивации);
- глагольные формы со сложной приставкой *недошутил*, *недолюбил*, *недорешил*, *недопригубил*, *недораспробовал* (явление полипрефиксальности: *не-до-при-*; *не-до-рас-*);
- причастия: со сложной приставкой *недостающий* (явление адъективации), краткая форма причастия *недорешено*.

8. ВЫВОДЫ

Лингвопоэтический анализ репрезентации ключевого звукообраза баллады *III* позволяет заключить следующее.

Ключевой образ НЕДО, созданный в балладе В. Высоцким, будучи символом русской лингвокультуры, базируется на сложной приставке, первая часть которой имеет семантику отрицания, вторая – семантику достижения результата. Такое противоречие дает возможность поэту выразить основную мысль художественного произведения: судьба человека обусловлена не только социальным воздействием, но и внутренними качествами и поведением актора. В произведении наблюдается лексикализация сложной приставки.

Художественная ткань баллады *III* сплетена таким причудливым образом, что актуализирует анафонию, репрезентацию ключевого образа которой можно охарактеризовать на шести основаниях:

- по количеству репрезентируемых частей сложного звукообраза: полная (обе части) и частичная (только одна часть);
- по расстоянию между репрезентируемыми частями: контактная и дистантная;
- по способу репрезентации частей звукообраза: прямой и инверсивный;
- по виду манифестации репрезентации звукообраза: звукобуквенная и звуковая;
- по форме репрезентируемой части: непрерывная и дискретная;
- по месту репрезентации части: аналитическая (самостоятельная лексема) и синтетическая (внутри лексем);
- по количественному составу звукобукв части репрезентации: полная и редуцированная.

В анафонии, организующей репрезентацию ключевого звукообраза НЕДО, участвуют четыре лексико-грамматических разряда слов и фразеологизм.

Изучение явления анафонии в поэзии В. Высоцкого таит для исследователей еще много открытий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бакин, В.В. (2011). *Владимир Высоцкий. Жизнь после смерти*. Москва: Алгоритм.
- Высоцкий, В.В. (1981). *Кто-то высмотрел плод*. В: В.В. Высоцкий. *Нерв* (143–144). Москва: Современник.
- Ефанова, Л.Г. (2009). *Семантика меры и нормы в значениях производных единиц*, Вестник Томского государственного университета, 4 (8), 5–19.
- Житенева, А.В. (1990). *Лексический состав поэтического наследия Высоцкого*. Депонирована в ИНИОН АН СССР № 43353. Копия хранится в ГКЦМ. ВС № 1428/3, <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/kritika/zhiteneva-leksicheskij-sostav-poeticheskogo-naslediya.htm> (доступ: 15.12.2021).
- Иванян, Е.П., Айрян, З.Г. (2020). *Стихотворение Г. Алишана «Раздан»: поливариантность смыслов, интерпретаций, переводов*, Научный диалог, 12, 133–150, <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-133-150>.

- Иванян, Е.П., Скурышина, Д.А., Хачатрян, М.Р. (2021). *Лингвопоэтический анализ песни В. Высоцкого из радиопьезы «Алиса в стране чудес»*, Наука и культура России, 1, 99–101.
- Каширина, М.М. (2012). *Префикс недо- как единица морфемки и культурный феномен*, Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации», Т. 25 (64), 4, Ч. 2, 89–96.
- Кулагин, А.В. (2013). *«Я бился над словами „Быть, не быть“...» (Исповедально-философская лирика. 1971–1974)*. В: А.В. Кулагин, *Поэзия Высоцкого: Творческая эволюция (145–148)*. Воронеж: Эхо.
- Матюшина, Н.В. (2015). *Лингвистическая интерференция на различных языковых уровнях*, Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования», 2 (26), 159–168.
- Пузырев, А.В. (1995). *Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления*. Москва–Пенза: ПГПУ.
- Сырица, Г.С. (2020). *Актуализация авторских смыслов в художественном тексте. Лингвопоэтический аспект*. Москва: Флинта.
- Томенчук, Л. (1993). *Хула и комплименты. Песенно-поэтическое творчество Владимира Высоцкого и критика 60–80-х годов*, Владимир Высоцкий: Исследования и материалы. Частный альманах, 1, 67–77.
- Хоригути, Д. (2018). *Окказиональное вкрапление префикса недо-*. В: Л.В. Рацибурская (ред.), *Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура. Сборник статей по материалам международной научной конференции (317–324)*. Нижний Новгород: ДЕКОМ.
- Шаулов, С.С. (2014). *Лермонтовская «дума» в творческом сознании Высоцкого*. В: *Высоцкий: контексты и интертексты (94)*. Уфа: Издательство БГПУ.
- Эпштейн, М.Н. (2003). *Недо- как понятие и культурный символ*, http://www.emory.edu/INTELNET/es_nedo.html (доступ: 15.12.2021).

- Bakin, V.V. (2011). *Vladimir Vysotskii. Zhizn' posle smerti*. Moscow: Algoritm.
- Efanova, L.G. (2009). *Semantika mery i normy v znacheniyakh proizvodnykh edinitis*, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 4 (8), 5–19.
- Epshtein, M.N. (2003). *Nedo- kak ponyatie i kul'turnyi simvol*, http://www.emory.edu/INTELNET/es_nedo.html (accessed: 15.12.2021).
- Ivanyan, E.P., Airyan, Z.G. (2020). *Stikhotvorenje G. Alishana «Razdan»: polivariantnost' smyslov, interpretatsii, perevodov*, Nauchnyi dialog, 12, 133–150, <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-12-133-150>.
- Ivanyan, E.P., Skuryshina, D.A., Khachatryan, M.R. (2021). *Lingvopoeticheskii analiz pesni V. Vysotskogo iz radiop'emy «Alisa v strane chudes»*, Nauka i kul'tura Rossii, 1, 99–101.
- Kashirina, M.M. (2012). *Prefiks nedo- kak edinitisa morfemiki i kul'turnyi fenomen*, Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii», Т. 25 (64), 4, Ch. 2, 89–96.
- Khoriguti, D. (2018). *Okkazional'noe vkraplenie prefiksa nedo-*. В: Л.В. Рацибурская (ред.), *Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура. Сборник статей по материалам международной научной конференции (317–324)*. Нижний Новгород: ДЕКОМ.
- Kulagin, A.V. (2013). *«Ya bilsya nad slovami „Byt', ne byt'“...» (Ispovedal'no-filosofskaya lirika. 1971–1974)*. В: А.В. Кулагин, *Poeziya Vysotskogo: Tvorcheskaya evolyutsiya (145–148)*. Voronezh: Ekho.

- Matyushina, N.V. (2015). *Lingvisticheskaya interferentsiya na razlichnykh yazykovykh urovnyakh*, Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya «Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya», 2 (26), 159–168.
- Puzyrev, A.V. (1995). *Anagrammy kak yavlenie yazyka: Opyt sistemnogo osmysleniya*. Moscow–Penza: PGPU.
- Shaulov, S.S. (2014). *Lermontovskaya «duma» v tvorchestvom soznanii Vysotskogo*. V: *Vysotskii: konteksty i interteksty* (94). Ufa: Izdatel'stvo BGPU.
- Syritsa, G.S. (2020). *Aktualizatsiya avtorskikh smyslov v khudozhestvennom tekste. Lingvopoeticheskii aspekt*. Moscow: Flinta.
- Tomenchuk, L. (1993). *Khula i komplimenty. Pesenno-poeticheskoe tvorchestvo Vladimira Vysotskogo i kritika 60–80-kh godov*, Vladimir Vysotskii: Issledovaniya i materialy. Chastnyi al'manakh, 1, 67–77.
- Vysotskii, V.V. (1981). *Kto-to vysmotrel plod*. V: V.V. Vysotskii. *Nerv* (143–144). Moscow: Sovremennik.
- Zhiteneva, A.V. (1990). *Leksicheskii sostav poeticheskogo naslediya Vysotskogo*. Deponirovana v INION AN SSSR № 43353. Kopiya khranitsya v GKTsM. VS № 1428/3, <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/kritika/zhiteneva-leksicheskij-sostav-poeticheskogo-naslediya.htm> (accessed: 15.12.2021).

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Матвеева, Т.В. (2010). *Полный словарь лингвистических терминов*. Ростов-на-Дону: Феникс.
Словарь русского языка. В 4-х т. (МАС). (1982). Т. 2. Москва: Русский язык.

Matveeva, T.V. (2010). *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov*. Rostov-on-Don: Feniks.
Slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t. (MAS). (1982). T. 2. Moscow: Russkii yazyk.

Вікторыя Лухверчык (Viktoryya Lukhverchyk)

 <https://orcid.org/0000-0002-8009-8129>
simonovich.viktorija@mail.ru

Інтэрпрэтацыя гемеронімаў у лінгвістычным дыскурсе

Interpretation of Hemeronyms in Linguistic Discourse

Рэзюмэ

У артыкуле аналізуюцца ўсходнеславянскія лінгвістычныя даследаванні, прысвечаныя рознааспектнаму апісанню гемеронімаў. Мэта даследавання – акрэсліць месца гемеронімаў у лінгвістычнай літаратуры, разгледзець погляды лінгвістаў адносна наяўнасці / адсутнасці семантыкі ва ўласных імёнах, вызначыць прыярытэтныя вектары ў даследаванні назваў перыядычных выданняў, тэле- і радыёперадач. У працы адзначаецца, што аналіз назваў перыядычных выданняў, тэле- і радыёперадач ў беларускім мовазнаўстве абмяжоўваецца адзінкавымі артыкуламі (Л.А. Гадуйка, В.Г. Сцерамчук, В.А. Зразікава, У.А. Сцяпанавіч). Ва ўсходнеславянскай лінгвістыцы фіксуюцца асобныя манаграфічныя даследаванні, аб'ектам вывучэння ў якіх з'яўляецца назвавы тып онімаў (працы М.А. Драгайцавай, М.С. Дуднікавай, Т.І. Кравец, Л.Р. Мухамеціянай, М.М. Сулейман). У дадзеным артыкуле выкарыстоўваюцца апісальны метады сінхроннага аналізу з элементамі дыяхраніі, а таксама параўнальна-супастаўляльны метады. Зроблена выснова, што ў сучаснай лінгвістычнай навуцы адзначаецца пэўная цікавасць аўтараў да вывучэння гемеронімаў, што абумоўлена павышэннем ролі сродкаў масавай інфармацыі ў жыцці грамадства, аднак да гэтага часу не вырашана пытанне аб адсутнасці / наяўнасці семантыкі ва ўласных імёнах і канчаткова не вызначана месца гемеронімаў у анамастычнай сістэме. Вынікі даследавання могуць быць выкарыстаны пры далейшым даследаванні праблем усходнеславянскай анамастыкі.

Ключавыя словы: онім, гемеронім, назва перыядычнага выдання, назва тэлеперадачы, назва радыёперадачы.

Summary

The article analyses the East Slavic linguistic studies devoted to the multidimensional description of hemeronyms. The purpose of the study is to outline the place of hemeronyms in linguistic literature, to consider the views of linguists regarding the presence or absence of semantics in proper names, to

determine priority vectors in the study of the names of periodicals, television and radio programmes. The extent analysis of the names of periodicals, television and radio programmes in Belarusian linguistics is limited to single articles (L.A. Goduyko, V.G. Steranchuk, V.A. Zrazikova, V.A. Stepanov). In the East Slavic linguistics, individual monographic studies are available on the type of onyms (works by M.A. Dragaitseva, M.S. Dudnikova, T.I. Kravets, L.R. Mukhametzyanova, M.M. Suleiman). This article uses a descriptive method of synchronous analysis with elements of the diachrony and the comparative method. The author concludes that in the modern linguistic science authors register certain interest in the studying of hemeronyms, which is due to the increasing role of the mass-media in social life. Yet, the issue of absence or presence of semantics in the proper names has not been resolved yet, and the place of hemeronyms in the onomastic system has not been finally determined. The results of the study can be used in further research into the problems of the East Slavic onomastics.

Keywords: onyms, hemeronyms, names of periodicals, names of television programs, names of radio programs.

Анамастыка з'яўляецца разгалінаваным раздзелам мовазнаўства, які аб'ядноўвае ў групы (віды, тыпы, раздзелы і г. д.) розныя ўласныя імёны. Вывучэнне анамастычных рэалій ў лінгвістычнай навуцы праводзіцца нераўнамерна. Некаторыя ўласныя імёны атрымалі дастаткова шырокае апісанне ў спецыяльнай літаратуры (антрапонімы, тапонімы і інш.), у сваю чаргу іншыя разрады онімаў (палітонімы, эмпаронімы, бібліонімы і інш.) прадстаўлены асобнымі аспектнымі даследаваннямі і адзінкавымі манаграфічнымі працамі.

Даследаванне беларускіх гемеронімаў (назваў перыядычных выданняў, тэле- і радыёперадач) ажыццяўляецца ў адзінкавых навуковых артыкулах У.А. Сцяпанаў (2020), Л.А. Гадуйка, В.Г. Сцерачук (2011), В.А. Зразікава (2018). Грунтоўных даследаванняў, прысвечаных аналізу названых онімаў, у беларускай лінгвістыцы няма. Ва ўсходнеславянскім мовазнаўстве створаны асобныя дысертацыйныя даследаванні, прысвечаныя вывучэнню назваў перыядычных выданняў, тэле- і радыёперадач.

Побач з апісаннем лінгвістычных асаблівасцей гемеронімаў важным з'яўляецца і агляд тэарэтычных праблем уласных імён. Сярод асноўных дыскусійных пытанняў тэарэтычнай анамастыкі (якія актуальныя і для апісання гемеронімаў), на наш погляд, важнае месца займае праблема класіфікацыі онімаў і даследаванне іх семантыкі.

Пытанне пра класіфікацыю онімаў падаецца адным з найбольш складаных. Гэта пацвярджаецца адсутнасцю адзінай класіфікацыі онімнай лексікі. Праблему тыпалагізацыі уласных імён у сваіх работах разглядалі А.В. Супранская, Н.У. Падольская, В.І. Фанякова і інш.

Найбольш распаўсюджанай з'яўляецца класіфікацыя, прапанаваная А.В. Супранскай (1973). Усю сукупнасць онімаў даследчык падзяліла на тры асноўныя групы:

- 1) імёны жывых істот і істот, якія ўспрымаюцца як жывыя;
- 2) найменні нежывых прадметаў;
- 3) уласныя імёны комплексных аб'ектаў.

У першую групу ўваходзяць асабовыя імёны (антрапонімы), мянушкі жывёл (заонімы) і імёны істот з міфаў, казак, эпапей (міфонімы).

Другая група ўключае назвы населеных пунктаў (тапонімы), найменні касмічных аб'ектаў (касмонімы і астронімы), раслін (фітонімы), назвы прылад працы (хрэматынімы), назвы сродкаў руху, гатункавых і гандлёвых марак.

Да апошняй групы А.В. Супяранская адносіць назвы ўстаноў, прадпрыемстваў, асацыяцый, таварыстваў; хранонімы (назвы гістарычна значных перыядаў часу); імёны ўрачыстых мерапрыемстваў, свят і юбілеяў; назвы падзей, войнаў і важных кампаній; назвы твораў літаратуры і мастацтва; дакументонімы (назвы важных дакументаў); прыродныя назвы катастроф; фалеронімы (назвы ордэнаў і медалёў). Да гэтай жа групы належаць і назвы перыядычных выданняў, тэле- і радыёперадач.

У слоўніку рускай анамастычным тэрміналогіі Н.У. Падольская дапоўніла і пашырыла прадметна-намінатыўную класіфікацыю А.В. Супяранскай (1973). Тыпалагічная сістэматызацыя Н.У. Падольскай налічвае каля 50 разрадаў і адрозніваецца тым, што ў ёй усе ўласныя імёны падзяляюцца спачатку на 3 групы, а затым размяркоўваюцца на падгрупы:

- 1) імёны касмічнай прасторы;
- 2) імёны зямной прасторы, якія падзяляюцца на імёны зямной прасторы (жывая і нежывая прырода) і імёны зямной прасторы (суша і Сусветны акіян);
- 3) імёны сферы чалавечай дзейнасці.

Пад гемеронімам аўтар разумее «від ідэоніма, уласнае імя органаў перыядычнага друку, у тым ліку газет, часопісаў, інфармацыйных бюлетэняў» (Падольская, 1978, 46).

На прынцыпы, распрацаваныя і абгрунтаваныя А.В. Супяранскай, абапіраецца і Д.І. Ермаловіч (2001). Усяго аўтарам вылучана 7 груп онімаў. У параўнанні з класіфікацыяй А.В. Супяранскай, антрапонімы былі ўключаны ў групу «персаналій» побач з персаналіямі змешанага тыпу і мянушкавымі персаналіямі. Таксама ў класіфікацыю не ўвайшлі такія разрады, як хранонімы, фітонімы і міфонімы. «Назвы органаў друку, выдавецтваў, тэлевізійных каналаў і іншых сродкаў масавай інфармацыі» (Ермаловіч, 2001, 126) Д.І. Ермаловіч разглядае ў групе назваў кампаній і арганізацый.

Пры тыпалагізацыі ўласных адзінак В.І. Фанякова дыферэнцыруе наступныя групы онімаў: антрапонімы, тапонімы, касмонімы, заонімы, хранонімы, хрэматынімы, тэонімы і міфонімы, літаратурныя антрапонімы, заонімы, тапонімы і інш. (1990). Класіфікацыя аўтара заснавана на сінтэзе падыходаў Н.У. Падольскай і А.В. Супяранскай. На думку В.І. Фаняковай, гемеронімы належаць да «хрэматынімаў – індывідуальных назваў прадме-

таў і прадуктаў духоўнай і матэрыяльнай культуры народа – газет, часопісаў, кніг, кінафільмаў, касмічных караблёў і г. д.» (Фонякова, 1990, 4).

Вывучэнне ўласных імён на працягу многіх стагоддзяў не прывяло да фарміравання адзінага меркавання і адносна наяўнасці семантыкі ў дадзенай катэгорыі лексічных адзінак.

У лінгвістычнай літаратуры склаліся два супрацьлеглыя падыходы адносна вызначэння семантыкі онімаў: 1. асемантычны; 2. семантычны.

Прыхільнікамі асемантычнага падыходу, пры якім онімы разглядаюцца як «семантычна полья» знакі, «недасканалыя», якія не маюць значэння наогул, і таму выконваюць ролю знака-пазнакі, этыкеткі, з’яўляюцца В.С. Ахманова, А.А. Рэфармацкі, Н.Д. Аруцонава і інш. Згодна з такім падыходам онімы вызначаюцца як «разрад непаўназначных слоў, якія валодаюць толькі семамі адушаўлёнасці, асобы і полу» (Бурцев, 2007, 5), характарызуецца аслабленасцю значэння, а то і поўнай яго адсутнасцю. У прыватнасці, у дапаможніку Е.М. Галкінай-Федарук адзначаецца, што «імёны ўласныя не заключаюць у сабе ні паняцця, ні значэння. Яны з’яўляюцца толькі распазнавальным знакам» (1956, 53). Па словах М.В. Нікіціна, імя ўласнае «нічога не паведамляе пра рэч, якую абазначае» (1996, 36).

Адным з першых супрацьлеглае меркаванне адносна семантычнасці ўласных імён выказаў О. Есперсэн, сцвярджаючы, што з лінгвістычнага пункту гледжання паміж онімамі і апелятывамі няма дакладнай мяжы, «паколькі розніца паміж імі колькасная, а не якасная» (2002, 76–77).

Прытрымліваючыся меркавання, што ўласныя імёны здольныя выказваць паняцце, Ф.І. Буслаеў у граматыцы адзначаў: «... імёны ўласныя, якімі мы абазначаем уўленне непадзельнае, ёсць такія ж абагульненыя паняцці, як і імёны агульныя» (1959, 6–7). Прыхільнікамі гэтага ж пункту гледжання з’яўляюцца А.А. Патабня, Л.У. Шчэрба і інш.

Адносна наяўнасці семантыкі ва ўласных адзінак У.Р. Гакам зроблена наступная выснова: «...Усякае слова валодае лексічным значэннем, адрозненне заключаецца ў спосабе яго рэалізацыі, у ступені самастойнасці і вылучанасці. Імёны ўласныя таксама ўтрымліваюць элементы сігніфікатыўнага боку значэння, паколькі падводзяць адзінкавы аб’ект пад некаторыя класы аб’ектаў» (Гак, 2002, 262).

У апошнія дзесяцігоддзі ўласныя імёны ўсё часцей разглядаюцца як адзінкі, што валодаюць значэннем, з агаворкай пра яго «спецыфічнасць», якая трактуецца па-рознаму.

Аўтары калектыўнай манаграфіі «Тэорыя і методыка анамастычных даследаванняў» прытрымліваюцца думкі, што імя ўласнае валодае лінгвістычным і экстралінгвістычным кампанентамі значэння. У першы ўключаюцца «асаблівыя матывы наймення, спецыфіка існавання імя ў мове, яго сучаснае ўспрыманне, гісторыя імя, этымалогія яго асновы», а ў другі – «асаблівыя ўмовы існавання імя ў грамадстве, культурна-гістарычныя асацыя-

цыі, якія з ім звязаны, спецыфіка сувязі імя з названым аб'ектам, ступень вядомасці аб'екта і яго імя» (Суперанская, Сталтмане, Подольская, Султанов, 2007, 104).

Лексічнае значэнне ўласнага імя, паводле меркавання Д.І. Ермаловіча, складаецца з некалькіх кампанентаў. У якасці асноўных даследчык вылучае:

а) быццёвы, або інтрадуктыўны – існаванне і прадметнасць абазначанага;
 б) класіфікацыйны – прыналежнасць прадмета да вызначанага класа (дэнатат імя);

в) індывідуалізацыйны – спецыяльная прызначанасць дадзенага імя для называння аднаго з прадметаў у рамках дэнатата (рэферэнт імя);

г) характарызацыйны – набор прыкмет рэферэнта, дастатковых, каб суразмоўцы разумелі, пра што ці пра каго ідзе гаворка (Ермаловіч, 2001).

У дапаможніку М.Ф. Алефірэнкі праводзіцца параўнальны аналіз існуючых канцэпцый і падыходаў да разумення пытання аб катэгорыі моўнага значэння і звяртаецца ўвага на спецыфіку анамастычнай семантыкі. Даследчык адзначае, што тэарэтычныя пошукі ў галіне семантыкі ўласнага імя можна звесці да дзвюх навуковых парадыгмаў – лінгвафіласофскай і маўленча-мысленчай. У рамках лінгвафіласофскай парадыгмы семантыка онімаў і апелятываў супрацьпастаўляецца лагічнай апазіцыі «адзінкавае – агульнае», што абумоўлівае ў маўленча-мысленчай парадыгме неабходнасць асэнсавання прыроды анамастычнай семантыкі ў тэрмінах, якія суадносяць онімы з адпаведнымі намінантамі (рэферэнт, дэнатат, сігніфікат). Аўтар сцвярджае, што «... у семантыцы оніма фіксуецца і тая індывідуальная прымета, якой дадзены аб'ект наймення вылучаецца з сукупнасці іншых аднатыхных аб'ектаў (рэферэнтнае значэнне оніма), і тая груповае прымета, па якой гэты аб'ект адносіцца да адпаведнага класу аб'ектаў (дэнататыўнае значэнне)» (Алефіренко, 2005, 203–204).

Слушным з'яўляецца і меркаванне В.І. Супруна, што перыферычныя адзінкі, да якіх належаць і гемеронімы, праяўляюць сваю семантыку толькі з дыферэнцавальным агульным імем (Супруна, 2000, 262). Так, напрыклад, субстантыў *асвета* ўжываецца ў якасці назвы часопіса, адукацыйнага цэнтра, кніжнага магазіна і інш.

Сярод спецыяльных даследаванняў, прысвечаных аналізу гемеронімаў, адзначаюцца працы М.А. Драгайцавай, М.С. Дуднікавай, Т.І. Кравец, Л.Р. Мухаметзянавай, М.М. Сулейман.

Упершыню да аналізу гемеронімаў у дысертацыйным даследаванні «Название газеты: ономазиологический и стилистический аспекты» звярнулася Т.І. Кравец (2002). Матэрыялам для вывучэння паслужылі 500 назваў расійскіх газет двух перыядаў – сучаснага, звязанага з ажыццяўленнем дэмакратычных рэформ (1989–1999), і перыяду, звязанага з сацыялістычнай рэвалюцыяй (1913–1923). Выбар фактычнага матэрыялу абгрунтоўваецца тым, што дадзеныя этапы паказальныя для параўнання, паколькі акрэсленыя перыяды

характарызуюцца каардынальнымі пераўтварэннямі ў грамадстве (зменаў палітычнага курса) і імклівым ростам перыядычнага друку.

Аўтарам устаноўлены тыпы намінацыі газетнага выдання і вызначаны асаблівасці ўплыву ідэалогіі на «імя» газеты.

У дысертацыйным даследаванні Л.Р. Мухаметзянавай аналізуюцца назвы газет і часопісаў Рэспублікі Татарстан (2018). Аналіз праведзены на аснове 1468 адзінак, зафіксаваных з пачатку XIX ст. да нашага часу. Аўтарам вызначаны камунікатыўны статус гемеронімаў, устаноўлены фактары, якія ўплываюць на працэс выбару назвы перыядычнага выдання, праведзены аналіз лексіка-семантычных і структурна-граматычных асаблівасцей назваў газет і часопісаў.

Даследаванне М.С. Дуднікавай прысвечана вывучэнню назваў англамоўных тэлевізійных забаўляльных перадач Брытаніі і ЗША (2011). Аб'ектам вывучэння паслужылі 1350 адзінак, якія з'явіліся з 1950 г. Прынцып выбару онімаў – экстралінгвістычны і звязаны з частотнасцю выхаду перадач (не радзей за адзін раз на два тыдні). У дысертацыйным даследаванні назвы тэлеперадач аўтар кваліфікуе як адзінкі малафарматных тэкстаў. Супастаўляльны аналіз намінацыўнага патэнцыялу назваў тэлеперадач у брытанскім і амерыканскім тэледыскурсе сведчыць пра тое, што намінацыўная парадыгма адзначаных онімаў адзіная для тэлевізійнай дыскурсіўнай прасторы Брытаніі і ЗША. Разам з тым адзначаецца, што «назвы амерыканскіх перадач больш інфарматыўныя, чым назвы брытанскіх забаўляльных праграм, паколькі асноўная мэта намінацыўных адзінак у амерыканскім тэлевізійным дыскурсе – каратка, але інфарматыўна і прагматычна адэкватна перадаць камунікатыўную ідэю перадачы, яе зместавы аспект» (Дуднікова, 2011, 17). У сваю чаргу ў назвах брытанскіх тэлеперадач выяўлена большая разнастайнасць моўных адзінак, якія належаць да розных лексіка-граматычных разрадаў, што, аднак, не садзейнічае максімальнаму аб'ёму інфармацыі аб змесце праграмы.

У супастаўляльным аспекце назвы тэлеперадач прааналізавала і М.М. Сулейман (2019). Праца прысвечана аналізу расійскіх і брытанскіх назваў тэлеперадач як сродкаў масавай інфармацыі, якія функцыянуюць у сучасным тэлевізійным дыскурсе дзвюх краін. Даследаванне праведзена з пазіцыі ананасіялагічнага і прагмалінгвістычнага падыходаў. Матэрыялам для яго былі абраны назвы тэлеперадач расійскіх і брытанскіх тэлевізійных каналаў, якія выходзілі ў эфір з 2008 да 2018 гг. (1280 адзінак). У дысертацыйным даследаванні М.М. Сулейман акрэсліла месца тэлеперадач у сістэме ўласных імён, выявіла рысы падабенства і адрознення ў прынцыпах і спосабах намінацыі расійскіх і брытанскіх тэлеперадач, вызначыла прагматычныя прынцыпы стварэння і моўныя сродкі прагматызацыі назваў расійскіх і брытанскіх тэлеперадач.

У манаграфічнай працы М.А. Драгайцавай *Коммуникативная эффективность медианоминации (на материале названий региональных печатных*

средств массовой информации) эмпірычнай базай паслужылі 397 сучасных назваў друкаваных сродкаў масавай інфармацыі Цэнтральна-Чарназемнага рэгіёну Расійскай Федэрацыі (2019). У працы абгрунтоўваецца правамернасць і мэтазгоднасць выкарыстання тэрміна «медыянамінацыя» і нефункцыянальнасць тэрміна «гемеронім». Назвы рэгіянальных сродкаў масавай інфармацыі ў дысертацыі аналізуюцца з боку іх структурна-лінгвістычных асаблівасцей, а таксама на аснове тэматычных сегментаў расійскага выдавецкага рынку. У працы праводзіцца аналіз асноўных складнікаў камунікатыўнай эфектыўнасці медыянамінацыі: асацыятыўная адпаведнасць, фанетычная мілагучнасць, матывацыйны патэнцыял. На аснове выкананага даследавання аўтарам абгрунтоўваецца алгарытм стварэння камунікатыўна эфектыўнай медыяназвы, якая можа быць выкарыстана ў практыцы работы СМІ.

Пры вывучэнні анамастычных адзінак дастаткова часта ў лінгвістычных даследаваннях ў якасці апісальнага матэрыялу выкарыстоўваюцца некалькі груп онімаў.

У дысертацыі І.В. Крукавай вызначаецца месца пагранічных разрадаў уласных імён у анамастычнай прасторы, іх лінгвістычныя асаблівасці (1993). На матэрыяле эргонімаў і гемеронімаў паказаны асноўныя прыწყы і спосабы штучнай намінацыі ў перыферыйнай зоне анамастычнай прасторы. Зроблены вывад, што ў гемеронімаў у параўнанні з эргонімамі назіраецца большая разнастайнасць семантыка-матывіровачных і структурна-словаўтваральных мадэлей.

У манаграфічным даследаванні І.В. Крукавай апісаны спосабы ўзуалізацыі рэкламных імён (роля паралінгвістычных сродкаў і функцый у рэкламным тэксце) і выяўлены асаблівасці іх успрымання (2004). Аб'ектам даследавання паслужылі рэкламныя імёны, да якіх аўтар адносіць «слоўныя таварныя знакі (прагматонімы), назвы прадпрыемстваў (эргонімы), назвы сродкаў масавай інфармацыі (гемеронімы), назвы фестываляў, конкурсаў, канцэртаў (геартонімы), назвы транспартных сродкаў (парэйонімы)» (Крюкова, 2004, 1). І.В. Крукава вылучыла прыწყы намінацыі рэкламных назваў. У сабраным матэрыяле былі выдзелены вялікія групы імён, якія адлюстроўваюць істотныя прыметы рэаліі, для гемеронімаў – гэта тэматыка сродку масавай інфармацыі, а таксама месца размяшчэння выдавецтва газеты або часопіса.

Разглядаючы набор паралінгвістычных сродкаў, вызначаючы іх функцыі і матывы выбару сродкаў для афармлення рэкламнага імя, даследчык звяртае ўвагу на разнастайныя спалучэнні графічнага (выяўленчага) і моўнага кампанентаў, якія найбольш часта выкарыстоўваюцца менавіта ў рэкламных назвах. Зроблены вывад, што паралінгвістычныя сродкі ў рэкламных тэкстах нясуць істотную функцыянальную нагрузку. Па назіраннях І.В. Крукавай, тэхнічная, інфарматыўная і эстэтычная функцыі з'яўляюцца ўніверсальнымі для рэкламных імён, эматыўная, сімвалічная і характаралагічная – прыватнымі.

Пры вывучэнні т. зв. моўнай моды ў рускай анамастыцы А.В. Урублеўская выявіла асаблівасці «моднага вынаходніцтва», а таксама намінацыйныя тэндэнцыі ў антрапаніміі і рэкламнай намінацыі (2017). Слядам за І.В. Крукавай да адзінак рэкламнай намінацыі аўтар адносіць эргонімы, прагматонімы, гемеронімы і ўрбанонімы. Побач з іншымі перыферычнымі разрадамі анаматалогіі для аналізу былі абраны 5000 назваў газет і часопісаў. Аналіз назваў перыядычных выданняў праведзены побач з аналізам назваў урачыстых мерапрыемстваў – адзінак, якія належаць да прадуктаў інтэлектуальнай дзейнасці. Сярод агульных тэндэнцый для ўтварэння назвы перыядычнага выдання і назвы ўрачыстага мерапрыемства былі вылучаны наступныя:

1) выкарыстанне ададрасатных назваў з прыналежнымі займеннікамі, якія былі папулярнымі ў першыя гады савецкага перыяду, што адлюстроўвае цыклічнасць моды; а таксама ададрасных назваў на аснове моўнай гульні, што паказвае прыналежнасць дадзеных імён да мовы рэкламы;

2) стварэнне заходнеарыентаваных назваў, якія захоўваюць актуальнасць да гэтага часу. Адрозненні ў «модных тэндэнцыях» паміж гемеронімамі і геартонімамі заключаюцца ў тым, што ў геартаніміі праяўляюцца патрыятычныя назвы, а ў гемераніміі – настальгічныя назвы і намінацыі, арыентаваныя на новы стыль жыцця і новыя рэаліі (Врублевская, 2017, 11).

У даследаванні В.В. Кірпічовай праводзіцца комплексны лінгвакагнітыўны і лінгвапрагматычны аналіз тыпаў уласных адзінак ў англа-, нямецка-, украінска- і рускамоўных рэкламных тэкстах (2007). Аўтарам адзначаецца, што сярод перыферычных разрадаў уласных імён у анамастыконе рэкламнага тэксту вылучаюцца артыонімы, эргонімы, гемеронімы як найбольш частотныя і геартонімы, фалеронімы як менш частотныя. Зроблена выснова, што названія разрады онімаў найбольш звязаны з кагнітыўнымі катэгорыямі «сям'я як сацыяльная каштоўнасць», «дакладнасць / надзейнасць», «нацыянальная самабытнасць», «незвычайнасць / экзатычнасць», гэта дазваляе ім нават пры аднаразовым ужыванні аказваць шматузроўневае рэкламнае ўздзеянне (Кірпичева, 2007, 156).

У даследаванні Н.Б. Гарбоўскай аналізуецца онімныя і адонімныя наватворы ў сучасных мас-медыйных тэкстах (2006). У рабоце праведзены семантыка-словаўтваральны і камунікатыўна-прагматычны аналіз зафіксаваных адзінак. Аўтарам зроблена выснова, што асноўнай базай адонімнага словаўтварэння з'яўляюцца антрапонімы, адэргонімныя наватворы сустракаюцца радзей. У якасці ўтваральных асноў таксама актыўна выкарыстоўваюцца назвы музыкальных груп (музонімы), мас-медыйных выданняў, тэле-, радыёпраграм і перадач (медыяонімаў), якія ўваходзяць у культурны тэзаўрус людзей (Гарбовская, 2006).

Такім чынам, у апошнія дзесяцігоддзі ў спецыяльнай літаратуры назіраецца цікавасць да вывучэння перыферычных разрадаў анаматалогіі, у цэлым, і гемеронімаў у прыватнасці. Аднак аналіз выяўленых даследаванняў дазваляе зрабіць наступныя вывады:

1) у лінгвістычным дыскурсе адсутнічае адзіны падыход да класіфікацыі ўласных адзінак, што звязана з іх шматлікасцю і адсутнасцю ўніверсальных прынцыпаў іх тыпалагізацыі;

2) да сённяшняга часу не вырашана пытанне аб семантычнасці онімаў. У сучасным мовазнаўстве вылучыліся два асноўныя падыходы да вызначэння семантыкі ўласных адзінак: асемантычны (В.С. Ахманова, А.А. Рэфармацкі, Н.Д. Аруцюнава і інш) і семантычны (Ф.І. Буслаеў, А.А. Патабня, Л.У. Шчэрба і інш);

3) аналіз гемеронімаў у зафіксаваных даследаваннях праведзены фрагментарна і не дае поўнага ўяўлення пра сістэму дадзенай катэгорыі адзінак. Гэта тлумачыцца шэрагам фактараў:

а) выбар фактычнага матэрыялу ў многіх працах абмежаваны дастаткова непрацяглым перыядам. У прыватнасці, матэрыялам для даследавання М.А. Драгайцавай былі абраны назвы друкаваных сродкаў масавай інфармацыі двух гадоў (2017–2018), у манаграфіі М.М. Сулейман матэрыялам для вывучэння паслужылі назвы тэлеперадач, якія выходзілі ў эфір з 2008 да 2018 гг., у дысертацыі Т.І. Кравец эмпірычная база даследавання абмежавана назвамі перыядычных выданняў 20-ці гадоў і г. д.;

б) вывучаны толькі асобныя, найбольш спецыфічныя лінгвістычныя асаблівасці гемеронімаў. Так, структурна-граматычныя і лексіка-семантычныя тыпы гемеронімаў былі прааналізаваны толькі ў работах Т.І. Кравец, Л.Р. Мухаметзянавай, прынцыпы і спосабы намінацыі выяўлены ў даследаваннях М.М. Сулейман, М.А. Драгайцавай.

Усё гэта сведчыць пра неабходнасць правядзення комплексных даследаванняў гемеронімаў і іншых тыпаў онімаў у лексіка-семантычным, структурна-граматычным, функцыянальным і іншых аспектах, якія ў перспектыве павінны стаць важным сегментам у агульным працэсе вывучэння беларускага онімнага кантынууму.

БІБЛІЯГРАФІЯ

- Алефиренко, Н.Ф. (2005). *Спорные проблемы семантики*. Москва: Гнозис.
- Бурцев, В.А. (2007). *Собственные имена в тексте и дискурсе*. В: *Европейские языки: историография, теория, история*. Межвузовский сборник научных трудов, 6, 5–15. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина.
- Буслаев, Ф.И. (1959). *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Учпедгиз.
- Врублевская, О.В. (2017). *Языковая мода в русской ономастике*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград.
- Врублевская, О.В. (2017). *Языковая мода в русской ономастике*: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград.
- Гак, В.Г. (2002). *Лексическое значение слова*. В: В.Н. Ярцева (ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь* (261–263). Москва: Большая Российская энциклопедия.
- Галкина-Федорук, Е.М. (1956). *Слово и понятие*. Москва: Учпедгиз.

- Гарбовская, Н.Б. (2006). *Онимные и отонимные новообразования в современных масс-медийных текстах*: дис. ... канд. филол. наук. Майкоп.
- Годуйко, Л.А., Стеренчук, О.Г. (2011). *Гемеронимы города Бреста*. У: М.М. Аляхнович (рэд.), *Моўнакультурная прастора Брэска-Пінскага Палесся*. Зборнік навуковых артыкулаў (90–96). Брэст: БрДУ.
- Дрогайцева, М.А. (2019). *Коммуникативная эффективность медианоминации (на материале названий региональных печатных средств массовой информации)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж.
- Дудникова, М.С. (2011). *Номинативная парадигма англоязычного телевизионного дискурса (на материале названий развлекательных телепередач Британии и США)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара.
- Ермолович, Д.И. (2001). *Имена собственные на стыке языков и культур*. Москва: Р. Валент.
- Есперсен, О. (2002). *Философия грамматики*. Москва: Издательство иностранной литературы.
- Зразікава, В.А. (2018). *Гемеронімы ў кантэксте анамастычных даследаванняў: сучасны стан і перспектывы развіцця*. У: М.Р. Прыгодзіч (рэд.), *Беларускае слова: тэрмін і вобраз*. Зборнік артыкулаў на матэрыялах навуковых чытанняў, прысвечаных памяці прафесара В.П. Краснея (100–104). Мінск: БДУ.
- Кирпичева, О.В. (2007). *Ономастикон рекламного текста*: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград.
- Кравец, Т.И. (2002). *Название газеты: ономаσιологический и стилистический аспекты*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- Крюкова, И.В. (1993). *Пограничные разряды ономастики в современном русском языке*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград.
- Крюкова, И.В. (2004). *Рекламное имя: от изобретения до прецедентности*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград.
- Мухаметзянова, Л.Р. (2018). *Названия газет и журналов: функционально-прагматический аспект*: дис. ... канд. филол. наук. Казань.
- Никитин, М.В. (1996). *Курс лингвистической семантики*. Санкт-Петербург: Научный центр проблем диалога.
- Подольская, Н.В. (1978). *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва: Наука.
- Степанов, В.А. (2020). *Эволюция названий белорусских региональных СМИ*. У: В.М. Самусевич (рэд.), *Рэгіянальныя СМІ Рэспублікі Беларусь у лічбавую эпоху: ад лакальнай праблематыкі да інфармацыйнай бяспекі дзяржавы*. Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі (293–298). Мінск: БДУ.
- Сулейман, М.М. (2019). *Названия российских и британских телепередач: ономаσιологический и прагмалингвистический аспекты*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи.
- Суперанская, А.В. (1973). *Общая теория имени собственного*. Москва: Наука.
- Суперанская, А.В., Сталтмане, В.Э., Подольская, Н.В., Султанов, А.Х. (2007). *Теория и методика ономастических исследований*. Москва: Издательство ЛКИ.
- Супрун, В.И. (2000). *Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал*. Волгоград: Перемена.
- Фонякова, О.И. (1990). *Имя собственное в художественном тексте*. Ленинград: ЛГУ.

Alefirenko, N.F. (2005). *Spornye problemy semantiki*. Moscow: Gnozis.

Burtsev, V.A. (2007). *Sobstvennye imena v tekste i diskurse*. V: *Evropeiskie yazyki: istoriografiya, teoriya, istoriya*. Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh trudov, 6, 5–15. Elets: EGU im. I.A. Bunina.

- Buslaev, F.I. (1959). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moscow: Uchpedgiz.
- Drogaitseva, M.A. (2019). *Kommunikativnaya effektivnost' medianominatsii (na materiale nazvanii regional'nykh pechatnykh sredstv massovoi informatsii)*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh.
- Dudnikova, M.S. (2011). *Nominativnaya paradigma angloyazychnnogo televizionnogo diskursa (na materiale nazvanii razvlekatel'nykh teleperedach Britanii i SShA)*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara.
- Ermolovich, D.I. (2001). *Imena sobstvennye na styke yazykov i kul'tur*. Moscow: R. Valent.
- Esperen, O. (2002). *Filosofiya grammatiki*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury.
- Fonyakova, O.I. (1990). *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste*. Leningrad: LGU.
- Gak, V.G. (2002). *Leksicheskoe znachenie slova*. V: V.N. Yartseva (red.), *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* (261–263). Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya.
- Galkina-Fedoruk, E.M. (1956). *Slovo i ponyatie*. Moscow: Uchpedgiz.
- Garbovskaya, N.B. (2006). *Onimnye i otolimnye novoobrazovaniya v sovremennykh mass-mediinykh tekstakh*: dis. ... kand. filol. nauk. Maikop.
- Goduiko, L.A., Sterenchuk, O.G. (2011). *Gemeronymy goroda Bresta*. U: M.M. Alyakhnovich (red.), *Moynakul'turnaya prastora Brestska-Pinskaga Palesnya*. Zbornik navukovykh artykulaŭ (90–96). Brest: BrDU.
- Kirpicheva, O.V. (2007). *Onomastikon reklamnogo teksta*: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd.
- Kravets, T.I. (2002). *Nazvaniya gazet: onomasiologicheskii i stilisticheskii aspekty*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg.
- Kryukova, I.V. (1993). *Pogranichnye razryady onomastiki v sovremennom russkom yazyke*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd.
- Kryukova, I.V. (2004) *Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretседentnosti*: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd.
- Mukhametzyanova, L.R. (2018). *Nazvaniya gazet i zhurnalov: funktsional'no-pragmaticheskii aspekt*: dis. ... kand. filol. nauk. Kazan.
- Nikitin, M.V. (1996). *Kurs lingvisticheskoi semantiki*. St. Petersburg: Nauchnyi tsentr problem dialoga.
- Podol'skaya, N.V. (1978). *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii*. Moscow: Nauka.
- Stepanov, V.A. (2020). *Evolutsiya nazvanii belorusskikh regional'nykh SMI*. U: V.M. Samusevich (red.), *Regiyanal'nyya SMI Respubliki Belarus'u lichbavuyu epokhu: ad laka'l'nai prablematyki da infarmatsyinai byaspeki dzyarzhavy*. Materyyaly Respublikanskai navukova-praktychnai kanferentsyi (293–298). Minsk: BDU.
- Suleiman, M.M. (2019). *Nazvaniya rossiiskikh i britanskikh teleperedach: onomasiologicheskii i pragmalingvisticheskii aspekty*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Mytishchi.
- Superanskaya, A.V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo*. Moscow: Nauka.
- Superanskaya, A.V., Stal'tmane, V.E., Podol'skaya, N.V., Sultanov, A.Kh. (2007). *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovaniy*. Moscow: Izdatel'stvo LKI.
- Suprun, V.I. (2000). *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial*. Volgograd: Peremena.
- Vrublevskaya, O.V. (2017). *Yazykovaya moda v russkoi onomastike*: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd.
- Vrublevskaya, O.V. (2017). *Yazykovaya moda v russkoi onomastike*: dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd.
- Zrazikava, V.A. (2018). *Gemeronymy ŷ kantekestse anamastychnykh dasledavannyay: suchasny stan i perspektivy razvistsya*. U: M.R. Prygodzich (red.), *Belaruskae slova: termin i vobraz*. Zbornik artykulaŭ pa materyyalakh navukovykh chytannyay, prysvechanykh pamyatsi profasara V.P. Krasneya (100–104). Minsk: BDU.

Ярослав Мельник (Yaroslav Mel'nik)

 <https://orcid.org/0000-0001-5511-1881>

*Прикарпатский национальный университет
имени Василия Стефаника
Факультет филологии
76018 Украина, Ивано-Франковск,
ул. Шевченко, 57
mel.jaroslav@gmail.com*

**Функционально-прагматическая особенность лозунгов,
призывов, воззваний советской эпохи:
семантико-семиотический и психолингвистический аспекты**

**Functional and Pragmatic Features of Slogans and Appeals of the Soviet Era:
Semantic, Semiotic and Psycholinguistic Aspects**

Резюме

Статья посвящена проблемам организации информационного пространства с использованием пропагандистских лозунгов, призывов, воззваний, которые были характерны для советской эпохи 70-х–90-х годов прошлого века. Все тоталитарные системы в гипертрофированном варианте эксплуатируют идеологемы, а также разного типа воззвания. Эти информационные послы являются одним из ключевых инструментов тоталитарного мифотворчества. И как показал исторический опыт, их функционирование весьма результативно. Поскольку XXI в. не лишен тоталитарных образований, а также тенденций, в тех странах, которые скинули старые режимы и встали на путь демократического развития, тоталитарно-пропагандистские методы во многом сегодня являются балластом, присутствуют и влияют на информационный ландшафт. Также они вносят деструктивные тенденции в гуманитарную сферу вообще и в процесс объективного освещения прошлого и настоящего. Это направление требует глубинного и системного исследования. В настоящее время работы в этом направлении находятся в начальной стадии. Предложенная статья является одним из сегментов исследования указанной проблемы. В процессе описания комплекса пропагандистских воззваний были использованы методы анализа, синтеза, сквозной выборки и дифференциации по прагматическим признакам. В результате были отобраны более 150 лозунгов и воззваний указанной эпохи, которые относятся к числу универсальных и самых используемых и распределены

по основным рубрикам, а также проанализированы их основные суггестивные функции. На данном этапе исследования сформулированы ключевые тезисы, в которых освещается искусственность и несостоятельность программных высказываний эпохи застоя, а также их деструктивная функция по отношению к социоментальной и коммуникативной аксиологической картине мира.

Ключевые слова: семантика, структура, типология, коммуникация, воззвание.

Summary

The article is devoted to the problems of organizing the information space using propaganda slogans and appeals that were typical of the Soviet era between the 1970s and 1990s. All totalitarian systems exploit ideologemes in an exaggerated version, as well as various types of appeals. These information messages are one of the key tools of totalitarian myth-making. And, as historical experience has shown, their operation is very effective. Since the twenty-first century is not free from totalitarian regimes, as well as trends, in those countries that have discarded old regimes and have embarked on the path of democratic development, totalitarian propaganda methods are seen as a ballast, yet they are present and affect the information landscape. They also promote destructive tendencies in the humanitarian sphere in general and interfere with the process of objective coverage of the past and present. This area requires in-depth and systematic research, which is currently in infancy. The article explores one of the facets of the problem. In the process of describing the complex of propaganda appeals, the author relies on the methods of analysis, synthesis, end-to-end sampling, and differentiation based on pragmatic features. As a result, more than 150 slogans and appeals of the communist era were selected, which are among the universal and most used and distributed in terms of the headings, and their main suggestive functions were analysed. At this stage of the study, key theses were formulated that highlight the artificiality and inconsistency of the programme statements of the era of stagnation, as well as their destructive function in relation to the socio-mental and communicative axiological picture of the world.

Keywords: semantics, structure, typology, communication, appeal.

Начало XXI века в рамках гуманитарных дисциплин обозначило новые перспективы и качественно обновленную парадигму. Сейчас практически любое языковое явление рассматривается в связи с культурными, мировоззренческими, аксиологическими, прагматическими и др. особенностями. Такая «перезагрузка» обоснована и объясняется общими тенденциями эволюции нашей цивилизации (Воробьев, 2008, 16).

Весь XX век в формате лингвистической науки был весьма результативным в обработке информации с использованием формально-логического принципа и с дальнейшей инсталляцией в научную картину мира. Благодаря этим тенденциям предыдущий век как эпоха был весьма продуктивным на грамматики, словари, учебники и пр. Во второй половине прошлого века появились труды Ю.С. Степанова, Ю.Н. Караулова, А. Вежбицкой, Р. Барта, У. Эко, Ю.М. Лотмана, Вяч.Вс. Иванова, Б.А. Успенского, Н. Хомского и про-

чих исследователей, которые определили стратегию дальнейшего развития как лингвистики, так и гуманитарных наук в целом. В результате этих изменений в эпицентре исследовательского комплекса оказался человек с его миром. В последние десятилетия прошлого века был задекларирован антропоцентрический подход как определяющий и формирующий общие тенденции настоящей эпохи и ближайшего будущего. В результате этих динамик оказались весьма актуальными труды В. фон Гумбольдта, А. Потебни, Б. Уорфа, Э. Сепира и др. исследователей прошлого. Таким образом, языковой знак получил новое прочтение и широкий диапазон новых подходов (Степанов, 1995, 8; Вежбицкая, 1999, 10).

Еще одним важным и определяющим фактором, который повлиял на общие тенденции развития гуманитарных дисциплин, оказались интенсивные разработки в области семиотики. Также падение тоталитарных режимов, начало глобализационных процессов оказались дополнительными рычагами влияния в общей картине системных трансформаций. В конце концов дискурсологический принцип стал очевидным и доминирующим, а психолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, нарратология, лингвистика текста, неориторика, компьютерная лингвистика и пр. вышли на новую исследовательскую орбиту.

Из всего комплекса очерченных и возможных направлений особую актуальность приобрели языковые и лингвокультурные феномены тоталитарных систем (Почепцов, 2001, 384). В частности, современную науку интересует лингвокоммуникативный инструментарий и суггестивная природа пропагандистских текстов – слово как главный канал проникновения в сознание индивида и коллективного субъекта, а также программирование сознания и подсознания (НЛП-технологии), переориентация духовного мира человека на специфические идеологические доминанты. Также науку интересуют последствия такого влияния на коллективное подсознательное, а также гипотетические методы реабилитации культурно-ментального пространства в посттоталитарную эпоху. Основной вопрос предложенного исследования заключается в анализе лозунгов, призывов, кратких посылов, девизов, воззваний советской эпохи, в их типологии и определении ключевых механизмов влияния на человеческое сознание. Также нас будет интересовать секрет высокой эффективности коммунистических мантр и возможные методы защиты человеческого духовного пространства от их «информационного облучения». Целью же предложенного экскурса является анализ слова, словосочетания и высказывания, а также уровень КПД в процессе влияния на общий информационный фон и человеческое сознание в частности. Дальнейшей стратегической целью настоящего поиска является объяснение роли слова, языка, коммуникации в формировании неототалитарных систем и в процессе зомбирования отдельных социальных групп и целых народов. Обращаем особое внимание на то, что последствием такого влияния является факт

существования в наши дни государственных систем, организованных по образцу рабовладельческого, средневекового или тоталитарного с выраженным культом личности и абсолютизацией власти, что теоретически должно быть невозможным в XXI веке – в эпоху всеобщей демократии, свобод и интернета. Организованные по архаическому образцу государственные системы существуют в непосредственной близости с другими системами, в которых свобода и демократия представлены на самом высоком уровне (например, Северная и Южная Корея). И заметим, что демагогическая риторика или риторика лживых лозунгов, равно как и «риторика молчания» в пределах тоталитарных систем представлены достаточно интенсивно (Мельник, 2021, 95).

Современная дискурсология уделяет немало внимания типологическим разновидностям, прагматическим, аксиологическим, психологическим и пр. составляющим общего процесса информирования. Но на фоне общих разработок (см.: Вежбиньски, 2014, 169) в наши дни все же недостаточно интенсивно ведутся разработки в этом направлении и анатомизация тоталитарного (советского) прошлого пока не раскрыла секреты пропагандистской машины.

Следует обратить внимание на то, что тоталитарные режимы формируют и эксплуатируют системы знаков, символов, широкий спектр механизмов, которые подчинены доминирующей пропагандистской идее. Их дополняют комплексы визуализированных символов и прочих информационных пазлов – геральдика, локальная и всеобщая символика, песенная культура, киноиндустрия, художественная литература. Но главным источником влияния остаются тексты – вербальные, которые пополняются графическими (Вежбиньски, 2014, 172). Словесная обработка информационных реципиентов является определяющим, самым распространенным и эффективным методом. В тоталитарных системах информация предусматривает ритуализированные сценарии социального поведения, конечной целью которых является стандартизация мышления, подгонка человеческой действительности под искусственно созданные стандарты (Москалец, 2020, 121). Правда, коммунистические идеологи зачастую используют старые схемы и инструментарий. Так, скажем, «Моральный кодекс строителя коммунизма» был списан с текстов Старого и Нового Заветов. Но поскольку ключевой идеологемой была «мы наш, мы новый мир построим», то все, что было продукцией пропагандистской индустрии, интерпретировалось как новое и не имеющее аналогов.

Для процедуры «загонки» всего электората в общие, обозримые и контролируемые отряды соратников важно было наполнить информационное пространство перманентными, ритмически повторяющимися, простыми для восприятия формулами (Слухай, 2019, 91). Эти своеобразные мантры, которые неизменно сопровождали человека, должны были выполнять и выполняли главную функцию – превращали человека в своего верноподданного,

надежного защитника и проповедника. С ускорением технического прогресса к уже существующим добавились телевидение и радио, которые совместно с другими информационными источниками с высокой частотностью повторяли всем известные формулы о счастливом будущем, кого мы должны благодарить за успехи, что является идеалом, истина и правда на чьей стороне, какое общество является самым справедливым, кто нам светоч, чьим идеалам следует быть верным, за кем будет победа, кто процветает и кто загнивает, с чем ассоциируется светлое будущее. Психологический прием частого и ритмического повторения давал свои результаты. Все информационное пространство было наполнено духом постоянного напоминания. Человеческое сознание в условиях системного информационного вкрапления подвергается определенным мутационным изменениям и, что очень важно, эти изменения для самого же субъекта практически неощутимы. Субъект воспринимает информационную действительность не как «нечто иное, которое я принял, и это стало моим...», а как «непосредственно и безальтернативно мое, оно всегда было моим» (Мельник, 2012, 199). В этом случае субъект становится органически единым с системой, и освободиться от идеологических вериг, как показывает жизненный опыт, крайне трудно. Доказательством этого является то, что в наши дни в каждой государственной системе, в любой точке планеты можно найти представителей (как правило) немолодого поколения, которые верят и боготворят идеалам ушедшей эпохи, хотя с позиций исторической правды и объективности она была крайне жестокой и несправедливой. Переубедить их не представляется возможным. Тут очевиден результат идеологической обработки, зомбирования, то есть действия классической риторики, в основе которой лежит концепция убеждения, влияния, суггестии.

Лозунги, призывы, воззвания и прочие всевозможные императивы советской эпохи (тут справедливости ради можно упомянуть и десятки других тоталитарных режимов предыдущего столетия) полностью подчинены этим правилам и с ювелирной точностью выполняли свое главное задание – обрабатывать и подгонять человеческое сознание под нужные – изобретенные системой – стандарты и в итоге создать новый подвид *homo sapiens – homo sovieticus*. Однако заметим, что определенная часть социальной системы все же не поддавалась такому информационному прессу и имела свои критические взгляды на действительность. Как правило, это была интеллектуальная элита общества, а также определенная часть оппозиции среди студенческой молодежи и других социальных слоев.

Выделим определенный континуум призывов и воззваний советской эпохи, обратимся к самым частотным, попытаемся провести определенную дифференциацию и определить главные типологические признаки. В процессе отбора нами было выделено около 150 единиц высказываний, воззваний, адресаций, призывов, деклараций, констатаций, императивных

высказываний, девизов, лозунгов. Суммарно все высказывания преследовали главную цель – утвердить советские идеалы; разрушить «загнивающий Запад»; убедить в правоте, истинности и безальтернативности избранного пути; незыблемый идеал – партия коммунистов во главе с непорицаемым вождем, иконизация и мифологизация концептов коммунистической партии. С точки зрения современной дискурсологии, психолингвистики, прагматической лингвистики, коммуникатологии, нарратологии, неориторики, аксиолингвистики, теории аргументации все перечисленные ниже лозунги можно распределить по определенным рубрикам. В основе рубрикации лежит дифференциальный принцип, который в рамках изобретенной нами «лозунгологии» будет эксплицитировать главный принцип и механизм влияния на человеческое сознание (индивидуальное и коллективное).

Итак, рассмотрим лозунги советской эпохи, которые можно отнести к числу часто эксплуатируемых (обращаем внимание, что для каждой эпохи были характерны свои тематические и прочие особенности). В поле зрения предложенного исследования оказался в основном материал 80-х гг. XX века, который мы дифференцируем по таким признакам:

1) призывы с высокой степенью абстрагирования: *Миру – мир!; Дружбе крепнуть!; Под знаменем социалистического интернационализма!; Нерушимое единство партии и народа!; За мир и счастье!; За мир во всем мире!; Мир – наша надежда!; Во имя прочного мира!; Нет ничего дороже мира!; Мы за мир и процветание!; Да здравствует ленинская Коммунистическая партия Советского Союза!; Да здравствует наша великая Родина – Союз Советских Социалистических Республик!; Да здравствует ленинский комсомол!; Да здравствует героический ленинский комсомол!; Да здравствует социалистическая демократия!; Пролетарии всех стран, соединяйтесь!; Под знаменем Великого Октября!; Борьба за мир – дело общее!; Миру – да! Войне – нет!; Мир – Европе, мир – планете!; Мир и счастье детям всей земли!; За мир и социальный прогресс!; В строю великой партии!; Выше знамя Октябрьской вахты!; Миру – мир!; Мир – это жизнь!; В наших колоннах, на наших знаменах – мир, труд, май!; Тебе, партия, пламя наших сердец!; Наши юные сердца с тобой, партия Ленина!; Пятилетка качества и эффективности!; Даешь перестройку!; Навеки вместе!; Нерушимый союз рабочих и крестьян!; Приветствуем участников съезда!; Это наш верный путь!; На страже Родины!; Мир – труд – май!; Мы победим!; Дисциплина и порядок!*

2) соотнесенность идеологии партии с идеалом; безальтернативность; соотнесенность идеалов с вождем; идеализация и сакрализация образа вождя; торжество идеалов партии, иконичность советских символов; путь к счастью: *С именем Ленина, под руководством Коммунистической партии – на труд и подвиг!; Торжество социалистической демократии!; Голосуем за коммунизм!; Торжество идеалов коммунизма!; По-ленински жить, работать,*

учиться!; Народ и партия – едины!; Партия и народ едины!; С Лениным в сердце!; Ленин всегда с нами!; Ленинской дружбой сильны!; По Ленину сверяя шаг!; Мы делу Ленина и партии верны!; Да здравствует ленинизм – знамя революционной борьбы, коммунистического созидания и мира!; Ленин живее всех живых!; Учимся у коммунистов! Строим коммунизм!; Честь и слава Коммунистической партии Советского Союза – партии строителей коммунизма!; Слава Великому Октябрю, открывшему новую эпоху в истории человечества!; Честь и слава коммунистам – мужественным борцам за народное дело!; Пусть живет в веках имя и дело Владимира Ильича Ленина!; С Лениным в сердце – на труд и подвиг!; Под знаменем Ленина, под руководством Коммунистической партии – вперед, к победе коммунизма!; Счастье быть твоим бойцом, Октябрь!; Делу Ленина и партии верны!; Жить, работать и учиться по-ленински, по-коммунистически!; Делу Ленина верны!; Пламень юных сердец – тебе, дорогой Ильич!; Спасибо дорогому Леониду Ильичу!; Да здравствует социалистическая Революция!; Партия – наш рулевой!; Мы – за торжество коммунизма!; Коммунизм победит!

3) указание на главный ориентир развития (светлое будущее); гарантия рая в осязаемом будущем; направление движения; апелляция к вечности и незыблемости: *Вперед, по пути Октября!; Учимся коммунизму, учимся у коммунистов!; По-ленински учимся коммунизму, строим коммунизм!; Да здравствует марксизм-ленинизм – вечно живое революционное интернациональное учение; Да здравствует братская дружба и непоколебимое единство всех наций и народностей Советского Союза!; Вперед, дорогой Октября!; Дорогой Октября – к коммунизму!; Под ленинским знаменем – к коммунизму!; За международный мир и социальный прогресс!; Пусть еще сильнее, богаче и краше станет наша великая Родина!; Да здравствует братская дружба и непоколебимое единство всех народов и народностей Советского Союза!; Курсом социализма и мира!; Победа социализма во всем мире!; Наши экономические успехи!; Перестройке быть!; Перестройку и ускорение в жизнь!; Мы на пути строительства коммунизма!*

4) партия, социализм, коммунизм как высшая ценность; миссионерская роль партии: *Да здравствует нерушимое единство партии и народа!; В жизни, труде и учебе равняйся на коммунистов!; Единство партии и народа!; В единстве с народом – сила партии!; Наша цель – мир на земле!; Наша цель – коммунизм!; Во имя социализма, во имя человека!; В единстве с партией, в ее руководстве – сила народа!; Верность Родине, делу партии; Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи!; Главная задача – борьба за мир!; В единстве с народом – сила партии!; Слава великому советскому народу – строителю коммунизма, последовательному борцу за мир!; Партия – авангард советского народа!; Наши цели ясны, задачи определены! За работу, товарищи!; Партия – бессмертие нашего дела!; За победу социализма во всем мире!*

5) апелляция к подвигам прошлого; возвышение и воспевание прошлых побед: *Не отдадим славу наших побед!; Никто не забыт, ничто не забыто!; Каждый воин – интернационалист!; Слава великой победе!; Честь и слава ветеранам труда!; Слава великой победе!; Слава народу-победителю!; Их имена навеки в наших сердцах!; Будем достойны славы отцов!; Скажем – Нет! мировому империализму!*

6) призыв к трудовому подвигу: *Ударным трудом крепи могущество Родины!; Тебе, Октябрь, наш подвиг трудовой!; Ударный труд – Родине!; Девиз Ленинской вахты: ударный труд, высокое качество, образцовая дисциплина!; Крепи дисциплину труда!; Девиз – ударный труд!; Достойно жить и доблестно трудиться!; Возвысь себя трудом!; Эффективная работа – основа благосостояния народа!; Работать эффективно и качественно – наш патриотический долг!; В плавках наша сила! (надпись на сталеплавильном цехе Криворожского металлургического комбината); Комсомолец! Трудись по-ударному, по-коммунистически!; Граждане Советского Союза! Учитесь жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически!; Октябрю – наш подвиг трудовой!; Прославьте Родину трудом!; Родине, партии – вдохновенный труд!; По зову Родины – на подвиг трудовой!; Тебе, Родина, – наш труд и знамя!; Принимай, Октябрь, рапорт трудовой!; Родине, Партии – наш вдохновенный труд!; Встретим праздник Октября ударным трудом!; Все на целину!; Целина – наш трудовой фронт!; Встретим XXV съезд партии трудовыми подвигами!; Советский Союз – оплот мира во всем мире!; Жить и работать по-коммунистически!; Все силы – на выполнение взятого социалистического обязательства!; Наш девиз – эффективность и качество!; Слава героям Метростроя!; Выполним пятилетку досрочно!; Пятилетку за три года!; Наш пламенный привет труженикам полей!; Даешь БАМ!*

7) формирование образа врага. Партия – гарант мира и безопасности: *Преградить путь войне!; Защитим мирное будущее планеты!; Планете – мирное небо!; Европе – мирное небо!; Не допустим расширения НАТО!; Европе – мир, безопасность и добрососедство!; Во имя мира и безопасности народов!; Во имя мира и разрядки!; Нерушимое единство стран Варшавского Договора!; Да здравствует 1 Мая – День международной солидарности трудящихся в борьбе против империализма, за мир, демократию и социализм!; Поддержим героический народ Вьетнама!; Поддержим демократические силы Афганистана!; Они позорят наше общество!; Пьянству – бой!; Империализму – наше Нет!; Искореним религиозные предрассудки!; Империализму – бой!*

Обращаем внимание на то, что представленный выше идеологический материал отражает эпоху не в полной мере. В поле зрения не попали специальные (профессионально ориентированные) материалы – это лозунги и призывы, которые были инсталлированы в воинских частях, учебных и научно-исследовательских учреждениях, на промышленных предприятиях

и предприятиях аграрного сектора, на базах отдыха, в пионерских лагерях, местах лишения свободы и т.п. Поэтому предложенный континуум обладает очевидной неполнотой, которую считаем допустимой с учетом поставленных целей и задач. По предварительным подсчетам, в 80-е – начале 90-х гг. число самых популярных и эксплуатируемых (с учетом специфических форматов) насчитывает от 1500 до 2500 лаконичных высказываний. Но в это число не включены фразы, которые стали популярными, главными источниками которых были газетные публикации (часто заглавия), цитаты из произведений художественной литературы и кинофильмов, из высказываний политических лидеров стран «социалистического лагеря», а также не учтены локальные высказывания, которые были представлены в рамках ограниченного времени (реакции на политическое событие) и в формате ударных строек и пр.

Следует также указать на то, что большинство высказываний были вкомпонированы в определенные визуальные конструкции и воспринимались как целостные структуры. Таким образом эти информационные послы всегда имели своего адресата и рассчитывались на определенный уровень (советского, коллективного) сознания (Вежбицкая, 1999, 169). Обратим внимание также на то, что именно эти фразы (призывы, воззвания) весьма успешно моделировали двойную мораль, поляризованное, бинарное информационное пространство, формула которого была точно сформулирована в конце 80-х в тексте одной из песен популярной рок-группы: «... одни слова для кухонь, другие – для улиц». Официальная информационно-пропагандистская политика, которая не предусматривала альтернативного суждения и высказывания, стала главной причиной внутренних деструктивных процессов, а впоследствии и крушения всей системы. Также в рамках искусственно навязанной информационной политики в сопряжении с воинствующим и вездесущим социалистическим реализмом и нетерпимостью к инакомыслию существовал мощный слой диссидентской литературы, стихийно эволюционирующей бардовской поэзии, «искусство подполья» («бульдозерная выставка»), анекдот советской эпохи и смехокультура в широком смысле. Суммарно политическая информационная индустрия советской эпохи, укомплектованная недалекими политиками и отягощенная мощной бюрократической машиной, угнетала в человеке его способность аналитически мыслить, ощущать себя личностью, осознавать свою самодостаточность. Вместо этого предложила абсолютное доминирование коллективного над индивидуальным. Иллюстрацией этого является процесс последовательного разрушения (по принципу домино) всемирной социалистической системы. И хотя она обладала определенной инвариантностью, социализм не только советский, но и польский, немецкий, болгарский, югославский, чешский, румынский, никарагуанский, чилийский, кубинский, вьетнамский, ангольский, албанский, камбоджийский, корейский и пр. ожидал разрушительный финал. Часть из этих стран и сегодня переживают мучительный процесс

отрыва от прошлых мифологем и вхождения в демократическое русло развития (Аджемоглу, Робинсон, 2018, 339).

Таким образом, исследования роли лозунгов, воззваний, призывов, посылов, адресаций и прочих информационных интервенций советской эпохи продемонстрировали методологическую закономерность, исторический опыт изначальной инвалидности, ошибочности и несостоятельности такого пути формирования цивилизованного общества и пропагандистской политики в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аджемоглу, Д., Робинсон, Д. (2018). *Чому нації занепадають. Походження влади, багатства та бідності*. Київ: Наш формат.
- Вежбиньски, Я. (2014). *Семантика и стилистика политических лозунгов, воззваний и цитат советского периода*. В: А. Piasecka і I. Blumental (red.), *W kręgu zagadnień semantyki i stylistyki tekstu* (169–177). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, <https://doi.org/10.18778/7969-416-7.18>.
- Вежбицкая, А. (1999). *Семантические универсалии и описание языков*. Москва: Языки.
- Воробьев, В.В. (2008). *Лингвокультурология*. Москва: Российский университет дружбы народов.
- Мельник, Я.Г. (2012). *Прологмени до українського дискурсу*. Івано-Франківськ: Вид-во Прикарпатського університету.
- Мельник, Я.Г. (2021). *Риторика молчания, Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*, 26 (1). Сочи: Сочинский государственный университет.
- Москалец, В.П. (2020). *Психологія особистості*. Київ: Ліра-К.
- Почепцов, Т.Г. (2001). *Теория коммуникации*. Киев: Рефл-бук Ваклер.
- Серебренников, Б.А. (ред.). (1988). *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*. Москва: Наука.
- Слухай, Н.В. (2019). *Сугестивна лінгвістика: лінгвістичне програмування поведінки людини*. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго.
- Степанов, Ю.С. (1995). *Изменчивый «образ языка» в науке XX века*. В: *Язык и наука конца 20 века*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

- Adzhemoglu, D., Robinson D. (2018). *Chomu natsiï zanepadayut'. Pokhodzhennya vladi, bagatstva ta bidnosti*. Kiïv: Nash format.
- Mel'nik, Ya.G. (2012). *Prolegomeni do ukrains'kogo diskursu*. Ivano-Frankivs'k: Vid-vo Prikarpats'kogo universitetu.
- Mel'nik, Ya.G. (2021). *Ritorika molchaniya*, Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty, 26 (1). Sochi: Sochinskii gosudarstvennyi universitet.
- Moskalets', V.P. (2020). *Psikhologiya osobistosti*. Kiïv: Lira-K.
- Pocheptsov, T.G. (2001). *Teoriya kommunikatsii*. Kiev: Refl-buk Vakler.
- Serebrennikov, B.A. (red.). (1988). *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira*. Moscow: Nauka.

- Slukhai, N.V. (2019). *Suggestivna lingvistika: lingvistichne programuvannya povedinki lyudini*. Kïiv: Vidavnichii dim Dmitra Burago.
- Stepanov, Yu.S. (1995). *Izmenchivyi «obraz yazyka» v nauke KhKh veka*. V: *Yazyk i nauka kontsa 20 veka*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.
- Vezhbin'ski, Ya. (2014). *Semantika i stilistika politicheskikh lozungov, vozzvanii i tsitat sovetskogo perioda*. W: A. Piasecka i I. Blumental (red.), *W kręgu zagadnień semantyki i stylistyki tekstu* (169–177). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, <https://doi.org/10.18778/7969-416-7.18>.
- Vezhbitskaya, A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov*. Moscow: Yazyki.
- Vorob'ev, V.V. (2008). *Lingvokul'turologiya*. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov.

Наталья Немич (Natal'ya Nemich)

 <https://orcid.org/0000-0002-9515-1084>
nemich.natalya@mail.ru

**Лексическая сочетаемость имен прилагательных
с семантикой невыразимого
(на материале лексикографических источников)**

**Lexical Compatibility of Adjectives with the Semantics of the Inexpressible
(Based on Lexicographic Sources)**

Резюме

В данной статье анализируются особенности лексической сочетаемости однословных лексем с семантикой невыразимого на материале лексикографических источников; рассматриваются однословные лексемы с точки зрения их сочетаемостной ценности на основе научных трудов Ю.Д. Апресяна, Н.З. Котеловой, В.В. Морковкина и др. Для определения номинаций маркирования однословных конститuentов семантики невыразимого были проанализированы различные типы словарей. При работе с лексикографическими источниками применялся метод сплошной выборки.

Выявлено, что однословные лексемы с семантикой невыразимого в значении 'такой, который трудно высказать, передать словами' сочетаются с существительными, обозначающими внутренний мир человека, его чувства, эмоции (положительные и отрицательные) и абстрактные понятия, предметы речи. Лексемы в значении 'очень сильный, чрезвычайный' сочетаются с существительными, которые обозначают отрицательно окрашенную оценку окружающей действительности, внутренний мир человека, его чувства, эмоции со степенью усиления глубины выражаемых чувств.

Наблюдения над сочетаемостью лексем с семантикой невыразимого в лексикографических источниках показали, что данные имена прилагательные в основном сочетаются с именами существительными, которые можно объединить в серии «внутренний мир человека», «чувства, эмоции», «оценка».

Сочетаемостная ценность лексем с семантикой невыразимого проявляется в синтагматических и парадигматических отношениях между словами, выражающими чувства (любовь, страх), эмоции (волнение, радость), абстрактные номинации, объекты (красота, цвет), оценку действительности (грязь, беспорядок).

Для дальнейшего изучения представляет интерес подробное изучение сочетаемости лексем с семантикой невыразимого на материале газетного дискурса.

Ключевые слова: семантика невыразимого, имена прилагательные, однословные лексемы, лексическая сочетаемость, лексикографические источники.

Summary

The article discusses and reviews the typical features of lexical compatibility of one-word lexemes with the semantics of inexpressible based on available lexicographic sources. The scientific works of Yu.D. Apresyan, N.Z. Kotelova, V.V. Morkovkin and others are devoted to the study of various aspects of compatibility of lexemes. The purpose is to study the combinability properties of adjectives with the semantics of the inexpressible. To determine nominations for marking one-word constituents of the semantics of the inexpressible, various types of dictionaries were analysed, and the continuous sampling method was used.

The author demonstrates that one-word lexemes with the semantics of the inexpressible in the meaning of "difficult to express", "difficult to convey in words" are combined with nouns denoting the inner world, feelings, emotions (positive and negative), and abstract concepts, objects of speech. Lexemes with the meaning "very strong", "extraordinary" are combined with nouns denoting a negative assessment of the surrounding reality, the inner world, emotions, and the depth of feelings.

Observations on the lexeme compatibility with the semantics of the inexpressible in lexicographic sources have shown that these adjectives are combined with nouns that can be used in groups: "the inner world of man", "feelings, emotions", and "evaluation".

The compatibility value of lexemes with the semantics of the inexpressible is manifested in syntagmatic and paradigmatic relations between words expressing feelings (love, fear), emotions (excitement, joy), abstract nominations, objects (beauty, colour), evaluation of reality (dirt, disorder).

As regard further studies, it is recommended to consider the category of lexemes compatibility with the semantics of the inexpressible on the material of newspaper discourse.

Keywords: semantics of inexpressible, adjectives, one-word lexemes, lexical compatibility, lexicographic sources.

Тема невыразимого является проблемой исследований в области лингвистики, литературоведения, философии, играет центральную роль в многочисленных произведениях художественной литературы, а также в других видах искусства. В основном семантика невыразимого изучается учеными на материале художественных текстов, произведений фольклора. В лингвистике представлены научные работы, в которых ученые в русле своих исследований рассматривали семантику невыразимого (Иванян, 2015; Сырица, 2009; Михайлова, 2020). М.Ю. Михайлова в широком аспекте интерпретирует семантику невыразимого в виде посредника между мышлением и речью, как систему языковых средств передачи «принципиально невербального универсального предметного кода, которым оперирует человеческое мышление» (Михайлова, 2020, 32).

В комплексное семантическое описание слов входит характеристика общего объема лексических значений, сочетаемостных и стилистических качеств определенных лексем. В данной работе рассмотрим одну из характеристик интегрального описания лексем – сочетаемость слов – с семантикой невыразимого *невыразимый, неизреченный, неизъяснимый, неописанный, неописуемый, непередаваемый, несказанный*.

Существующие исследования сочетаемости слов представляют большой интерес для лингвистов. Данная проблема занимает одно из важных мест в работах многих ученых, которые внесли вклад в развитие лингвистики. Изучению различных аспектов сочетаемости лексем посвящены научные труды Ю.Д. Апресяна (1969), Н.З. Котеловой (2015), В.В. Морковкина (1983) и др. Данную проблему продолжают изучать и многие современные исследователи: О.А. Баймуратов и Д.А. Аязбаев (2020), М.В. Влавацкая (2010), Е.В. Задорожнева (2007) и др.

Лексическую сочетаемость Ю.Д. Апресян характеризует как «способность данного слова синтаксически связываться со словами из ограниченного списка» (Апресян, 1969, 81). Исследователь указывает, что лексические синонимы могут отличаться друг от друга по степени совпадения сочетаемости. В каждом из трех типов возможно: 1) полное совпадение сочетаемости, 2) включение сочетаемости, 3) пересечение сочетаемости и 4) полное несовпадение сочетаемости (Апресян, 1969, 83).

Н.З. Котелова определяет лексическую сочетаемость как «способность слова сочетаться с другими словами, совокупность его лексических валентностей» (Котелова, 2015, 91). Для выявления лексической сочетаемости необходимо определить круг слов, с которыми оно может сочетаться в контексте связной речи, а также определить условия реализации сочетаний.

Сочетаемостная ценность слов проявляется, по мнению Е.В. Задорожневой, с одной стороны, в синтагматических, с другой – в парадигматических отношениях между словами (распространителями слов являются единицы, которые входят в парадигмы разных языковых уровней) (Задорожнева, 2007, 2).

М.В. Влавацкая считает, что значения любой лексемы включают в себя лексико-семантические варианты (ЛСВ), которые определяются лексической, грамматической, синтаксической сочетаемостью. В речи слово актуализируется только в одном из имеющихся у него вариантов (Влавацкая, 2010, 24). По критерию количества сочетающихся слов с анализируемым словом исследователь выделяет следующие типы сочетаемости: свободную (с наибольшим количеством сочетаний), широкую («возможность лексемы сочетаться с лексемами нескольких лексико-семантических групп»), групповую (с одной-двумя лексико-семантическими группами), единичную (с минимальным количеством лексем) и серийную (сочетаемость «нескольких серий лексем друг с другом, при которой происходит варьирование конкретных лексем внутри серий») (Влавацкая, 2013, 47).

А.Н. Баранов определяет сочетаемость лексической единицы как один из важнейших источников информации о ее значении (Баранов, 2012, 167). Семантическая сочетаемость, по мнению исследователя, относится к целой группе слов с общим семантическим признаком, вследствие этого ее легко учитывать в толковании.

В зависимости от ограничений, регулирующих соединение слов, И.Б. Голуб выделяет три типа сочетаемости: «семантическую, грамматическую (точнее, синтаксическую) и лексическую» (Голуб, 2005, 297).

Как указывает Н.Ю. Авина, сочетаемость проявляется «в избирательности лексем и определяется семантикой слов, их принадлежностью к определенному функциональному стилю, эмоционально-экспрессивной окраской, грамматическими особенностями» (Авина, 2012, 284). Сочетаемость слов становится одним из изобразительно-выразительных языковых средств и способствует созданию в современном публицистическом стиле эпитетов, метафор, каламбуров и др. (Авина, 2012, 285).

По замечанию Н.Г. Архиповой, сочетаемость «определяется природой лексического значения слова, характером его функциональной значимости» (Архипова, 2016, 6). Исследователь считает, что лексическая сочетаемость является «главным средством объективации различных компонентов (сем, семем) значения слова» (Архипова, 2016, 8).

Иными словами, сочетаемость можно определить как качество языковых единиц сочетаться семантически, лексически и синтаксически друг с другом в контексте, создавая единицы более высокого уровня.

Цель настоящей работы заключается в исследовании сочетаемостных свойств имен прилагательных с семантикой невыразимого (СН). Основная цель определила постановку конкретных задач:

1) рассмотреть лексемы *невыразимый, неизреченный, неизъяснимый, неописанный, неопиcуемый, непередаваемый, несказанный* с точки зрения их сочетаемостной ценности;

2) установить взаимосвязь характера, динамики реализации сочетаемостного потенциала синонимов с СН;

3) выявить степень совпадения сочетаемости синонимичных лексем с СН.

Материалом послужили имена прилагательные с СН. Для анализа были использованы: *Словарь сочетаемости слов русского языка* под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина (1983), *Словарь эпитетов русского литературного языка* К.С. Горбачевича (2002), толковые словари (Кузнецов (1998), Даль (1881), Ожегов (1972), *Словарь церковно-славянского и русского языка* (1847), *Словарь русского языка* (1986), *Словарь современного русского литературного языка* (1958), *Толковый словарь русского языка* (1996). Рассмотрение категории сочетаемости на материале словарей содержат, на наш взгляд, полный материал для анализа сочетаемостного потенциала конститuentов поля СН.

При работе с лексикографическими источниками применялся метод сплошной выборки, подтверждающий достоверность полученных в ходе исследования выводов.

Для определения номинаций маркирования однословных конstituентов СН *невыразимый, неизреченный, неизъяснимый, неописанный, неописуемый, непередаваемый, несказанный* нами были проанализированы различные типы словарей XVIII – XXI вв. Как показал анализ, однословные лексемы с СН зафиксированы в 10 из 11 проанализированных нами словарей. В *Большом толковом словаре правильной русской речи* Л.И. Скворцова (2011) словарных статей с данными лексемами не представлено.

В *Словаре сочетаемости слов русского языка* под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина приводятся следующие сочетания, в состав которых входят лексемы с СН: *горе невыразимое* (Морковкин, Денисов, 1983, 108); *грустный на вид невыразимо* (книжн.) (Морковкин, 1983, 117); *отчаяние невыразимое* (книжн.) (Морковкин, 1983, 336); *радость: невыразимое ощущение радости и счастья охватило меня* (Морковкин, 1983, 464); *тревога невыразимая* (Морковкин, 1983, 598).

Анализ имен прилагательных *непередаваемый, несказанный, неописуемый, неизреченный, неизъяснимый, неописанный, зарегистрированных* в *Словаре эпитетов русского литературного языка*, созданного на основе примеров из художественных и публицистических текстов XIX – XX веков, позволил нам выявить семантические рубрики, характеризующие данные эпитеты: например, *невыразимая боль* указана в рубрике ‘сила, интенсивность’; *невыразимое горе* – ‘о силе, глубине, продолжительности страдания, скорби’; *невыразимый страх* – ‘характер, сила воздействия, оценка’; *невыразимая ночь* – ‘психологическое восприятие’ и др. (Горбачевич, 2002).

Ниже в таблице представлены номинации, характеризующиеся эпитетами *невыразимый, неизъяснимый, неописанный, неописуемый, непередаваемый, несказанный*. Лексема *неизреченный* в *Словаре эпитетов* не зафиксирована.

Сочетаемость лексических единиц с семантикой невыразимого
в *Словаре эпитетов русского литературного языка*

Лексемы	Имена существительные, характеризующиеся лексемами с СН
<i>Невыразимый</i>	боль, волнение, впечатление, горе, грусть, жажда, истома, мука, наслаждение, нежность, ночь, образ, отчаяние, покой, радость, речь, страсть, страх, тоска, тревога, чувство
<i>Неизъяснимый</i>	аромат, грусть, запах, лень, мудрость, наслаждение, нежность, печаль, тишина, томление, тоска, трепет, чувство, цель, ярость
<i>Неописанный</i>	восторг, красота
<i>Неописуемый</i>	боль, веселье, красота, наслаждение, радость, страх, ярость
<i>Непередаваемый</i>	аромат, запах, наслаждение, ночь
<i>Несказанный</i>	веселье, красота, любовь, радость, свет, тоска, хохот

Как видно из таблицы, имена существительные, используемые для маркирования имен прилагательных с СН, входят в состав словосочетаний с разными лексемами. Например, имя существительное *нежность* характеризуется эпитетами *невыразимая, неизъяснимая*; слово *наслаждение* – *невыразимое, неизъяснимое, неопишное, непередаваемое*; существительное *радость* – *невыразимая, неопишная, несказанная*; *аромат* – *неизъяснимый, непередаваемый*. Но *горе* – только *невыразимое, цель* – только *неизъяснимая, любовь* – только *несказанная*.

У однословных конститuentов СН отмечается различное количество лексико-семантических вариантов (ЛСВ). По утверждению Н.Г. Архиповой, ЛСВ слова является его элементарным значением и поэтому представляет собой основу для смыслового сопоставления лексических синонимов. Исследователь предполагает, что «разные ЛСВ одного и того же слова в словаре должны различаться сочетаемостью» (Архипова, 2016, 11). Рассмотрим примеры сочетаемости лексем с СН.

В составе ЛСВ-1 со значением ‘такой, который трудно высказать, передать словами’ было зафиксировано 67 сочетаний. Проведенный количественный анализ сочетаний с конститuentами поля СН показал, что сочетания с именами существительными, обозначающими внутренний мир человека, его мысли, чувства, ощущения, эмоции (50 примеров) составляют 75% от общего количества; обозначающими предметы речи, их свойства, ситуации, абстрактные понятия (17 примеров) – 25%.

В составе ЛСВ-2 со значением ‘очень сильный, необычайный; очень большой по силе проявления’ было зафиксировано 42 сочетания. Проведенный количественный анализ сочетаний в данном значении показал, что сочетания с именами существительными, указывающими на отрицательно окрашенную оценку (11 примеров) составляет 26% от общего количества зафиксированных сочетаний; характеризующими внутренний мир человека, его чувства, эмоции со степенью усиления глубины выражаемых чувств или эмоций (31 пример) составляет 74%.

Лексемы *невыразимый, неизреченный, неизъяснимый, неопишенный, неопишмый, непередаваемый, несказанный* в значении ‘такой, который трудно высказать, передать словами’ (ЛСВ-1) сочетаются с именами существительными, обозначающими:

1) внутренний мир человека, его мысли, чувства, ощущения, эмоции (положительные и отрицательные): *блаженство, веселье, волнение, доброта, горе, грусть, любовь, наслаждение, нежность, страх, печаль, торжество*;

2) предметы речи, их свойства, ситуации, абстрактные понятия: *красота, колесница, наряд, трудности, туалет, приключения, цвет*.

Лексемы с СН в значении ‘очень сильный, необычайный; очень большой по силе проявления’ (ЛСВ-2) сочетаются с именами существительными, которые обозначают:

1) отрицательно окрашенную оценку окружающей действительности: *грязь, беспорядок*;

2) внутренний мир человека, его чувства, эмоции со степенью усиления глубины выражаемых чувств или эмоций: *тоска, торжество, нетерпение, восторг, радость, негодование, блаженство, ужас*.

Так, в ряду *невыразимый, неизреченный, неизъяснимый, неописанный, неописуемый, непередаваемый, несказанный* обнаруживаются тождества синтаксической сочетаемости: данные слова имеют полностью совпадающую синтаксическую сочетаемость (употребляются в подчинительной синтаксической связи согласование). Наиболее частотны для имен прилагательных с СН сочетания с существительными: *невыразимая красота, неизреченная красота, неизъяснимая радость, непередаваемое чувство, несказанная радость*. Менее частотны употребления анализируемых прилагательных в роли сказуемого. *Неописуемо алое великолепие. Неописуемо выражение его глаз. Физическая причина смерти несчастного Б. была неизъяснима. Радость непередаваема*.

Кроме того, перечисленные синонимы не обнаруживают различий в семантической сочетаемости. *Невыразимым, неизреченным, неизъяснимым, неописанным, неописуемым, непередаваемым, несказанным* могут быть не только чувства, эмоции, ощущения, оценка, но и понятия, объекты. Например: *невыразимый ужас, невыразимая красота* (Ожегов, 1972, 367); *неизреченное блаженство* (Ушаков, 1996, 510); и *Небо над ними было уже не серебряное, но невыразимого цвета весенней сирени* (БАС, 1958, 774); *неописуемый беспорядок, неописуемая грязь* (Кузнецов, 1998).

Наблюдения над сочетаемостью лексем с СН в лексикографических источниках показали, что данные имена прилагательные в основном сочетаются с именами существительными, которые можно объединить в серии «внутренний мир человека», «чувства, эмоции», «оценка». Следовательно, сочетаемость лексем можно отнести к серийному типу сочетаемости. Мы наблюдаем варьирование лексем внутри серий. Так, *невыразимый* в значении ‘такой, что трудно, невозможно выразить словами’ (ЛСВ-1) сочетается с именами существительными *волнение, значение, наслаждение, радость, красота, гармония, ужас, цвет*; сочетаясь со словами *тоска, наслаждение, красота (речи)*, имеет значение ‘очень большой по силе проявления; чрезвычайный’ (ЛСВ-2).

Неизреченный эксплицирует свой сочетаемостный потенциал во взаимодействии со следующими словами: ЛСВ-1 – *блаженство, веселье, доброта, красота*; ЛСВ-2 – *торжество, свет*.

ЛСВ-1 прилагательного *неизъяснимый* вступает в синтагматические отношения со следующими рядами слов: *волнение, грусть, любовь, нежность, печаль, радость, тайна, торжество, тоска*; ЛСВ-2 – *волнение, горе, грусть, нетерпение, прелесть, сосредоточенность, страх*.

Неописанный: ЛСВ-1 – *веселье, горе, красота, радость*; ЛСВ-2 – *восторг, действие, красота, радость*.

Неописуемый: ЛСВ-1 – *виды, выражение, колесница, наряд, приключения, трудности, туалет*; ЛСВ-2 – *беспорядок, блаженство, горе, грязь, красота, наслаждение, радость, скандал, ужас, успех*.

Непередаваемый: ЛСВ-1 – *впечатление, выражение, отпечаток (преданности), страх, трели (кроншнепов), ужас, чириканье, чувство*.

Несказанный: ЛСВ-1 – *благоутробие, милосердие Божие, великолепие, красота, очарование (природы), пошлость, радость, свет, стих, удовольствие*; ЛСВ-2 – *беспорядок, глупость, грязь, жалость, очарование, радость, свинство*.

Определили, что разные ЛСВ одной и той же лексемы с СН в словарях не различаются сочетаемостью. Например, в *Большом толковом словаре русского языка* С.А. Кузнецова наблюдаем:

ЛСВ-1	ЛСВ-2
– невыразимая радость	– радость несказанная
– невыразимая красота	– неописуемая красота
– красота несказанная	

В *Толковом словаре русского языка* Д.Н. Ушакова:

ЛСВ-1	ЛСВ-2
– неизреченная красота	– невыразимую красоту ее речи
– несказанная радость	– неописуемая радость

В *Словаре современного русского литературного языка*:

ЛСВ-1	ЛСВ-2
– несказанная красота	– неописанная красота
– радость непередаваема	– неописанная радость

При сопоставлении примеров ЛСВ-1 и ЛСВ-2 однословных лексем с СН отмечаем, что разные ЛСВ не различаются сочетаемостью. Анализируемые лексемы сочетаются с одними и теми же именами существительными. Лексикографы ЛСВ-1 и ЛСВ-2 маркируют одинаковыми сочетаниями.

Одним из условий лексической сочетаемости является требование не объединять слова в словосочетания с логически противоречивыми значениями. Но, например, в *Большом толковом словаре русского языка* С.А. Кузнецова и *Словаре русского языка* под редакцией А.П. Евгеньевой в зоне иллюстрации к лексеме *несказанный* лексикографы указывают пример ‘Сказанья души – несказанны’ (Кузнецов, 1998; МАС, 1986). Можно отметить, что

в толковых словарях с середины XX века механизм лексической сочетаемости лексем с СН становится разнообразнее, происходит увеличение избирательности слов в их сочетании с другими.

Имена прилагательные с СН имеют сходные определения в словарях, определяются друг через друга и, как следствие, располагают тождественной сочетаемостью в зоне иллюстраций словарных статей. Зона иллюстраций в толковых словарях опирается на тексты классиков XIX и первой половины XX века, которые соответствуют современным нормам словоупотребления, а также демонстрируют семантический потенциал имен прилагательных с СН в современном русском языке.

Были выявлены сочетаемостные способности каждой исследуемой языковой единицы. Сочетаемостная ценность лексем с СН проявляется в синтагматических и парадигматических отношениях между словами, выражающими чувства (*блаженство, любовь, страх, ужас* и др.), эмоции (*волнение, радость, печаль, нетерпение* и др.), абстрактные номинации, объекты (*красота, цвет, колесница* и др.), оценку действительности (*грязь, беспорядок*). Самыми частотными сочетаемостными лексическими единицами с именами прилагательными с СН являются слова *красота, беспорядок* (по 7 примеров).

Наблюдения над сочетаемостью лексем в лексикографических источниках показали, что данные имена прилагательные в основном сочетаются с именами существительными, которые можно объединить в серии «внутренний мир человека», «чувства, эмоции», «оценка».

Лексемы с СН обнаруживают сходства в сочетаемости. Можно говорить о том, что конstituенты поля невыразимого являются взаимозаменяемыми, то есть данные синонимы способны заменять друг друга в сочетаниях с именами существительными, обозначающими чувства, эмоции, ощущения человека, оценку происходящего. Чувства могут различаться по интенсивности (силе). Лексемы с СН могут являться характеристикой как положительных (*наслаждение, нежность, радость*), так и отрицательных чувств и эмоций (*горе, грусть, мука, страх, тоска, тревога* и др.).

В дальнейшем необходимо рассмотреть категорию сочетаемости лексем с СН на материале газетного дискурса, так как изучение реализации сочетаемостного потенциала конstituентов поля СН является важным для нашего исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авина, Н.Ю. (2012). *Трансформация сочетаемости слов в аспекте культуры речи: региональные особенности*, Вопросы культуры речи, 11, 284–289.
- Апресян, Ю.Д. (1969). *Синонимия и синонимы*, Вопросы языкознания, 4, 75–91.

- Архипова, Н.Г. (2016). *Сочетаемость как средство определения лексического значения диалектного слова: на материале многозначного прилагательного «парной» в говорах старообрядцев Амурской области*, Теоретическая и прикладная лингвистика, 2 (3), 5–14.
- Баранов, А.Н. (2012). *Сочетаемость слов и «слабая семантика»*, Вопросы культуры речи, 11, 167–178.
- Большой толковый словарь русского языка*. (1998). С.А. Кузнецов (сост. и гл. ред.). Санкт-Петербург: Норинт.
- Влавацкая, М.В. (2010). *Типы контекста и понятие сочетаемости*, Язык и национальное сознание, 14, 14–26.
- Влавацкая, М.В. (2013). *Классификация типов сочетаемости по количеству сочетающихся слов*, Филологические науки. Вопросы теории и практики, 1 (19), 43–47.
- Голуб, И.Б. (2005). *Русский язык и культура речи*. Москва: Логос.
- Горбачевич, К.С. (2002). *Словарь эпитетов русского литературного языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Даль, В.И. (1881). *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 2. Санкт-Петербург: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа.
- Задорожнева, Е.В. (2007). *Сочетаемость компонентов антонимо-синонимических блоков (на материале существительных, прилагательных, наречий русского языка)*: автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград.
- Иванян, Е.П. (2015). *Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке*. Москва: ФЛИНТА.
- Котелова, Н.З. (2015). *Лексическая сочетаемость слова в словаре. Избранные работы (90–106)*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Михайлова, М.Ю. (2020). *Семантика невыразимого в языке и речи*. Москва: ФЛИНТА; Самара: СГСПУ.
- Ожегов, С.И. (1972). *Толковый словарь русского языка*. Москва: Сов. Энциклопедия.
- Скворцов, Л.И. (2011). *Большой толковый словарь правильной русской речи*. Москва: Мир и образование.
- Словарь русского языка*. В 4-х т. (1986). Т. 2. А.П. Евгеньева (ред.). Москва: Русский язык.
- Словарь современного русского литературного языка*. (1958). Т. 7. Москва–Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.
- Словарь сочетаемости слов русского языка*. (1983). П.Н. Денисов, В.В. Морковкин (ред.). 2-е изд., испр. Москва: Русский язык.
- Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук*. (1847). Т. 2. Санкт-Петербург: Тип. Императ. Акад. Наук.
- Сырица, Г.С. (2009). *Семантика невыразимого как этнокультурный феномен*. В: *Славянские языки и культуры в современном мире*. Международный научный симпозиум (294–295). Москва: МАКС Пресс.
- Толковый словарь русского языка*. В 4 т. (1996). Т. 2. Д. Ушаков (ред.). Москва: ТЕРРА.

- Apresyan, Yu.D. (1969). *Sinonimiya i sinonimy*, Voprosy yazykoznanija, 4, 75–91.
- Arkhipova, N.G. (2016). *Sochetaemost' kak sredstvo opredeleniya leksicheskogo znacheniya dialektного слова: na materiale mnogoznаchnого prilagatel'ного «parnoi» v govorakh staroobryadtsev Amurskoi oblasti*, Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika, 2 (3), 5–14.
- Avina, N.Yu. (2012). *Transformatsiya sochetaemosti slov v aspekte kul'tury rechi: regional'nye osobennosti*, Voprosy kul'tury rechi, 11, 284–289.

- Baranov, A.N. (2012). *Sochetaemost' slov i «slabaya semantika»*, *Voprosy kul'tury rechi*, 11, 167–178.
- Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. (1998). S.A. Kuznetsov (sost. i gl. red.). St. Petersburg: Norint.
- Dal', V.I. (1881). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka*. T. 2. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa.
- Golub, I.B. (2005). *Russkii yazyk i kul'tura rechi*. Moscow: Logos.
- Gorbachevich, K.S. (2002). *Slovar' epitetov russkogo literaturnogo yazyka*. St. Petersburg: Norint.
- Ivanyan, E.P. (2015). *Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke*. Moscow: FLINTA.
- Kotelova, N.Z. (2015). *Leksicheskaya sochetaemost' slova v slovare. Izbrannye raboty* (90–106). St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Mikhailova, M.Yu. (2020). *Semantika nevyrazimogo v yazyke i rechi*. Moscow: FLINTA; Samara: SGSPU.
- Ozhegov, S.I. (1972). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Sov. Entsiklopediya.
- Skvortsov, L.I. (2011). *Bol'shoi tolkovyi slovar' pravil'noi russkoi rechi*. Moscow: Mir i obrazovanie.
- Slovar' russkogo yazyka*. V 4-kh t. (1986). T. 2. A.P. Evgen'eva (red.). Moscow: Russkii yazyk.
- Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka*. (1983). P.N. Denisov, V.V. Morkovkin (red.). 2-e izd., ispr. Moscow: Russkii yazyk.
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. (1958). T. 7. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.
- Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym Otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk*. (1847). T. 2. St. Petersburg: Tip. Imperat. Akad. Nauk.
- Syritsa, G.S. (2009). *Semantika nevyrazimogo kak etnokul'turnyi fenomen. V: Slavyanskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire. Mezhdunarodnyi nauchnyi simpozium* (294–295). Moscow: MAKS Press.
- Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. V 4 t. (1996). T. 2. D. Ushakov (red.). Moscow: TERRA.
- Vlavatskaya, M.V. (2010). *Tipy konteksta i ponyatie sochetaemosti*, *Yazyk i natsional'noe soznanie*, 14, 14–26.
- Vlavatskaya, M.V. (2013). *Klassifikatsiya tipov sochetaemosti po kolichestvu sochetayushchikhsya slov*, *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 1 (19), 43–47.
- Zadorozhneva, E.V. (2007). *Sochetaemost' komponentov antonimo-sinonimicheskikh blokov (na materiale sushchestvitel'nykh, prilagatel'nykh, narechii russkogo yazyka)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Volgograd.

Кристияна Симеонова (Kristiyana Simeonova)

 <http://orcid.org/0000-0002-9161-853X>

Институт болгарского языка

Болгарская академия наук

София 1113,

бул. Шипченски проход 52, бл. 17

krisil@mail.bg

**О некоторых особенностях формальной структуры
терминов-словосочетаний из области экологии
и охраны окружающей среды
в современном болгарском и русском языках**

**On Some Peculiarities in the Formal Structure of Word Combinations
in the Field of Ecology and Environmental Protection
in the Modern Bulgarian and Russian Languages**

Резюме

Целью данной статьи является рассмотрение формальной структуры терминов-словосочетаний в области экологии в современном болгарском и русском языках. Этот вопрос очень важен для создания точной лингвистической формы терминов. Рассмотрены их формальная структура и синтаксическая связь между компонентами, представлены некоторые базовые формально-структурные модели, в соответствии с которыми можно сделать ряд выводов о лингвистической форме словосочетаний-терминов в двух языках. Основных выводов в основном три. 1. В обоих языках количество терминов-словосочетаний очень велико. Поэтому вопросы об их лингвистических особенностях, их формировании и функционировании в языке все чаще привлекают внимание термиологов и в Болгарии, и в России. 2. Количественно в русском языке беспредложных словосочетаний больше, чем в болгарском. Это связано с тем, что русский – синтетический язык с хорошо развитой падежной системой, а болгарский – аналитический язык, в котором нет падежной системы. На подобные падежные конструкции в болгарском языке указывают предлоги. 3. Многокомпонентные словосочетания с предлогом или без него в болгарском и в русском языках отличаются относительно большой длиной формы. Слишком длинная форма значительно усложняет общение и делает предложения, в которых используются эти термины, слишком

расплывчатыми. Однако к сокращению нужно подходить очень осторожно, учитывая полноту и точность информации. Цель данного исследования объективно подразумевает применение синхронного подхода, который изучает и описывает определенные языковые явления только в конкретный период их существования (в данном случае – современный период). Основной используемый метод – сопоставительный анализ. Рассмотрение терминов из области экологии имеет актуальность, ведь экологические проблемы являются одной из глобальных проблем человечества, и они привлекают внимание обществ Болгарии и России.

Ключевые слова: экология, терминология, словосочетание, формально-структурная модель, сравнительное терминоведение.

Summary

The purpose of this article is to consider the formal structure of terms from the field of ecology in the modern Bulgarian and Russian languages. This question is very important for creating an accurate linguistic form of terms. Their formal structure and syntactic relationship between their components are considered, and some basic formal structural models are presented, according to which it is possible to draw a number of conclusions about the linguistic form of combinations of terms in the two languages. There are basically three main conclusions: 1. In both languages, the number of ecological terms is very large. Therefore, questions about their linguistic features, their formation and functioning in the language are increasingly attracting the attention of terminologists both in Bulgaria and in Russia. 2. Quantitatively, there are more non-prepositional phrases in Russian than in Bulgarian. This is due to the fact that Russian is a synthetic language with a well-developed case system, while Bulgarian is an analytical language that does not have a case system. Case constructions in Russian are usually replaced by prepositions in Bulgarian. 3. Multi-component phrases with or without a preposition in Bulgarian and Russian differ in a relatively long form. Too long a form makes communication much more difficult and makes sentences using these terms too long and vague. However, any reductions should be approached very carefully, given the completeness and accuracy of the information. The purpose of this study objectively implies the use of a synchronous approach that studies and describes certain linguistic phenomena only in a certain specific period of their existence (in this case, the modern period). The main method used is the method of comparative analysis. The consideration of terms in the field of ecology is very important because environmental problems are one of the global concerns of mankind, and they are increasingly attracting public attention in Bulgaria and Russia.

Keywords: ecology, terminology, word combination, formal-structural model, comparative terminology.

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестным является факт, что язык как общественное явление не может оставаться равнодушным и незатронутым тем, что происходит в жизни общества. Наоборот! Язык в своем развитии чутко реагирует на мельчайшие изменения, которые происходят при познании человеком ма-

териального и духовного мира, и сразу фиксирует их в словарном составе. Это также относится к терминологической лексике, связанной с экологией. Человек взаимодействовал с окружающей средой и, видимо, влиял на природу с очень давних времен. Однако экология – наука относительно юная, но интенсивно развивающаяся, потому что она имеет большое народохозяйственное значение и касается отношений к охране природы. Значительное загрязнение окружающей среды, почв, вод и воздуха, изменение климата, вырубка лесов и сокращение лесных территорий, оскудение биоразнообразия и уничтожение большого числа видов растений и животных, вредные химические выбросы в атмосферу – все это проблемы, о которых все чаще говорят в Болгарии и в России и которые волнуют как болгарское, так и российское общество. Даже человечество в целом все больше внимания уделяет экологическим проблемам. Все это определяет стремительный рост как болгарской, так и русской терминологии в области экологии. В этой статье мы остановимся только на терминологических словосочетаниях из этой области.

Количество терминов-словосочетаний сегодня в самых разных областях знаний огромно. Поэтому вопрос об их языковых особенностях и способах их образования и функционирования все больше привлекает внимание термиологов. Термины-словосочетания представляют собой соединения двух, трех или более полных слов и представляют семантическое, грамматическое и именное единство. С одной стороны, словосочетания состоят из отдельных слов, каждое из которых сохраняет свою лексико-грамматическую и лексико-семантическую независимость, поэтому вся комбинация имеет значение, вытекающее из значения отдельных слов и взаимосвязи между ними. С другой стороны, вся фраза как единое целое становится названием одного понятия из научной или профессиональной области и имеет другое значение, которое дается научным определением. Термины-словосочетания имеют постоянный лексический состав и постоянный порядок слов, а также различные синтаксические и структурно-позиционные модели. В этой статье предпринята попытка рассмотреть формальную структуру терминов-словосочетаний в области экологии и охраны окружающей среды в болгарском и в русском языках отдельно, т.е. вне зависимости от ее взаимосвязи с соответствующей понятийной структурой. Я сосредоточусь на некоторых формально-структурных моделях, с помощью которых можно сделать ряд выводов о лингвистической форме терминов-словосочетаний. Здесь я использую классификационную схему этих моделей, созданную и детально разработанную Марией Поповой в ее книге *Термины словосочетания* (Попова, 1985). Под *формально-структурной моделью словосочетаний* понимается схема их составных элементов без включения их лексического значения.

ТЕРМИНЫ-СЛОВСОЧЕТАНИЯ БЕЗ ПРЕДЛОГА

В этой группе встречаются очень разнообразные структурно-позиционные модели. Наиболее часто используемые как в болгарском, так и в русском языках следующие:

– термины-словосочетания с формальной структурой, которая включает простое прилагательное и простое существительное. Здесь компоненты организованы по модели *главный член-существительное + зависимый член-прилагательное*. Вот несколько примеров бълг.: *ветрова ерозия, глобално затопляне, екологичен мониторинг, екологична катастрофа, климатични фактори, озонова дупка, влагов дефицит, червена книга, национален парк, парников ефект, рекреационно планиране, устойчиво развитие* и др.; рус.: *ветровая эрозия, глобальное потепление, экологический мониторинг, экологическая катастрофа, климатические факторы, озоновая дыра, влаговый дефицит, красная книга, национальный парк, парниковый эффект, рекреационное планирование, устойчивое развитие* и др.

– термины-словосочетания с формальной структурой, которая включает простое прилагательное и сложное существительное. Напр. бълг.: *екологично земеделие, екологично животновъдство, естествено почвообразуване, изкуствено влагозареждане, промишлено водопотребление, рационално природоползване* и др.; рус.: *экологическое земледелие, экологическое животноводство, естественное почвообразование, искусственная влагозарядка, промышленное водопотребление, рациональное природопользование* и др.

– термины словосочетания с формальной структурой, которая включает сложное прилагательное (или причастие) и простое существительное. Напр. бълг.: *антропогенно замърсяване, брегоукрепваща растителност, почвоукрепващи насаждения, геотермални води, геотермална енергия, екологообосновано производство, екологосъобразна дейност, водоохраняема зона, малоотпадъчно производство, пределнодопустима концентрация, сладководни биом, соленоводни биом, биоразградими отпадъци, радиоактивни отпадъци, хидроенергийни ресурси, саморегулираща се система, радиоэкологичен индикатор* и др.; рус.: *антропогенное загрязнение, берегоукрепляющая растительность, почвоукрепляющие насаждения, геотермальные воды, геотермальная энергия, экологообоснованное производство, водоохранная зона, малоотходное производство, предельно-допустимая концентрация, пресноводные биомы, соленоводные биомы, биоразлагаемые отходы, радиоактивные отходы, гидроэнергетические ресурсы, саморегулирующаяся система, радиоэкологический индикатор* и др. Как термины-элементы и в болгарском, и в русском языке сегодня сложные прилагательные и причастия являются очень активной категорией, демонстрирующей тен-

денцию ко все большему распространению. Их использование может быть рекомендовано для получения более короткой формы словосочетаний терминов с учетом количества их компонентов.

– термины-словосочетания с формальной структурой, которая включает сложное прилагательное и сложное существительное. Напр. бълг.: *природозащитно законодателство, противоэрозионни мероприятия, екологообоснован светоглед, високодобивно биопроизводство* и др.; рус.: *природозащитное законодательство, противоэрозионные мероприятия, экологообоснованное мировоззрение, высокоурожайное биопроизводство* и др.

Кроме двухкомпонентных существует ряд трехкомпонентных и многокомпонентных словосочетаний, в которых основными структурно-позиционными моделями являются:

– термины-словосочетания с формальной структурой, которая включает простое прилагательное + простое прилагательное + простое существительное. Напр. бълг.: *абиотични екологични фактори, антропогенни екологични фактори, биологични природни рискове, възобновяеми (и съответно невъзобновяеми) енергийни източници, глобални екологични проблеми, естествен радиационен фон, оптимален температурен диапазон, периодични популационни вълни, водни екологични системи* и др.; рус.: *абиотические экологические факторы, антропогенные экологические факторы, биологические природные риски, возобновляемые (и невозобновляемые) энергетические источники, глобальные экологические проблемы, естественный радиационный фон, оптимальный температурный диапазон, периодические популяционные волны, водные экологические системы* и др.

– термины-словосочетания с формальной структурой, которая включает сложное прилагательное + простое прилагательное + простое существительное. Напр. бълг.: *международни екологични програми, сухоземни екологични системи, многогодишни замръзнали почви* и др.; рус.: *международные экологические программы, сухоземные экологические системы, многолетние замороженные почвы* и др.

– термины-словосочетания с формальной структурой, которая включает простое прилагательное + сложное прилагательное + простое существительное. Напр. бълг.: *екологични почвоукрепващи мероприятия, ефективни агротехнически методи, основна водосборна област, мелиоративни селскостопански дейности* и др.; рус.: *экологические почвоукрепляющие мероприятия, эффективные агротехнические приемы, основная водосборная область, мелиоративные сельскохозяйственные деятельности* и др.

– термины-словосочетания с формальной структурой, которая включает сложное прилагательное + сложное прилагательное + существительное. Напр. бълг.: *антроподинамични биоценозни промени, ендеогенни релефообразуващи процеси, трудово-кооперативно земеделско стопанство, високодобивно селскостопанско производство* и др.; рус.: *антроподинамические*

биоценозные изменения, эндогенные рельефообразующие процессы, высокоурожайное сельскохозяйственное производство и др.

– термины-словосочетания с формальной структурой, включающей более трех компонентов. Напр. бълг.: *зоогенни биотични екологични фактори, фитогенни биотични екологични фактори, основни противоерозионни почвоукрепващи дейности* и др.; рус.: *зоогенные биотические экологические факторы, фитогенные биотические экологические факторы, основные противоэрозионные почвоукрепляющие деятельности* и др. Многокомпонентные словосочетания коммуникативно неудобны из-за относительно большой длины формы.

ТЕРМИНЫ-СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ПРЕДЛОГАМИ

Термины-словосочетания с предлогами также довольно часто встречаются в современной экологической терминологии. Они интересны не только с лексико-грамматической точки зрения, т.е. по составу и структуре их формы, но и с синтаксико-семантической позиции, т.е. по соотношению между синтаксическими элементами, входящими в словосочетание, и предлогом, выражающим отношения между ними. Наиболее распространенными структурно-позиционными моделями с предлогами в болгарском языке являются:

– термины-словосочетания с формальной структурой, которая включает имя существительное + предлог + имя существительное. Их количество велико. Вот несколько примеров бълг.: *авторегулация на екосистемите, деструкция на екосистемите, адаптация на организмите, обезвреждане на отпадъци, пречистване на води* (и съответно *на въздуха, на почвите*), *кръговрат на водата, депониране на отпадъци, динамика на популацията, загуба на биоразнообразието, криза на екосистемата, замърсяване на атмосферата* (и съответно *на водата, на почвите*), *защита на природата, изменение на ландшафта, интензитет на замърсяване, ерозия на почвите, мелиорация на почвите, минимизиране на отпадъците, екологизация на производството* и др. Этим предложным конструкциям в большинстве случаев в русском языке соответствуют беспредложные словосочетания: *авторегуляция экосистем, деструкция экосистем, адаптация организмов, обезвреживание отходов, очистка вод, круговорот воды, динамика популяции, утрата биоразнообразия, охрана природы, изменение ландшафта, интенсивность загрязнения, эрозия почв, мелиорация почв, екологизация производства* и др. В русском языке также есть синонимия между словосочетанием с согласованным определением и существительным в родительном падеже. Напр.: *почвенная эрозия* и *эрозия почв, почвенное загрязнение* и *загрязне-*

ние почв, видовая устойчивость и устойчивость видов, водный круговорот и круговорот воды и др. В русском языке реже встречаются словосочетания двух существительных, связанных с предлогом. Напр.: *антагонизм в биоценозах, борьба с эрозией, воздействие на климат, ущерб от загрязнений* и др.

– термины-словосочетания с формальной структурой, которая включает существительное + предлог + прилагательное + существительное. Напр.: *опазване на околната среда, замърсяване на околната среда, ограниченост на водните ресурси, авторегулация на природната система, баланс на екологическите компоненти, крива на екологичната толерантност, граници на екологичната толерантност, екология на природните съобщества, управление на околната среда, изтощаване на природните ресурси, възпроизводство на природните ресурси* и др. И здесь в русском языке словосочетания в основном беспредложные: *охрана окружающей среды, загрязнение окружающей среды, ограниченность водных ресурсов, авторегулация (и саморегулирование) природной системы, экология природных сообществ, истощение природных ресурсов, воспроизводство природных ресурсов* и др.

– термины словосочетания с формальной структурой, которая включает прилагательное + существительное + предлог + существительное. Напр.: *антропогенно изменение на климата, циклични изменения в екосистемите, антропогенно пречистване на води, изкуствено възстановяване на гори, видов състав на биоценозата, биологична активност на почвата, противоэрозионна обработка на почвата, физично (и съответно химично) изветряване на скалите, биологично разнообразие на земята, екологична отговорност на бизнеса, глобални проблеми на екологията* и др.: рус.: здесь словосочетания беспредложные *антропогенное изменение климата, циклические изменения в экосистемах, антропогенная очистка воды, искусственное восстановление леса, видовой состав биоценоза, биологическая активность почвы, противоэрозионная обработка почвы, экологическая ответственность бизнеса, глобальные экологические проблемы* и др.

– многокомпонентные словосочетания, которые в болгарском языке имеют предлоги и включают более двух существительных или прилагательных. Напр.: *антропогенно замърсяване на околната среда, изкуствено възстановяване на природни ресурси, биологичен контрол на нефтени разливи, периодични колебания в числеността на популациите, регулиране на числеността на популациите, условия за съществуване на организмите, рекултивация за подобряване на ландшафта, зелено предприемачество за устойчиво развитие, методи за изследване в екологията, охрана на въздуха, почвите и водите, световна стратегия за опазване на природата, комплексни мерки за опазване на околната среда* и др.; рус.: большинство словосочетаний беспредложные *антропогенное загрязнение окружающей среды, искусственное восстановление природных ресурсов, биологический контроль разливов нефти, периодические колебания численности популя-*

ции, регулирование численности популяции, условия существования организмов, зеленое предпринимательство для устойчивого развития, методы исследования в области экологии, защита воздуха, почвы и воды, глобальная стратегия сохранения природы, комплексные меры по охране окружающей среды и др.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. В обоих языках количество терминов, относящихся к области словосочетаний очень велико. В.П. Даниленко пишет:

Термины словосочетания по количеству занимают одно из первых мест почти в любой отраслевой терминологии. Этот традиционный способ создания специальных наименований в словообразовании современной русской терминологической лексики также занимает ведущее место. Терминам словосочетаниям отдается предпочтение в силу того, что они способны с наибольшей полнотой отразить необходимые отличительные признаки именуемого понятия (Даниленко, 1977, 131–132).

Поэтому вопросы об их лингвистических особенностях, формировании и функционировании в языке, а также поиск и установление их оптимальной лингвистической формы все чаще привлекают внимание терминоведов и в Болгарии, и в России.

2. Количественно в русском языке беспредложных словосочетаний больше, чем в болгарском. Это связано с тем, что русский язык – синтетический язык с хорошо развитой падежной системой, а болгарский – аналитический язык, в котором нет падежной системы. Падежные конструкции в русском языке обычно заменяются предлогами в болгарском языке.

3. Многокомпонентные словосочетания с предлогом или без него в болгарском и в русском языках отличаются относительно большой длиной формы. Слишком длинная форма значительно усложняет общение и делает предложения, в которых используются эти термины, расплывчатыми. Однако к сокращению нужно подходить очень осторожно, учитывая полноту и точность информации. Часто полная форма исчерпывающе, наиболее точно и всесторонне отражает все характеристики концепции. По мнению многих специалистов, сокращение формы оправданно с точки зрения коммуникативного удобства.

4. Сопоставительные исследования языков занимают важное место в современном языкознании. Повышенный интерес к сопоставительной лингвистике объясняется не только ее причастностью к решению собственно теоретических проблем отдельных языков, но и тем, что полученные в процессе сопоставительного анализа результаты имеют важное прикладное значение. Сопоставительная лингвистика может аргументированно показать как сходства, так и различия в языках, а возможно, и в культуре народов. Сравнительные терминологические исследования являются важной частью современной терминологии, потому что они предлагают нам красочную палитру

многих любопытных и нерешенных проблем. Эти проблемы открыты для будущих изысканий, с помощью которых исследовательская картина представленных лингвистических направлений может постоянно дополняться и обогащаться.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Богоев, В., Кенарова, А. (2009). *Основи на екологията*. София: Пенсофт.
- Быков, Б.А. (1988). *Экологический словарь*. Алма-Ата: Наука КазССР.
- Грацианский, А.Н. (1982). *Указатель терминов и сокращений по охране окружающей среды: на русском и английском языках*. Москва: ИНФОРМОС.
- Даниленко, В.П. (1977). *Русская терминология*. Москва: Наука.
- Дедю, И.И. (1989). *Экологический энциклопедический словарь*. Кишинев: Гл. ред. МСЭ.
- Ибрагимова, К.К., Рахимов, И.И., Зиятдинова, А.И. (2012). *Словарь-справочник терминов по экологии и охране природы. Учебное пособие*. Казань: Отечество.
- Киров, Д. (2011). *Инженерна екология*. София: Техника.
- Крысин, Л.П. (2009). *Толковый словарь иноязычных слов*. Москва: Эксмо.
- Кътов, А., Костова, З. (1984). *Речник по екология и опазване на околната среда*. София: Партиздат.
- Лейчик, В.М. (2009). *Терминоведение. Предмет, методы, структура*. Москва: URSS.
- Мельников, Г.П. (2014). *Основы терминоведения*. Москва: Ленанд.
- Пернишка Ем. (ред.). (2007). *Речник на чуждите думи в българския език*. София: Наука и изкуство.
- Попова, М. (1985). *Термини словосъчетания*. София: БАН.
- Попова, М. (2012). *Теория на терминологията*. Велико Търново: Знак 94.
- Речник на българския език. Многократно издание на Института за български език*. Т. 1, 2001, Т. 2., 2002, Т. 4, 2012, Т. 15, 2015. София: Академично издателство Проф. М. Дринов.
- Сложеникина, Ю.В. (2018). *Основы терминологии. Лингвистические аспекты теории термина*. Москва: Либроком.
- Типова, Н. (2018). *Учебно помагало по екология и устойчиво развитие*. София: УНСС.
- Федорова, Т.Л. (2013). *Современный словарь иностранных слов*. Москва: ЛадКом.
- Хомич, В.А., Плешакова, О.В., Эмралиева, С.А., Корниенко, О.И. (2012). *Основные термины и понятия экологии*. Омск: СибАДИ.
- Чипев, Н., Бъчварова, Д. (2014). *Екология и опазване на околната среда (лекционни бележки)*. Шумен: Шуменски университет.
- Шадже, А.Е., Сиротюк, Э.А., Шадже, А.И. (2016). *Словарь терминов по экологии*. Майкоп: ФГБОУ ВО, МГТУ.

- Bogoev, V., Kenarova, A. (2009). *Osnovi na ekologiyata*. Sofiya: Pensoft.
- Bykov, B.A. (1988). *Ekologicheskii slovar*. Alma-Ata: Nauka KazSSR.
- Chipev, N., B'chvarova, D. (2014). *Ekologiya i opazvane na okolnata sreda (lektioni belezhki)*. Shumen: Shumenski universitet.
- Danilenko, V.P. (1977). *Russkaya terminologiya*. Moscow: Nauka.

- Dedyu, I.I. (1989). *Ekologicheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Kishinev: Gl. red. MSE.
- Fedorova, T.L. (2013). *Sovremennyi slovar' inostrannykh slov*. Moscow: LadKom.
- Gratsianskii, A.N. (1982). *Ukazatel' terminov i sokrashchenii po okhrane okruzhayushchei sredy: na russkom i angliiskom yazykakh*. Moscow: INFORMOOS.
- Ibragimova, K.K., Rakhimov, I.I., Ziyatdinova, A.I. (2012). *Slovar'-spravochnik terminov po ekologii i okhrane prirody. Uchebnoe posobie*. Kazan: Otechestvo.
- Khomich, V.A., Pleshakova, O.V., Emralieva, S.A., Kornienko, O.I. (2012). *Osnovnye terminy i ponyatiya ekologii*. Omsk: SibADI.
- Kirov, D. (2011). *Inzhenerna ekologiya*. Sofiya: Tekhnika.
- Krysin, L.P. (2009). *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov*. Moscow: Eksmo.
- K"tov, A., Kostova, Z. (1984). *Rechnik po ekologiya i opazvane na okolnata sreda*. Sofiya: Partizdat.
- Leichik, V.M. (2009). *Terminovedenie. Predmet, metody, struktura*. Moscow: URSS.
- Mel'nikov, G.P. (2014). *Osnovy terminovedeniya*. Moscow: Lenand.
- Pernishka Em. (red.). (2007). *Rechnik na chuzhdite dumi v b"lgarskiya ezik*. Sofiya: Nauka i izkustvo.
- Popova, M. (1985). *Termini slovo"chetaniya*. Sofiya: BAN.
- Popova, M. (2012). *Teoriya na terminologiyata*. Veliko T"rnovo: Znak 94.
- Rechnik na b"lgarskiya ezik. Mnogotomno izdanie na Instituta za b"lgarski ezik*. T. 1, 2001, T. 2., 2002, T. 4, 2012, T. 15, 2015. Sofiya: Akademichno izdatelstvo Prof. M. Drinov.
- Shadzhe, A.E., Sirotyuk, E.A., Shadzhe, A.I. (2016). *Slovar' terminov po ekologii*. Maikop: FGBOU VO, MGTU.
- Slozhenikina, Yu.V. (2018). *Osnovy terminologii. Lingvisticheskie aspekty teorii termina*. Moscow: Librokom.
- Tipova, N. (2018). *Uchebno pomagalo po ekologiya i ustoichivo razvitie*. Sofiya: UNSS.

Евгений Стефанский (Evgenii Stefanskii)

 <https://orcid.org/0000-0001-5100-1116>
estefanski@rambler.ru

**Об этимологических и семантических
соответствиях русской лексемы *гордость*
в славянских языках**

**On Etymological and Semantic Correspondences
of the Russian Lexeme *Гордость* “Pride” in Slavonic Languages**

Резюме

В статье анализируется славянская лексика, обозначающая ‘гордость’. При этом, с одной стороны, рассматриваются лексемы, передающие данное понятие в разных славянских языках, и их ценностные характеристики. С другой – анализируются семантические процессы, которые привели к тому, что слова, восходящие к праславянскому корню *grd-, в ряде славянских языков изменили свое значение.

Материал для исследования собирался на основе параллельных текстов (оригиналов и переводов) и национальных корпусов славянских языков. Применялись сопоставительный, сравнительно-исторический, системно-структурный методы.

Анализ показал, что только русский и болгарский литературные языки не развили энантиосемию корня *grd-. В западнославянских языках энантиосемия корня *grd- развилась в сторону семантики презрения, однако данный корень активно продолжает использоваться для обозначения позитивной гордости. Одновременно для передачи негативной гордости в этих языках употребляется корень *ruch-. Украинский и белорусский языки развили аналогичную западнославянским языкам энантиосемию и получили в качестве центрального средства обозначения негативной гордости корень *ruch-, но сохранили, как в русском языке, корень *grd- для передачи как негативной, так и позитивной гордости. Сербский, хорватский и словенский языки развили энантиосемию корня *grd- в сторону значения ‘уродливый’, для обозначения положительной гордости в них используется лексема *ponos* и ее дериваты, негативная гордость выражается с помощью заимствованного из русского корня *-gorđ-*.

Ключевые слова: славянские языки, этимология, аксиология, энантиосемия.

Summary

The article analyses the Slavic vocabulary denoting “pride”. The author examines lexemes that convey this notion in different Slavonic languages along with their value characteristics; next, the author looks at the semantic processes which caused the words ascending to the Proto-Slavic root *grd- to change their meaning in a number of Slavic languages.

The material for the study was collected from parallel texts (originals and translations) and national corpora of Slavic languages. Comparative, comparative-historical, and system-structural methods were used.

The analysis showed that only in the Russian and Bulgarian literary languages the root *grd- did not develop enantiosemey. In West Slavonic languages, the enantiosemey of the root *grd- has developed towards the semantics of disdain, but this root continues to be actively used to denote positive pride. At the same time, the root *pych- is used in these languages to convey negative pride. Ukrainian and Belarusian languages have developed an enantiosemey similar to West Slavic languages and adopted the root *pych- as a central means of denoting negative pride, but retained, as in Russian, the root *grd- to convey both negative and positive pride. The Serbian, Croatian and Slovene languages have developed the enantiosemey of the root *grd- towards the meaning of “ugly”; they use the lexeme *ponos* and its derivatives to indicate positive pride; negative pride is expressed using the root borrowed from Russian -*gord-*.

Keywords: Slavonic languages, etymology, axiology, enantiosemey.

В 2015–2017 годах в Люблине под редакцией профессора Ежи Бартоминьского вышел пятитомный *Аксиологический лексикон славян и их соседей*, в котором анализируются такие базовые для европейцев концепты, как ДОМ, ЕВРОПА, ТРУД, СВОБОДА, ЧЕСТЬ. Рассматривая в пятом томе концепт ЧЕСТЬ (польск. HONOR), авторы считают его основой славянского и европейского канона ценностей. А среди лексем, в которых данный концепт находит свое языковое выражение, наряду со словами, обозначающими в разных языках ‘честь’, называют лексемы со значением ‘достоинство’ и ‘гордость’ (Sotirov, 2017, 19; Grzeszczak, 2017, 122).

Именно лексика, обозначающая ‘гордость’, будет предметом анализа в настоящей статье. При этом, с одной стороны, будут рассмотрены лексемы, передающие данное понятие в разных славянских языках, и их ценностные характеристики. С другой – будут проанализированы семантические процессы, которые привели к тому, что слова, восходящие к праславянскому корню *grd-, в ряде славянских языков изменили свое значение.

В современном русском языке существительное *гордость* и прилагательное *гордый* имеют по 4 значения, при этом по 3 из них имеют позитивную ценностную характеристику. И лишь четвертое, имеющее помету *разговорное*, несет негативную оценочность. Ср.:

Гордость

1. Чувство собственного достоинства;
2. Чувство удовлетворения от достигнутых кем-л. успехов;
3. О том, кем гордятся;
4. *разг.* Высокомерие, надменность.
(БАС, III, 238–239)

Гордый

1. Обладающий чувством собственного достоинства;
2. Испытывающий чувство удовлетворения от достигнутых в чем-л. успехов;
3. Выражающий гордость;
4. *разг.* Высокомерный, надменный.
(БАС, III, 239)

Еще одна пара существительного и прилагательного – *горделивый* – *горделивость* – передает внешние проявления гордости, чаще оцениваемые негативно. Такая же негативная оценочность у слов со значением лица *гордец* и *гордячка*.

Глагол *гордиться* может иметь как положительную оценочность (если гордость направлена на достижения других), так и отрицательную (если гордость проявляется внешне и направлена на демонстрацию собственного превосходства).

В западнославянских языках, а под влиянием польского также в белорусском и украинском, наблюдается процесс энантиосемии: ряд континуантов праславянского корня *gr̥d- развили противоположное значение – ‘презрение, пренебрежение’.

Семантический механизм таких изменений заключается в том, что данный корень развил значение ‘чрезмерная гордость, высокомерие’ и через эту ступень получил семантику ‘презрение, пренебрежение, брезгливость’. См., например, контексты, где гордость перерастает в презрение¹:

Русский язык	Другие славянские языки
После вспышки уязвленной <i>гордости</i> царевич почувствовал <i>презрение</i> к этой толпе, которая так быстро переходит от восторга к своей будничной работе, к журавлям, черпающим грязную воду.	Польск. Po wybuchu dumy uczuł pogardę dla tłumu, który tak prędko przechodzi od zapału do żurawi czerpiących błoto. (Prus) (ПРиППК)
Самым решительным противником демократии среди греческих мыслителей был Гераклит, уроженец Эфеса, известный своим выводом, что «все течет». Он был очень <i>гордым</i> и <i>презрительным</i> и из-за неприязни к людям даже добровольно удалился, чтобы жить в горах, где ел корни и траву.	Словацк. Najzásadnejším odporcom demokracie spomedzi gréckych mysliteľov bol efezský rodák Herakleitos, známy tiež výrokom: „Všetko plynie”. Sám bol veľmi <i>pyšný</i> a <i>pohrdavý</i> a z nechuti k ľuďom sa dokonca dobrovoľne odobral žiť do hôr, kde sa živil korenkami a trávou. (Luboš Blaha. <i>Slovo</i>) (SNK)

¹ Языковой материал собирался с помощью параллельных текстов, а также национальных корпусов славянских языков (см. библиографию). В процессе работы над настоящим исследованием коллеги из славянских стран Р. Божич, С. Гирняк, Н. Кохнович, М. Кувеклович, В. Макошка, И. Цинтула оказали помощь в подборе источников и дали ценные консультации, а один из создателей Корпуса современного сербского языка (SrpKor) Милош Утвич предоставил возможность использования Корпуса. Всем им автор хотел бы выразить искреннюю благодарность за сотрудничество.

Русский язык	Другие славянские языки
Он робко глянул на Авдотью Романовну; но и в этом <i>надменном</i> лице было в эту минуту <...>, такое полное и неожиданное им уважение (вместо насмешливых-то взглядов и невольного, худо скрываемого <i>презрения!</i>), что ему уж, право, было бы легче, если бы встретили бранью. (Достоевский. <i>Преступление и наказание</i>)	Укр. Він несміло глянув на Евдокію Романівну; але і в отсім <i>гордім</i> лиці було в отсю хвилину <...> таке повне і несподіване ним поважання (замість на-смішливих поглядів і мимовільної, лихо укритої <i>погорди!</i>), що йому вже дійсно було би легше, колиб стрітили докорами.
Мир разделялся на две неравные части: одна – меньшая – офицерство, которое окружает честь, сила, власть, волшебное достоинство мундира и вместе с мундиром почему-то и патентованная храбрость, и физическая сила, и <i>высокомерная гордость</i> ; другая – огромная и безличная – штатские, иначе шпаки, штафирки и рябчики; их <i>презирали</i> . (Куприн. <i>Поединок</i>)	Белорус. Свет падзяляўся на дзве няроўныя часткі: адна – меншая – афіцэрсства, якое акружаюць пашана, сіла, улада, чароўны гонар мундзіра і разам з мундзірам чамусьці і патэнтаваная храбрасць, і фізічная сіла, і <i>фанабэрыстая гордасць</i> ; другая – вялізная і безаблічная – цывільныя ці шпакі, штафіркі і рабчыкі; імі <i>пагарджалі</i> .

Аналогичное изменение семантики зафиксировал в русских говорах и В.И. Даль. Так, глагол *гордовать* имеет значение ‘брезгать, небрежь, гнушаться, презирать’ (Даль, I, 378).

Одновременно в анализируемых языках континуанты корня *grd- сохраняют значение гордости. При этом в чешском, словацком и украинском языках они являются центральным средством выражения данной семантики.

См., например, параллельные тексты оригинала и переводов из *Повестей Белкина* А.С. Пушкина:

Русский язык	Словацкий язык	Чешский язык
С каким едиனுшием мы соединяли чувства народной <i>гордости</i> и любви к государю!	Ako jednotseľne sme spájali národnú <i>hrdosť</i> a láskou k cárovi.	S jakou jednomyslností jsme spojovali city národní <i>hrdosti</i> s laskou k říši.
Вообще его [Берестова] любили, хотя и почитали <i>гордым</i> .	Vcelku ho mali radi, i keď ho pokladali za <i>hrdého</i> .	Všeobecně ho měli rádi, ač ho pokládali za <i>hrdého</i> .
Подъезжая к лесу, увидел он соседа своего, <i>гордо</i> сидящего верхом.	Keď sa priblížil k lesu, zbadal svojho suseda, ako <i>hrdo</i> sediac na koni.	Přijížděje k lesu, spatřil svého souseďa, sedícího <i>hrdě</i> na koni.

В польском и белорусском языках центральными средствами выражения гордости стали лексемы с другим корнем.

Так, в польском языке им стали слова с корнем *-dum-*, который имеется, в частности, в русском глаголе *думать*. По мнению польского этимолога В. Борыся, значение ‘гордость’ у польского *duma* возникло из семантики размышления, высокого мнения о себе (Boryś, 132). Помимо субстантива *duma*, в современном польском языке имеются также прилагательное *dumny* ‘гордый’ и наречие *dumnie* ‘гордо’. Все слова с данным корнем могут употребляться как с положительной, так и с отрицательной оценочностью.

Кроме того, в польском языке есть еще целое словообразовательное гнездо континуантов праславянского **grd-*, где произошла замена звука [g] на [h]. Лингвисты считают это либо признаком заимствования из чешского языка (ср. чешск. *hrdý* ‘гордый’), либо признаком диалектного (южнопольского) происхождения (Boryś, 192; Черных, I, 204). Это глагол (*z*)*hardzieć* ‘стать / становиться гордым’, прилагательное *hardy* ‘гордый, надменный, дерзкий’, наречие *hardo* ‘гордо, дерзко’, субстантив *hardość* ‘гордость, высокомерие, тщеславие’. А. Баньковский подчеркивает, что эти слова были особенно частотными, модными и экспрессивными в польской литературе второй половины XVI века. Их экспрессивный оттенок сохранился в более поздние эпохи (Bańkowski, I, 410). Показательно, что и в произведениях XIX – XX вв. эти слова употребляются в очень экспрессивных контекстах. См., например:

Польский язык	Русский язык
– Takeś <i>zhardził</i> pomiędzy waszą parszywą szlachtą, że o mnie już nie dbasz. (Prus)	– Ты так <i>загордился</i> , якаясь с вашей паршивой шляхтой, что до меня тебе уж дела нет.
Mama umarła. Wtedy pogrzeb; rozmawiałem różniej z Lusią, odgrywałem <i>hardego</i> , powiedziałem, że mieszkanie mam, że <i>nie będę się</i> o kwaterunek <i>handryczył</i> i że w ogóle nic nie chcę. (Sosnowski)	Мама умерла. Похоронили ее без меня; после я говорил с Люсей, изображал <i>гордого</i> , сказал, что жилье у меня есть, из-за родительской квартиры я <i>жопы драць не буду</i> и вообще ничего мне не нужно.
Bunt niechybnie rozejdzie się po całej Ukrainie, gdyż chłopstwo tam <i>harde</i> i do boju wprawione, aleć bunt tam to przecie nie pierwszyczna. (Sienkiewicz)	Смута неотвратимо распространится по всей Украине, ибо мужичье там <i>заносчивое</i> и к воительству способное, но бунтуют ведь там не впервой.

Главной особенностью белорусского языка является экспансия лексемы *гонар* (и ее производных), которая соответствует не только польск. *honor* и русск. *честь*, но и получила многие другие значения: ‘гордость’, ‘надменность’, ‘достоинство’.

«На протяжении XX века, – отмечает Н. Кохнович, – *гонар* вытесняет не только прежнее *чэсьць* (а также *гордасць*), но и вбирает в себя практи-

чески все возможные для данного лексико-семантического поля значения» (Кохнович, 2017, 238). При этом, по словам исследовательницы, в текстах лексема *гонар* чаще всего встречается в значении ‘чувство гордости’ (Кохнович, 2017, 247).

Лексема *гордасць* и связанные с ней словообразовательно слова *горды* ‘гордый’, *гордо* ‘гордо’, *гардыня* ‘гордыня’ (при отсутствии глагольного соответствия с корнем *-горд-* русскому глаголу *гордиться*, который обычно переводится на белорусский как *ганарыцца*) продолжают функционировать в белорусском языке, однако нередко осознаются носителями языка как русизмы.

Весьма показательны, что для перевода на белорусский язык многочисленных дериватов с корнем *-горд-*, употребленных в оригинале романа М.А. Булгакова *Мастер и Маргарита*, ни разу не используется тот же корень, тогда как корень *-гонар-* (*-ганар-*) употребляется для перевода не только слов с корнем *-горд-*, но лексем *достоинство*, *надменный*. Ср.:

Русский оригинал	Белорусский перевод
– Ишь ты! Как в «Метрополе»! – О нет, – с <i>гордостью</i> ответила женщина, – гораздо лучше. Такого оборудования нет нигде и за границей.	– Глядзі ты! Як у «Метраполі»! – Э, не, – з <i>гонарам</i> сказала жанчына, – намнога лепш. Такого абсталявання і за мяжой няма.
– Я беру эту пару, мосье, – сказала брюнетка с <i>достоинством</i> , надевая и вторую туфлю <...> – Фирма просит вас принять это на память, – сказал Фагот и подал брюнетке открытый футляр с флаконом. – Мерси, – <i>надменно</i> ответила брюнетка и пошла по трапу в партер.	– Я бяру гэтую пару, масье, – сказала брунетка з <i>гонарам</i> і абула другі туфель <...> – Фірма просіць вас узяць гэта на памяць, – сказаў Фагот і падаў брунетцы адчынены футарал з флаконам. – Мерсі, – <i>ганарліва</i> адказала брунетка і пайшла па трапе ў партэр.

Еще одной общей чертой украинского, белорусского и западнославянских языков является то, что центральным средством обозначения гордости с негативными коннотациями являются лексемы с корнем **rych-*. См., например:

Русский язык	Другие славянские языки
Когда <i>гордыня</i> таково наказана, надлежит нам подумать, как пролитие крови христианской остановить.	Польск. Gdy tedy <i>pycha</i> ich pokarana została, należy myśleć nam, aby rozlew krwi chrześcijańskiej powstrzymać. (Sienkiewicz) Укр. Коли <i>пиху</i> їхню так покарано, нам слід подумати, як пролиття крові християнської зупинити.

Русский язык	Другие славянские языки
Как только появилась такая необходимость, то вся революционная <i>спесь</i> этих людей исчезала, и они оказывались подобны волдырям, из которых выпустили воздух. Сделать что-нибудь для ближних они не умели.	Белорус. Як толькі зьяўлялася такая неабходнасьць, тады ўся рэвалюцыйная <i>пыха</i> з гэтых людзей зьялялася, і яны рабіліся, бы пухіры, зь якіх выпусьцілі паветра. Зрабіць што-небудзь для бліжніх яны ня ўмелі. (В. Быкаў)
Лицо было еще и гордым, и Якубу подумалось, что оно <i>гордится</i> не своей красотой, а именно своей пустотой.	Чешск. Ta tvař byla i <i>pyšná</i> a Jakuba napadlo, že je <i>pyšná</i> na svou pěknost, ale pravě na svou prázdnotu. (Kundera)
Притчи из басен копируют человеческий мир и придают животным особые черты характера, такие как <i>гордыня</i> , глупость, <i>гордость</i> или хитрость.	Словацк. Podobenstvá bájok kopírujú ľudský svet a prisudzujú zvieratám konkrétne charakterové vlastnosti, ako sú <i>pycha</i> , hlúposť, <i>hrdost'</i> , alebo <i>prefíkanosť</i> . (Křížne cesty) (SNK)

Аналогичное семантическое развитие фиксирует В.И. Даль в русском языке. Он отмечает глагол *пыхать* ‘чваниться, быть надменным’, а также прилагательное *пыиный* ‘спесивый, чванный, гордый, надутый, надменный’ (Даль, III, 548).

Таким образом, можно констатировать достаточно устойчивую метафорическую модель, действующую во многих славянских языках. Она заключается в развитии на базе значения ‘большой по объему’ семантики преувеличенной гордости. Эта модель действует, например, в следующих случаях:

русск. *надутый* ‘большой по объему’ → ‘горделивый, кичливый’;

русск. *надменный* ‘надутый, большой по объему’ → ‘горделивый, кичливый, тщеславный’;

польск. *puszny*, чешск., словацк. *pyšný* ‘надутый, большой по объему’ → ‘горделивый, кичливый, надменный’.

В большинстве южнославянских языков энантиосемия в семантике континуантов праславянского *grd- пошла еще дальше в сторону обозначения негативных реалий, чем в западнославянских языках. Слова с исконным для южнославянских языков корнем -grd- / -grd-, где имеется характерный для этих языков слоговой звук [r̥], закрепились за реалиями, связанными с уродством, мерзостью, отвращением, оскорблениями, непристойностями.

Следует отметить, что в некоторых из этих языков, по словам их носителей, данный пласт лексики ощущается устаревшим и в живой разговорной речи не используется.

Русский язык	Другие славянские языки
Это произошло на кладбище близ его родного села Конджель. Ему и местному священнику Младену Симичу были нанесены большие <i>оскорбления</i> со стороны комитета.	Серб. Odigrala se u porti crkve kraj njegovog rodnog sela Kondželja. Digla se velika <i>grdnja</i> i na njega i na mesnog sveštenika Mladena Simića. (Politika, 18.11.2000, Beograd ²) (SrpKor)
Вы, чужеземцы, вы, пришельцы, пришедшие сюда босиком и обнаженными и в одночасье разбогатевшие, осмелитесь так <i>оскорбить</i> эту страну и народ.	Хорв. Vi tudjinci, vi došlje, koji ste ovamo došli bos i goli, pa se preko noći obogatili, usudjujete se tako <i>grditi</i> ovu zemlju i narod... (Josip Eugen Tomić, <i>Pastorak. Pučki igrokaz u četiri</i>) (CLC)
Ты продолжаешь лепетать, <i>противный</i> урод. А?	Словен. Ti pa kar naprej drnjohaj, <i>grdoba grda</i> . A? (Boris Pahor, <i>Na sipini</i>) (KSJ)
Лавки <i>вызывали</i> у него <i>отвращение</i> к площади.	Макед. Тезгите го <i>грдеа</i> плоштадот. (ОДРМЈ)

Основным средством обозначения гордости и связанных с ней понятий в сербском, хорватском и словенском языках является слово *понос / ponos* (с ударением на первом слоге) ‘гордость’ и его дериваты (ср. в аналогичном значении с этимологическим корнем *-нос-* русск. *заносчивый* ‘гордый, кичливый’). См., например:

Русский язык	Другие славянские языки
Некоторые говорят, что неразумно <i>гордиться</i> своими корнями и жить в чужой стране, а я говорю, что мы не можем стереть всю эту генетическую материю.	Серб. Neki kažu nerazumno je <i>ponositi se</i> korenima a živeti u stranoj zemlji, a ja kažem da mi ne možemo izbrisati sav taj genetski materija. (Politika, 21.10.2008) (SrpKor)
Сабина подошла к окну и долго смотрела на свою прелестную дочь. Моя мама была рада видеть ее холодной, стройной, молодой и красивой. Кровь – не вода: Зорка была ее <i>гордостью!</i>	Хорв. Sabina pođe k prozoru i gledaše dulje vremena za svojom dražesnom kćerkom. Majka se radovala videći je onako čilu, vitku, mladu i krasnu. Krv nije voda: Zorka je bila njezin <i>ponos!</i> (Eugen Kumičić, <i>Gospođa Sabina</i>) (CLC)
Тогда вам будет оказана честь, и Зорислава, <i>гордая</i> женщина, ради которой вы так далеко зашли, будет вынуждена с восхищением смотреть на ваш рост и подчиняться вашей воле.	Словен. Potem bodeš čaščen in Zorislava, <i>ponosna</i> ženska, za katero si že tako daleč šel, primorana bode z občudovanjem gledati na tvojo višino in se tvoji volji klanjati. (Josip Jurčič, <i>Tugomer</i>) (KSJ)

² Здесь и далее примеры из сербского языка приводятся на латинице – так же, как они представлены в: SrpKor.

Кроме того, во всех южнославянских языках, кроме словенского, для обозначения гордости используется заимствованный из русского языка (см.: ERHSJ, I, 613) континуант праславянского *gr̥d-, где имеется корневой гласный [o]. См. слова с корнем *-горд-* / *-gord-* в этих языках:

Русский язык	Другие славянские языки
Фон Хаусбург о <i>гордости</i> : – Я поощряю людей и поощряю себялюбие и тщеславие. И <i>гордость</i> , и <i>высокомерие</i> . Я поднимаю их паруса. Так что они быстры, как парусники, на которых дует самый попутный ветер.	Серб. Fon Hauzburg o <i>gordosti</i> : – Ja kod ljudi hrabrim i podstičem samoljublje i sujetu. I <i>gordost</i> i <i>ponos</i> . Dižem im jedra. Pa su brzi kao jedrenjaci u koje duva najpovoljniji vetar. (Novaković, Mirjana, <i>Strah i njegov sluga</i>) (SrpKor)
– Я убежден, что у нашей Веры доброе сердце. – Ее сердце не похоже на твое, окутанное <i>гордостью</i> и <i>высокомерием</i> . <...> Ты <i>гордый</i> , Матияс, и <i>высокомерный</i> , это твой единственный недостаток.	Хорв. – Ja sam uvjeren, da naša Vera ima dobro srdce. – Srdce je njeno kao i tvoje, uvijeno u <i>gordost</i> i <i>ponos</i> . <...> <i>Gord</i> si, Matija, i <i>ohol</i> , to ti je jedina mana, ali ja sam došla do uvjerenja. (Janko Matko, <i>Moć zemlje</i>) (CLC)
И они говорят о вас, что вы <i>честолюбивый</i> , <i>гордый</i> человек.	Макед. Та тие викаат по вас дека сте човек <i>честољубив</i> , <i>горд</i> . (ОДРМЈ)
Был он очень беден и как-то <i>надменно горд</i> и <i>необщителен</i> ; как будто что-то таил про себя. (Достоевский, <i>Преступление и наказание</i>) (НКРЯ)	Болг. Беше много беден и някак <i>надменно горд</i> и <i>необщителен</i> ; сякаш таеше нещо в себе си.

Из приведенных примеров видно, что слова разных частей речи, обозначающие понятия, связанные с гордостью, нередко употребляются в ряду однородных членов как синонимы или определители друг друга.

Вместе с тем для обозначения чрезмерной гордости, гордости с экспрессивным оттенком или с отрицательной коннотацией в сербском и хорватском языках обычно используются слова *гордост* / *gordost* и *горд* / *gord*. В таких случаях данные лексемы употребляются как контекстуальные синонимы слов *надмен* / *nadmen*, *охол* / *ohol* ‘надменный, высокомерный’, *сужета* / *sujeta* ‘тщеславие’, в контексте с определениями *преперан* / *preteran* ‘преувеличенный’, *нездрав* / *nezdrav* ‘нездоровый’, *несказан* / *neskazan* ‘невыразимый’. См., например:

Русский язык	Другие славянские языки
И он, вероятно, был единственным, кто получил от него слова критики, он, такой <i>гордый</i> и <i>высокомерный</i> , что я позавидовал ему за эту самоуверенность.	Серб. I verovatno je jedino od nje primao reči kritike, on, tako <i>gord</i> i <i>nadmen</i> , da sam mu zavideo na toj samouverenosti. <i>Mostovi: časopis za prevodnu književnost Udruženja književnih prevodilaca Srbije (broj 101)</i> . (SrpKor)

Русский язык	Другие славянские языки
Они знают, что этот живописец <i>высокомерен</i> и <i>горд</i> , и что за свое оскорбление он вообще не попросит денег.	Хорв. Znajū da je taj slikar <i>ohol</i> i <i>gord</i> , i da u uvredljivosti svojoj ne će uopće tražiti novac. (Slavko Batušić, <i>Od Siene do Haarlema. Putopisi</i>) (CLC)

Кроме того, высокую степень гордости, а также чрезмерную и негативно воспринимаемую гордость, граничащую с высокомерием, в сербском и хорватском языках можно передать существительным *preponos* / *preponos* ‘большая гордость, гордыня, высокомерие’ и прилагательным *preponosan* / *preponosan* ‘очень гордый, высокомерный, надменный’. См. фрагменты, извлеченные из сербских и хорватских сегментов интернета, и их переводы на русский язык:

Русский язык	Другие славянские языки
Мы <i>очень гордимся</i> нашей Ванессой Миоч!	Хорв. <i>Preponosni smo</i> na našu Vanessa Mioč! https://www.facebook.com/zsemzagreb/posts/10158575919694164
И я была бы <i>горда</i> на твоём месте, я бы <i>очень гордилась</i> , я бы <i>лопнула</i> от огромной <i>гордости</i> .	Серб. I ja bi na tvom mjestu bila <i>ponosna</i> , ma šta <i>ponosna</i> , raspucavala bi se od <i>preponosa</i> . https://www.forum.hr/showthread.php?t=652216&page=2

В отличие от сербского и хорватского языков, в словенском не произошло заимствования из русского языка слов с корнем *-горд-*, поэтому понятия, обозначающие чрезмерную гордость либо гордость с негативным или экспрессивным оттенком передаются в словенском языке с помощью лексемы *preponosen* ‘гордый, высокомерный, надменный’. См. примеры из Словенского корпуса и их переводы на русский язык:

Словенский язык	Русский язык
Pred Bogom sem bil <i>preponosen</i> , a preponižen pred ljudmi. (Anton Medved, <i>Pesmi 2</i>) (KSJ)	Перед Богом я был <i>слишком горд</i> и <i>слишком унижен</i> перед людьми.
Levi <i>preponosni</i> na svoje sposobnosti in uspehe. Očitajo jim <i>bahavost</i> , vŕeč pa jim je njihov spoŕtljiv odnos do tradicije. (Slovenske novice, ČGP Delo, leto 2008) (KSJ)	Левые <i>слишком гордятся</i> своими способностями и успехами. Их обвиняют в <i>высокомерии</i> , но им нравится уважительное отношение к традициям.

В болгарском и македонском языках в качестве средства, маркирующего негативную гордость, используются лексемы *горделив* ‘надменный, высокомерный’, *горделиво* ‘надменно, высокомерно’, *горделивост* ‘высокомерие,

гордыня', *горделивец* 'гордец'. Кроме того, в этом значении употребляются восходящие к латинскому *arrogantia* 'самонадеянность, гордость, высокомерие', слова болг. *арогантност*, макед. *ароганицја* 'высокомерие, надменность, дерзость', *арогантен* 'высокомерный, надменный, дерзкий'.

Обобщающая таблица демонстрирует центральные средства выражения позитивной и негативной гордости, а также значения континуантов корня *grd-, развившиеся в результате энантиосемии. Из таблицы видно, что среди славянских языков в рамках анализируемой системы можно выделить следующие группы. Во-первых, русский и болгарский, в целом не развившие энантиосемии корня *grd- и использующие его для обозначения всех проявлений гордости. Во-вторых, западнославянские языки, где энантиосемия корня *grd- развилась в сторону семантики презрения, однако данный корень активно продолжает использоваться для обозначения позитивной гордости, тогда как для передачи негативной гордости употребляется корень *ruch-. В-третьих, занимающие промежуточное положение между русским и западнославянскими украинский и белорусский языки, которые развили аналогичную западнославянским языкам энантиосемию и получили в качестве центрального средства обозначения негативной гордости корень *ruch-, но сохранили, как в русском языке, корень *grd- для передачи как негативной, так и позитивной гордости. В-четвертых, сербский, хорватский и словенский языки, которые развили энантиосемию корня *grd- в сторону значения 'уродливый', для обозначения положительной гордости в них используется лексема *ponos* и ее дериваты, негативная гордость выражается с помощью заимствованного из русского корня *-горд-* / *-gord-*, а также с помощью лексем *preponos* и ее дериватов. Македонский язык занимает промежуточное положение между болгарским (сохраняя за корнем *-горд-* обозначение положительной и отрицательной гордости) и другими южнославянскими языками (развив у корня *-грд-* семантику уродливости).

СПОСОБЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ ГОРДОСТИ И РАЗВИТИЕ ЭНАНТИОСЕМИИ КОНТИНУАНТОВ *GRD- В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Язык	Корни со значением 'гордость'	Корни, обозначающие негативную гордость	Другие значения континуантов *grd-
русский	<i>-горд-</i>	<i>-горд-</i> (<i>гордыня, горделивый</i>)	диал. <i>гордовать</i> 'гнушаться, презирать'
украинский	<i>-горд-</i>	<i>-пих-</i> <i>-горд-</i> (<i>гординя</i>)	<i>-горд-</i> <i>погорда</i> 'презрение'

Язык	Корни со значением 'гордость'	Корни, обозначающие негативную гордость	Другие значения континуантов *grd-
белорусский	-гонар- -горд- (редк.)	-ных-	-гард- nagarða 'презрение'
польский	-dum- -hard- (экспр.)	-puch-	-gard- pogarda 'презрение'
чешский	-hrd-	-púch-	-hrd- pohrdání 'презрение'
словацкий	-hrd-	-púch-	-híd- pohídavost' 'презрение'
сербский и хорватский	-понос- / -ponos-	-горд- / -gord- (из русск.) preponos / preponos 'гордыня'	-грд- / -grd- (искон., устар.) grđost / grđost 'уродство, мерзость'
словенский	-понос- / -ponos-	preponosen 'высокомерный, надменный'	-grd- grđost, grđoba 'уродство'
македонский	-горд- (из русск.)	-горд- горделивост 'гордыня' ароганција 'высокомерие'	-грд- грд 'уродливый, неприличный'
болгарский	-горд- (из русск.)	-горд- горделивост 'высокомерие, гордыня' арогантност 'высокомерие'	—

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Bańkowski – Bańkowski, A. (2000). *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: PWN.
- Boryś – Boryś, W. (2005). *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo literackie.
- CLC – *Croatian Language Corpus*, <http://riznica.ihj.hr/philologic/Riznica.whizbang.form.hr.html>
- ERHSJ – Skok, P. (1971). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika: V 3 knj.* Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti.
- KSJ – *Korpus slovenskega jezika*, http://bos.zrc-sazu.si/s_beseda.html
- SNK – *Slovenský národný korpus*, <https://korpus.sk/>
- SrpKor – *Korpus savremenog srpskog jezika*, <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/korpus/login.php>
- БАС – Горбачевич, К.С. (ред.). (1992). *Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т. III*. Москва: Русский язык.
- Даль – Даль, В.И. (1989–1991). *Словарь живого великорусского языка: В 4-х томах*. Москва: Русский язык.

- НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*, <https://ruscorp.ra.ru/new/>
- ОДРМЈ – *Официјален дигитален речник на македонскиот јазик*, <https://makedonski.gov.mk/>
- ПРиРППК – *Польско-русский и русско-польский параллельный корпус*, <http://pol-ros.polon.uw.edu.pl/index.php?id=&lang=ru>
- Черных – Черных, П.Я. (1993). *Историко-этимологический словарь русского языка*: В 2 томах. Москва: Русский язык.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bartmiński, J. (red.). (2017). *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. T. 5: *Honor*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Grzeszczak, M. (2017). *HONOR w języku polskim*. V: J. Bartmiński (red.), *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. T. 5: *Honor* (115–148). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Kokhnovich, N. (2017). *Kontsept GONAR v beloruskom yazyke*. V: J. Bartmiński (red.), *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. T. 5: *Honor* (237–272). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Sotirov, P. (2017). *HONOR – fundamentem słowiańskiego i europejskiego kanonu wartości*, V: J. Bartmiński (red.), *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. T. 5: *Honor* (13–26). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

- Кохнович, Н. (2017). *Концепт ГОНАР в белорусском языке*. В: J. Bartmiński (red.), *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. T. 5: *Honor* (237–272). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- Горбачевич, К.С. (ред.). (1992). *Словарь современного русского литературного языка*. В 20 тт. Т. III. Москва: Русский язык.
- Даль, В.И. (1989–1991). *Словарь живого великорусского языка*. В 4-х томах. Москва: Русский язык.
- Черных, П.Я. (1993). *Историко-этимологический словарь русского языка*: В 2 томах. Москва: Русский язык.

- Bańkowski, A. (2000). *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: PWN.
- Boryś, W. (2005). *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo literackie.
- Chernykh, P.Ya. (1993). *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. V 2 tomakh. Moscow: Russkii yazyk.

- Dal', V.I. (1989–1991). *Slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. V 4-kh tomakh. Moscow: Russkii yazyk.
- Gorbachevich, K.S. (red.). (1992). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. V 20 tt. T. III. Moscow: Russkii yazyk.
- Skok, P. (1971). *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*: V 3 knj. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

- Национальный корпус русского языка*, <https://ruscorpora.ru/new/> (НКРЯ).
- Официјален дигитален речник на македонскиот јазик*, <https://makedonski.gov.mk/> (ОДРМЈ).
- Польско-руски и русско-польски паралелни корпус*, <http://pol-ros.polon.uw.edu.pl/index.php?id=&lang=ru> (ПРiРППК).

- Croatian Language Corpus*, <http://riznica.ihj.hr/philologic/Riznica.whizbang.form.hr.html> (CLC).
- Korpus savremenog srpskog jezika*, <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/korpus/login.php> (SrpKor).
- Korpus slovenskega jezika*, http://bos.zrc-sazu.si/s_beseda.html (KSJ).
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka*, <https://ruscorpora.ru/new/> (NKRYa).
- Ofitsijalen digitalen rechnik na makedonskiot jazik*, <https://makedonski.gov.mk/> (ОДРМЈ).
- Pol'sko-russkii i rusko-pol'skii parallel'nyi korpus*, <http://pol-ros.polon.uw.edu.pl/index.php?id=&lang=ru> (PRiRППК).
- Slovenský národný korpus*, <https://korpus.sk/> (SNK).

Василий Супрун (Vasilii Suprun)

 <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>
suprun@vspu.ru

Ономастический мир Михаила Зощенко

The Onomastic World of Mikhail Zoshchenko

Резюме

В статье рассматриваются онимы, используемые Михаилом Зощенко в своих рассказах и повестях в трех функциях: 1) обозначение главного действующего лица и места действия; 2) номинация второстепенного персонажа и географического объекта; 3) обозначение фонового персонажа или объекта. Статья продолжает зощенковедческие исследования польского ученого Ярослава Вежбиньского. Антропонимы в произведениях М.М. Зощенко обозначают главных и второстепенных героев, топонимы (ойконимы, урбанонимы и др.) называют место действия, единицы периферийных разрядов чаще всего выступают для обозначения фоновых объектов. Автор именует своих героев по имени и отчеству, что является специфической чертой русского этикета, отличающей его от культурно-языковых ситуаций других народов. Лиц, стоящих на более низкой социальной ступени, писатель именует краткими и фамильярно-пренебрежительными формами антропонима. Ономастический стиль М.М. Зощенко включает использование полной антропонимической формулы имя + отчество + фамилия при представлении героя. В рассказах Зощенко встречаются топонимы Москва, Ленинград, Лигово, Ялта, Кисловодск и др.; урбанонимы Большая Проломная улица, Глазова и Боровая улицы; эргонимы Петросовет, Щукин рынок, гостиница «Европа» и т. д. Имена собственные вплетаются в ткань зощенковского текста как обязательный и организующий компонент. Они взаимодействуют с другими текстовыми элементами, демонстрируют свои изобразительные возможности в широком и узком контексте.

Ключевые слова: ономастика, Михаил Зощенко, антропоним, топоним, Ярослав Вежбиньски.

Summary

The article discusses the onyms used by Mikhail Zoshchenko in his stories and novellas through their three functions: 1) designation of the main character and place of action; 2) nomination of a minor character and geographical object; 3) designation of a background character or

object. The article continues the research on Zoshchenko started by the Polish scientist Jarosław Wierziński. Anthroponyms in the works of M.M. Zoshchenko denote the main and secondary protagonists, toponyms (oikonoms, urbanonyms, etc.) used for the place of action, and units of peripheral categories, which most often act to designate background objects. The author names his protagonists by their first name and patronymic, which is a specific feature of the Russian etiquette that distinguishes it from the cultural and linguistic situations of other peoples. The writer calls persons from a lower level of the society with brief and familiarly disparaging forms of the anthroponym. The onomastic style of M.M. Zoshchenko includes the use of the full anthroponymic formula: first name + patronymic + surname when presenting a protagonist. In the stories of Zoshchenko, there are toponyms, such as Moscow, Leningrad, Ligovo, Yalta, Kislovodsk, etc.; urbanonyms: Bolshaya Prolomnaya Street, Glazova and Borovaya Streets, ergonyms: Petrosovet, Shchukin market, hotel "Europe" etc. Proper names are woven into Zoshchenko's texts as an obligatory and organizing component. They interact with other textual elements and demonstrate their visual capabilities in a broad and narrow context.

Keywords: onomastics, Mikhail Zoshchenko, anthroponym, toponym, Jarosław Wierziński.

Профессор Ярослав Вежбиньски внес значительный вклад во многие направления современной лингвистической науки. Его научные исследования и учебно-методические разработки затрагивают проблемы лингвокогнитивистики, компаративистики, дискурсологии, языковой картины мира, семантики, антонимо-синонимических отношений в лексике, лингвостилистики, неологии, морфологии, дериватологии, ономастики, интертекстуальности, паремиологии, функционирования крылатых слов (*skrzydlatologia*), лексикографии, идиостиля А.П. Чехова, М.А. Шолохова и других разделов научного поиска. Среди трудов Я. Вежбиньского особо выделяются книги и статьи, посвященные изучению идиостиля русского писателя Михаила Михайловича Зощенко. Польского профессора по праву можно назвать самым крупным зоценковедом наших дней. Его зоценкиана насчитывает более 30 работ, опубликованных в Польше, России, Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Германии, Чехии, Литве на польском, русском, болгарском, английском языках. В России внимательно следят за творчеством Я. Вежбиньского, выходят рецензии на его труды (Болдова, Трегубова, 2018).

Опираясь на труды профессора Ярослава Вежбиньского по зоценковедению, стилистике и ономастике (Wierziński, 1999; 2017; 2020), рассмотрим ономастическое пространство произведений М.М. Зощенко, специфику употреблений писателем имен собственных, определим отражение ономастического вкуса носителей русского языка в 1930–1950-е годы. Основным методом исследования будет описательно-ономастический, заключающийся в эксцерпции имен собственных из произведений М.М. Зощенко, их классификации, определении частотности онимоупотреблений, описании роли онимических единиц в построении художественного текста.

Талантливый русский писатель Михаил Михайлович Зощенко (1894–1958), несмотря на сложные перипетии судьбы, оставил солидное творческое наследие, интерес к которому не ослабевает и поныне. Дебютировав в 1922 году тремя рассказами в петроградских журналах и альманахе и своим первым сборником «Рассказы Назара Ильича господина Синябрюхова», вышедшем в кооперативном издательстве «Эрато», писатель вскоре стал весьма популярным, любимым практически у всех слоев тогдашнего советского общества. До выхода постановления оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года № 274 «О журналах *Звезда* и *Ленинград*» и исключения М.М. Зощенко из Союза писателей СССР им были опубликованы собрания сочинений, несколько сборников рассказов, повести, пьесы, сценарии к фильмам. Его творчество высоко оценивали многие современники. Константин Александрович Федин вспоминал: «Этот человек был первым из всей молодой литературы, который, по виду без малейшего усилия, как в сказке, получил признание и в литературной среде, и в совершенно необозримой читательской массе. Он действительно проснулся в одно прекрасное утро знаменитым [...]» (Федин, 1990, 140). А.М. Горький в письме от 16 сентября 1930 года писал:

Отличный язык выработали вы, М<ихаил> М<ихайлович>, и замечательно легко владеете им. И юмор у вас очень «свой». Я высоко ценю вашу работу, поверьте: это – не комплимент. Ценю и уверен, что вы напишете весьма крупные вещи. Данные сатирика у вас – налицо, чувство иронии очень острое и лирика сопровождает его крайне оригинально. Такого соотношения иронии и лирики я не знаю в литературе ни у кого [...] (Литературное наследство, 1963, 159).

25 марта 1936 года А.М. Горький пишет новое письмо:

[...] вчера прочитал я «Голубую книгу». Compliments мои едва ли интересны для вас и нужны вам, но все же кратко скажу: в этой работе своеобразный талант ваш обнаружен еще более уверенно и светло, чем в прежних. Оригинальность книги, вероятно, не сразу будет оценена так высоко, как она заслуживает, но это не должно смущать вас. Вы уже почти безукоризненно овладели вашей «манерой» писать [...] (Литературное наследство, 1963, 166).

Популярность М.М. Зощенко была столь высокой, что в 1928 году Общество изучения художественной словесности в рамках серии *Мастера современной литературы* издает 5-тысячным тиражом книгу *Михаил Зощенко: статьи и материалы*, в которой творчество писателя анализируют уже получившие к тому времени известность литературный критик Виктор Борисович Шкловский (1893–1984), доцент (с 1929 года – профессор) Ленинградского университета Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969) и начинающий писатель Александр Гаврилович Бармин (1900–1952) (Михаил Зощенко, 1928). А еще через год издательство «Прибой» начинает выпускать 6-томное собрание сочинений писателя (Зощенко, 1929–1930).

Важной составляющей идиостиля М.М. Зощенко являются имена собственные. Они выступают в его произведениях в трех функциях: 1) обозначение главного действующего лица и места действия (ономастическая вежа); 2) обозначение второстепенного персонажа и географического объекта (ономастический фон); 3) обозначение фонового персонажа, животного, внутригородского объекта различного назначения (факультативный опознавательный знак) (Супрун, 2000, 118).

Исследователи языка произведений М.М. Зощенко обращали внимание на роль ономастики в текстопостроении. Уже в 1928 году В.В. Виноградов в статье о языке М.М. Зощенко упоминает об описанных в рассказе *Свинство* новых традициях имянаречения, возникших в стране после революции (Виноградов, 1928, 80–81). Главный герой Иван Петрович, в семье которого ожидается пополнение, получает от своего руководителя замечание: «Ты, например, младенца ждешь... А как ты его назовешь? Небось Петьюшкой назовешь? [...] Нужно быть революционером во всем... На вас вся Европа смотрит...» (Зощенко, 2018, 151). Заведывающий (это не неологизм М.М. Зощенко, так тогда называли руководителей) предложил девочку назвать Октябриной, а мальчика – Луч.

Прележал Иван Петрович два дня на диване и, вместо имен, стали ему в голову всякие пустяки лезть – вроде насмешки: Стул, Стол Иванович, Насос Иванович, Картина Ивановна. В конце концов нашелся достаточно традиционный выход: Иван Петрович легко вышел из затруднения: пропьянствовал, пока детей назвали по-старому – одного Колей, другого – Петей (Зощенко, 2018, 153).

Рассказ был написан в 1923 году, опубликован в сборнике *Аристократка* (1924). В начальном абзаце поясняется причина выбора заголовка:

Ведь вот свинство какое: сколько сейчас существует поэтов, которые драгоценную свою фантазию растрачивают на рифмы да стишки... Ну чтоб таким поэтам объединиться да и издать книжонку на манер наших святцев с полным и подробным перечислением новых имен... Так нет того не додумались (Зощенко, 2018, 153).

И этот призыв Ивана Петровича (и писателя) был услышан. Точнее, эта идея уже носилась в воздухе, и Зощенко лишь отразил ее в своем рассказе. В это же время уже были изданы *советские святцы* – календари с новыми именами. Некто Лисенков, работник календарного (коммерческого) отдела Государственного издательства (ГИЗа), включил в календарь имена Электрификация, Церера, Куприда, Нептун, позже в него попало имя Днепрострой и прочие подобные идеологически заостренные антропонимы (Супрун, 1997, 76). А.В. Сулова считает, что новые имена стали публиковаться в настольном, отрывном и других календарях ГИЗа с 1924 года (Сулова, 1979, 302), однако первый календарь был издан на 1924 год, т.е. вышел в конце

1923 года (Всеобщий, 1923) – тогда же, когда был написан рассказ М.М. Зощенко. В календаре указаны места выхода его в свет: Москва, Петроград, второй топоним не мог появиться в издании 1924 года, поскольку 26 января 1924 года Петроград был переименован в Ленинград.

Почин был подхвачен в других городах страны. В 1924 году Даниил Борисович Лемперт (Дан Делерт), драматург, бывший ответственный редактор *Горской правды* издал в Ростове-на-Дону книгу *Новые имена*, в которой были рекомендованы для именования детей антропонимы Аппарат, Смычка, Рабфак, Нарком, Ячейка, Малентро (Маркс, Ленин, Троцкий), Лунио (Ленин умер, но идеи остались) (Делерт, 1924). Действительность опережала самые смелые писательские идеи. Позднее, правда, библиотекарям приходилось вымарывать в этой книге имена Радек, Троцкий, Тролен (Троцкий и Ленин), Бухариза и др.

Обращался к исследованию онимов в текстах М.М. Зощенко и профессор Я. Вежбиньски. Он отмечает в произведениях писателя обилие внетекстовых и межтекстовых связей и ассоциаций, наличие в них отсылок к историческим событиям и персонажам (Вежбиньски, 1999). Тонко анализирует польский ученый соотношение имен *Иван* и *Иоанн* в *Голубой книге* М.М. Зощенко (раздел *Любовь*) при характеристике Ивана IV Грозного: «[...] имена Иван и Иоанн функционируют на двух различных ассоциативных уровнях – обыденном и сакральном. В приведенном же контексте имя Иоанн, соотношенное с именем Иван, подвергается как бы десакрализации» (Вежбиньски, 2008, 184).

Ономастикон ранних произведений М.М. Зощенко отражает реальное бытование имен собственных в русском языке послереволюционной эпохи. Автор именуют своих героев по имени и отчеству, чем подчеркивает их социальный статус и самоуважение: *Григорий Иванович (Аристократка)*, *Ефим Григорьевич (Жертва революции)*, *Иван Фомич (Счастье)*, *Иван Филиппович (Крестьянский самородок)*, *Петр Антонович (Сильное средство)*, *Семен Саввич (Китайская церемония)*, *Иван Петрович (Мещанство)*, *Иван Андреевич (Много ли человеку нужно)*, *отец Иван Петрович и отпрыск его Иван Иванович (Люди)* и др. Эта же антропонимическая формула используется в вокативной функции: *Марья Васильевна (Любовь)*, *Василий Митрофанович (Прелести культуры)* и др. Писатель наследует традиции русской классической литературы, используя синкопированную форму отчества: *Митрофан Семеныч (Семейное счастье)*, *Иван Степаныч (Нервные люди)* и др. В рассказе *Нервные люди* отражена и такая особенность русской антропонимии, как самостоятельное употребление отчества в номинативной и вокативной функции: *инвалид Гаврилыч*. Это явление было распространено в крестьянской и рабочей среде, после революции отразилось в отдельном использовании отчества Владимира Ильича Ленина с целью показать его близость простому народу.

Именованье человека по имени и отчеству является специфической чертой русского этикета, отличающей его от культурно-языковых ситуаций других народов. Эта антропонимическая формула стала у русских наиболее вежливой формой обращения к собеседнику, что отразилось на этикетной специфике употребления слов *господин, госпожа, сударь, сударыня* и др., которые семантически соответствуют европейским этикетным единицам англ. *mister, sir, madam*, фр. *monsieur, madame*, нем. *Herr, Frau*, чеш. *pane, paní*, серб. *господине, госпођо* и пр., но функционально ограничиваются сугубо официальной обстановкой и письменным общением (Супрун, 1997, 117).

Лиц, стоящих на более низкой социальной ступени, писатель именуется краткими и фамильярно-пренебрежительными формами антропонима: *Мотя (Семейное счастье), Васька-слесарь (Аристократка)* и др. В рассказе *Операция* главного героя зовут *Петюшка Ящиков*, его имя встречается также в гипокористической форме *Петя* и фамильярной *Петька*. Форма *Петюшка* имеет двойную деривационную модель: *Пет-* + *-юшка*, *Пет-* + *-юш-* + *-ка* (*Петюш-* + *-ка*). В первом случае антропоним является уменьшительно-ласкательным, во втором – фамильярно-пренебрежительным. При этом меняется акцентологическая структура слова: первый дериват имеет ударение на первом слоге, во втором наблюдается традиционная для русской гипокористики пенультимативная акцентная модель (ударение на предпоследнем слоге) (Супрун, 2000, 70). В тексте рассказа, естественно, ударение не проставлено, но, судя по содержанию произведения, по параллельному употреблению форм *Петюшка* и *Петька*, имя героя является фамильярно-пренебрежительным. По сравнению с формой *Петька* пренебрежительность несколько снижается за счет предшествующего ласкательного суффикса *-юш-*. Всего в этом рассказе встречается 13 ономоупотреблений: 10 раз в форме *Петюшка*, 2 – *Петя*, 1 – *Петька*; 4 раза имя стоит в тексте вместе с фамилией (3 – в сочетании с формой *Петюшка*, 1 – *Петя*); в именительном падеже все формы употреблены 9 раз, в родительном – 2, в дательном и творительном – по одному. Следует отметить, что формы антропонимов с суффиксом *-ка* не всегда можно рассматривать как пренебрежительные, пейоративные. В детской коммуникации они могут иметь коннотацию фамильярно-интимного характера. В рассказе *Загадочное происшествие* героем является мальчик *Минька*, форму имени которого нельзя рассматривать как неодобительную.

Ономастический стиль М.М. Зошенко включает использование полной антропонимической формулы *имя + отчество + фамилия* при представлении героя: *Константин Иванович Деревяшкин (Диктофон), Иван Иванович Гусев (Альфонс), Иван Антонович Блохин (Мецанство), Иван Кузьмич Мякишев (Монтер), Фекла Тимофеевна Разуваева (Веселенькая история), Кузьма Львович Горюшкин, Семен Семенович Петухов (Аполлон и Тамара)* и др. Подобного рода именные формулы характерны для официальных тек-

стов, писатель их использует как элемент языковой (ономастической) игры. Б.Ю. Норман анализирует апеллятивные лексико-грамматические средства языковой игры в произведениях М.М. Зощенко (Норман, 2006, 55), не менее интересный материал в этом отношении дает ономастикон писателя.

Повесть *Аполлон и Тамара* была написана М.М. Зощенко в 1923 году, в том же году вошла в сборник *Рассказы*, а спустя 4 года была включена в сборник *Сантиментальные повести* (в первом издании – *Сантиментальные повести*), вышедший под псевдонимом И.В. Коленкорев; через год сборник был переиздан. Третье издание было опубликовано в 1929 году, в нем, как и в последующих изданиях, писатель уже признается в своем авторстве: «В силу прошлых недоразумений писатель уведомляет критику, что лицо, от которого ведутся эти повести, есть, так сказать, воображаемое лицо. Это есть тот средний интеллигентный тип, которому случилось жить на переломе двух эпох» (Зощенко, 1936, 47).

Фамилия была ранее использована в повести *Люди*, о чем упоминает автор в предисловии ко второму изданию произведения, придумывая биографию этому представителю «правого крыла попутчиков», который «в скором времени займет одно из видных мест среди писателей натуральной школы»: «И.В. Коленкорев – родной брат Ек. Вас. Коленкоревой, тепло и любовно выведенной в повести *Люди* наряду с другими героинями» (Зощенко, 1937, 48). Эту же фамилию писатель использует в рассказе *Сильное средство: слезарь Петр Антонович Коленкорев* (Зощенко, 2018, 324).

Сантиментальная повесть *Аполлон и Тамара* насыщена онимами разных разрядов. Наиболее частотны в ней, разумеется, имена главных героев: имя *Аполлон* встречается 91 раз, *Тамара* – 27. Известна мысль Ю.Н. Тынянова (1894–1943) о роли онимов в художественном тексте, высказанная впервые в те же годы, когда М.М. Зощенко публиковал свои рассказы и повести. Обычно она редуцируется до первого предложения, приведем ее полностью:

В художественном произведении нет неговорящих имен. В художественном произведении нет незнакомых имен. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни. «Иван Петрович Иванов» вовсе не бесцветная фамилия для героя, потому что бесцветность – отрицательный признак только для быта, а в конструкции она сразу становится положительным признаком (Тынянов, 1929, 224; Тынянов, 1977, 269).

В повести М.М. Зощенко сталкивает антропонимы *Аполлон* и *Тамара* с фамилиями украинского происхождения *Перепенчук* и *Омельченко*. Писатель поясняет необычность имен героев: «Пусть читатель не думает, что автор из эстетических соображений назвал своих героев столь редкими, исключительными именами – Тамара и Аполлон. Нет, именно так они и прозывались» (Зощенко, 1936, 52). Более об Аполлоне он подробностей не приводит, читатель

должен сам догадаться, что выбор этого имени каким-то образом связан с антропонимическими традициями семьи, поскольку тетушку героя зовут Аделаида. А об имени *Тамара* сообщается довольно пространный история:

Автору доподлинно известно, что все девицы в семнадцать и в восемнадцать лет на Большой Проломной улице прозывались именно Тамарами или Иринами. А произошло такое исключительное событие по причинам достаточно уважительным. Семнадцать лет назад стоял здесь полк каких-то гусар. И такой это был замечательный полк, такие красавцы все были эти гусары, и так они воздействовали на горожан с эстетической стороны, что все младенцы женского пола, родившиеся в то время, названы были, с легкой руки супруги начальника губернии, Тамарами или Иринами (Зошенко, 1936, 53).

Подмеченная писателем популярность имени Тамара в отдельно взятом городе подтверждается наблюдениями ономастологов: в 20–30-е годы XX века этот женский антропоним получил широкое распространение у русских (Суперанская, 1973, 235).

Главный герой представлен в произведении во всех возможных сочетаниях антропонимической формулы и сопровождающего апеллятива: *Аполлон, Аполлон Семенович, Аполлон Перепенчук, Аполлон Семенович Перепенчук, тапер Аполлон Семенович Перепенчук*. Героиня в силу возраста и отсутствия упоминания о профессии именуется более просто: *Тамара, Тамара Омельченко, Тамара Глоба, урожденная Омельченко*. В повести встречаются второстепенные персонажи: *тетушка героя Аделаида Перепенчук, фельдшер Федор Перепенчук, маэстро Соломон Беленький, портной Рипкин, иностранный коммерсант Глоба, заведующий кладбищем Вася*, а также безымянные герои: поклонницы Аполлона, старший делопроизводитель, мать Тамары, стрелочник, баба. Фамилия *Перепенчук* образована, возможно, от глагола *перепенять* ‘выражать недовольство’ (Даль, 1955, 74) или от слова *перепонка* с прогрессивной вокалической ассимиляцией (ср. русское диалектное *перепенка* – *Словарь русских народных говоров*, 1991, 183). Можно также предположить, что при образовании антропонима произошло чередование сонорных л > н в словах *перепела* ‘перепелка’, *перепеля* ‘детеныш перепелки’ (*Словарь української мови*, 1959, 130).

Фамилия *Омельченко* образована от имени *Омелько* < Емельян. Предположение И.П. Колевой о происхождении антропонима от названия оплетающего дерева паразитического растения *омелы* лишено оснований (Колева, 2013, 15).

В повести используется урбанонимы *Большая Проломная улица* (улица с таким названием имела в Казани; кроме того, в Москве, Пензе, Нижнем Новгороде, Уфе, Самаре, Омске были Проломные улицы) и *Кирпичный* (переулок или тупик, в тексте не уточняется), артионимы *Нахлынувшие на меня мечты* и *Фантази реаль* (с явно выраженным ироническим подтекстом), эргонимы *Казенная палата, Купеческое собрание, Купеческий клуб*, некроним

Благовещенское кладбище (к нему примыкает тропинка *Ксении Блаженной*, находящаяся на кладбище), эвентоним *IV конгресс* (видимо, речь идет о IV Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала, проходившем в Петрограде и Москве с 5 ноября по 5 декабря 1922 года – Кон, 1923).

В других рассказах М.М. Зощенко встречаются топонимы: *Москва* (*Западня, Люди*), *Ленинград* (*Драка, Много ли человеку надо, Веселенькая история*), *Лигово* (*Веселенькая история, Загадочная история*), *Ялта* (*Землетрясение*), *Кисловодск* (*Грустные глаза*) и др.; эргонимы: *Петросовет* (*Мещанство*), *Щукин рынок* (*Веселенькая история*), *гостиница «Европа»* (*Водная феерия*) и др. Кто-то из исследователей (первоисточник установить не удалось) проанализировал урбанонимы *Глазова* и *Боровая улицы* из рассказа *Нервные люди* и предположил, что они относятся к Москве. Этот текст бродит по интернету в многочисленных копиях. Между тем речь идет о ленинградских улицах, вторая сохранила свое название, а первая в 1952 году была переименована в улицу Константина Заслонова (Топонимическая энциклопедия, 2002, 166).

Михаил Михайлович Зощенко использует имена собственные русского языка во всем многообразии их функций. Онимы в произведениях писателя занимают важную текстообразующую роль. Антропонимы как ядерные единицы обозначают главных и второстепенных героев, топонимы в их многообразии (ойконимы, урбанонимы и др.) называют место действия, единицы периферийных разрядов чаще всего выступают для обозначения фоновых объектов. Имена собственные вплетаются в ткань зощенковского текста как обязательный и организующий компонент. Они взаимодействуют с другими текстовыми элементами, демонстрируют свои изобразительные возможности в широком и узком контексте.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Болдова, Т.А., Трегубова, Л.В. (2018). *Рец.: Jarosław Wierzbiński. Михаил Зощенко. Текстологические исследования и анализы, семантика и стилистика: монография. Издательство Лодзинского университета, 2017. 125 с., Преподаватель XXI век, 4, 451–453.*
- Вежбиньски, Я. (2008). *Семантико-культурологический аспект интертекстуальности в художественном тексте*, Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica, 4, 179–187.
- Виноградов В.В. (1928). *Язык Зощенки (Заметки о лексике)*. В: *Михаил Зощенко: статьи и материалы* (53–92). Ленинград: Academia.
- Всеобщий настольный календарь на 1924 год. С приложением карты Союза Советских Социалистических Республик*. Москва–Петроград: ГИЗ.
- Даль, В.И. (1955). *Словарь живого великорусского языка*. В 4 т., Т. 3. Москва: ГИИНС.
- Делерт, Д. (1924). *Новые имена*. Ростов-на-Дону: Советский юг.
- Зощенко, М.М. (1929–1930). *Собрание сочинений в шести томах*. Ленинград–Москва: Прибой.
- Зощенко, М.М. (1936). *Избранные повести*. Ленинград: Гослитиздат.

- Зошенко, М.М. (2008). *Собрание сочинений в 7 т.* Сост. и примеч. И.Н. Сухих. Москва: Время.
- Зошенко, М.М. (2018). *Полное собрание рассказов в одном томе.* Москва: АЛЬФА КНИГА.
- Колева, И.П. (2013). *Традиции отечественной юмористики XIX века в творчестве М.М. Зоценко*: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01, Москва.
- Кон, Ф.Я. (1923). *Четвертый конгресс Коммунистического Интернационала.* Москва: Красная новь.
- Литературное наследство.* (1963). Том 70: *Горький и советские писатели: Неизданная переписка*, И.С. Зильберштейн и Е.Б. Тагер (ред.). Москва: Изд-во АН СССР.
- Михаил Зоценко. Статьи и материалы.* (1928). Ленинград: Academia.
- Норман, Б.Ю. (2006). *Игра на гранях языка.* Москва: Флинта, Наука.
- Словарь русских народных говоров.* (1991). Вып. 26, Ф.П. Сороколетов (гл. ред.). Ленинград: Наука, Ленингр. отд-е.
- Словарь української мови* (упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко). В 4 т. (1959). Т. 3. Київ: Вид-во АН УРСР.
- Суперанская, А.В. (1973). *Общая теория имени собственного.* Москва: Наука.
- Супрун, В.И. (1997). *Имена и именины.* Волгоград: Комитет по печ. и инф.
- Супрун, В.И. (2000). *Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал.* Волгоград: Перемена.
- Суслова, А.В. (1979). *Из истории антропонимии советского периода (20-е годы)*, Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы, 302–316.
- Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга.* (2002). Санкт-Петербург: ЛИК.
- Тынянов, Ю.Н. (1929). *Архаисты и новаторы.* Ленинград: Прибой.
- Тынянов, Ю.Н. (1977). *Поэтика. История литературы. Кино.* Москва: Наука.
- Федин, К.А. (1990). *Михаил Зоценко. В: Вспоминая Михаила Зоценко (103–112)*, Ю.В. Томашевский (сост. и подгот. текста). Ленинград: Художественная литература.
- Wierzbinski, J. (1999a). *Kontaminacja nazw osobowych w utworach Michala Zoszczenki*, Beiträge zur Slavistik, T. XXXIX: *Textsemantik und Textstilistik*, H. Jellite, J. Wierzbinski (Hrsg.), Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien, 91–100.
- Wierzbinski J. (1999b). *Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michala Zoszczenki.* Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
- Wierzbinski, J. (2017). *Michail Zoszczenko: studia i analizy tekstologiczne, semantyka i stylistyka.* Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
- Wierzbinski, J. (2020). *Языковая коммуникация в произведениях Михаила Зоценко*, Contributions to the 22nd Annual Scientific Conference of the Association of Slavists (Polyslav): Die Welt der Slawen. Sammelband 65, 327–335, <https://doi.org/10.2307/j.ctv15vkw16.41>.

- Boldova, T.A., Tregubova, L.V. (2018). *Rets.: Jaroslaw Wierzbinski. Mikhail Zoshchenko. Tekstologicheskie issledovaniya i analizy, semantika i stilistika: monografiya. Izdatel'stvo Lodzinskogo universiteta, 2017. 125 s., Prepodavatel' XXI vek, 4, 451–453.*
- Dal', V.I. (1955). *Slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka.* V 4 t., T. 3. Moscow: GIINS.
- Delert, D. (1924). *Novye imena.* Rostov-on-Don: Sovetskii yug.
- Fedin, K.A. (1990). *Mikhail Zoshchenko. V: Vspominaya Mikhaila Zoshchenko (103–112)*, Yu.V. Tomashevskii (cost. i podgot. teksta). Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
- Koleva, I.P. (2013). *Traditsii otechestvennoi yumoristiki XIX veka v tvorchestve M.M. Zoshchenko*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01, Moscow.

- Kon, F.Ya. (1923). *Chetvertiy kongress Kommunisticheskogo Internatsionala*. Moscow: Krasnaya nov'.
- Literaturnoe nasledstvo*. (1963). Tom 70: *Gor'kii i sovetskie pisateli: Neizdannaya perepiska*, I.S. Zil'bershtein i E.B. Tager (red.). Moscow: Izd-vo AN SSSR.
- Mikhail Zoshchenko. Stat'i i materialy*. (1928). Leningrad: Academia.
- Norman, B.Yu. (2006). *Igra na granyakh yazyka*. Moscow: Flinta, Nauka.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov*. (1991). Vyp. 26, F.P. Sorokoletov (gl. red.). Leningrad: Nauka, Leningr. otd-e.
- Slovar' ukrains'koi movi* (upor. z dod. vlas. materialu B. Grinchenko). V 4 t. (1959). T. 3. Kiïv: Vid-vo AN URSSR.
- Superanskaya, A.V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo*. Moscow: Nauka.
- Suprun, V.I. (1997). *Imena i imeniny*. Volgograd: Komitet po pech. i inf.
- Suprun, V.I. (2000). *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial*. Volgograd: Peremena.
- Suslova, A.V. (1979). *Iz istorii antroponomii sovetskogo perioda (20-e gody)*, Vostochnoslavjanskaya onomastika. Issledovaniya i materialy, 302–316.
- Toponimicheskaya entsiklopediya Sankt-Peterburga*. (2002). St. Petersburg: LIK.
- Tynyanov, Yu.N. (1929). *Arkhaisty i novatory*. Leningrad: Priboi.
- Tynyanov, Yu.N. (1977). *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. Moscow: Nauka.
- Vezhbin'ski, Ya. (2008). *Semantiko-kul'turologicheskii aspekt intertekstual'nosti v khudozhestvennom tekste*, Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica, 4, 179–187.
- Vinogradov V.V. (1928). *Yazyk Zoshchenki (Zametki o leksike)*. V: *Mikhail Zoshchenko: stat'i i materialy* (53–92). Leningrad: Academia.
- Vseobshchii nastol'nyi kalendar' na 1924 god. S prilozheniem karty Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik*. Moscow–Petrograd: GIZ.
- Wierzbinski, J. (1999a). *Kontaminacja nazw osobowych w utworach Michala Zoszczenki*, Beiträge zur Slavistik, T. XXXIX: *Textsemantik und Textstilistik*, H. Jelitte, J. Wierzbinski (Hrsg.), Frankfurt am Main–Berlin–Bern–New York–Paris–Wien, 91–100.
- Wierzbinski J. (1999b). *Stylistyczny fenomen języka artystycznego Michala Zoszczenki*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
- Wierzbinski, J. (2017). *Michail Zoszczenko: studia i analizy tekstologiczne, semantyka i stylistyka*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
- Wierzbinski, J. (2020). *Yazykovaya kommunikatsiya v proizvedeniyakh Mikhaila Zoshchenko*, Contributions to the 22nd Annual Scientific Conference of the Association of Slavists (Polyslav): Die Welt der Slawen. Sammelband 65, 327–335, <https://doi.org/10.2307/j.ctv15vwk16.41>.
- Zoshchenko, M.M. (1929–1930). *Sobranie sochinenii v shesti tomakh*. Leningrad; Moscow: Priboi.
- Zoshchenko, M.M. (1936). *Izbrannye povesti*. Leningrad: Goslitizdat.
- Zoshchenko, M.M. (2008). *Sobranie sochinenii v 7 t.* Sost. i primech. I.N. Sukhikh. Moscow: Vremya.
- Zoshchenko, M.M. (2018). *Polnoe sobranie rasskazov v odnom tome*. Moscow: AL'FA KNIGA.

Зоя Шенгюдер (Zoya Shengyuder)

 <https://orcid.org/0000-0002-3377-5721>

Стамбульский университет

Литературный факультет

Balabanağa Mah. Ordu Cad. 6 Laleli – Fatih/Istanbul, 34134

zoyaborsuk@gmail.com

Некоторые особенности использования художественных текстов в дистанционном обучении РКИ турецких студентов-филологов

Some Characteristics of the Use of Literary Texts in the Distant Teaching of Russian to Turkish Philology Students

Резюме

В научно-методических работах ряд исследователей (А.Н. Шукин, А.Н. Богомолов, М. Н. Моисеева, Е.С. Полат, О.А. Ускова, Л.В. Ипполитова, Н.П. Дмитренко и др.) неоднократно обращались к теме дистанционного обучения РКИ. Особенно актуальной эта тема стала в условиях пандемии Covid-19. Дистанционное обучение заставляет преподавателей выбирать принципы, методы и материалы обучения РКИ, которые были бы эффективными в условиях виртуальной образовательной среды.

Цель данной работы – руководствуясь основными положениями онлайн-обучения РКИ и общими принципами разработки онлайн-курса для иностранных учащихся, разработать алгоритм создания онлайн-урока с использованием художественного текста для иностранных студентов-филологов, удовлетворяющего потребности иностранных студентов и повышающего их мотивацию к обучению.

В статье рассматриваются некоторые особенности использования художественных текстов в дистанционном обучении русскому языку как иностранному, позволяющих сделать онлайн-обучение привлекательным для студентов-иностранцев. В данной работе реализация принципов дистанционного обучения русскому языку как иностранному рассматривается на примере онлайн-урока для уровня В1 с использованием рассказа К.Г. Паустовского *Кружевница Настя*, разработанного для студентов-филологов Стамбульского университета, обучающихся по программе *Русский язык и литература*.

Актуальность статьи определяется необходимостью разобраться в новых образовательных условиях, в изменении процесса преподавания русского языка как иностранного, а также необходимостью повысить качество подготовки студентов-иностранцев, дистанционно изучающих русский язык.

Ключевые слова: глобальная эпидемия Covid-19, русский язык как иностранный, дистанционное обучение, художественные тексты.

Summary

In scientific and methodological work of such researchers as A.N. Shukin, A.N. Bogomolov, M.N. Moiseeva, E.S. Polat, O.A. Uskova, L.V. Ippolitova, etc. distant Russian language teaching has been repeatedly addressed as a subject. The subject became relevant during the Covid-19 pandemic. Remote teaching forces lecturers to choose such principles, methods and materials of Russian language teaching that would be effective in the conditions of virtual education.

The aim of this paper is to develop an algorithm of online classes for foreign students using literary texts, which would satisfy their requirements and increase motivation for learning, and frame some principles of teaching Russian online to such learners.

The author explores some characteristics of the use of literary texts that make classes attractive to foreign students. The article discusses the guidelines of the teaching of Russian as a foreign language online. The example provided by the author is an online lesson for philology students in the Russian Language and Literature programme at Istanbul University, level B1, with the use of K.G. Paustovski's story, *Nastya the Lace Maker*.

The paper aims to highlight the requirements of understanding new educational conditions, the changing process of teaching Russian as a foreign language and the requirement to increase the quality of preparation of foreign students who learn the Russian language distantly.

Keywords: global epidemic of Covid-19, Russian as a foreign language, remote learning, literary texts.

Распространившийся по всему миру Covid-19 отразился на всех сферах человеческой деятельности, в том числе и на образовательной. В условиях пандемии отношение к дистанционным образовательным технологиям в корне изменилось. Произошли кардинальные изменения, связанные с повсеместным переходом вузов на дистанционное обучение и быстрым развитием информационных технологий.

С появлением Covid-19 в Турции учебные заведения были отправлены на недельные каникулы, но оценка риска распространения вируса привела к необходимости объявления Комитетом высшего образования (YOK) перехода с 26 марта 2020 года на дистанционную форму обучения на весь весенний семестр. Наблюдающийся после этого значительный рост случаев заболевания, обусловленный в том числе и зимними месяцами, сыграл важную роль в принятии решения о полном переводе всей образовательной деятельности в 2021 году на дистанционную форму (Özkan Bardakci, Bardakci,

2020, 71). Как и на всех других отделениях литературного факультета Стамбульского университета, на отделении русского языка и литературы занятия начали проводиться в режиме онлайн.

Несмотря на то, что длительные ограничения, сопровождавшие процесс эпидемии Covid-19, негативно повлияли на психику студентов и посещаемость занятий, преподаватели старались повысить мотивацию учащихся к изучению иностранного языка (İnce Yakar, Fedai, 2020, 82).

Помимо проблем, с которыми столкнулись преподаватели и студенты в условиях вынужденного дистанционного обучения, возникли некоторые сложности, являющиеся характерными именно для сферы изучения иностранных языков, в том числе и русского как иностранного. Это связано с тем, что процесс обучения языку и литературе предполагает духовно-нравственное воспитание учащихся, овладение духовными ценностями, которые формируют личность, развивают интеллект, подпитывают культуру. Исходя из этого следует, что изучение языка включает в себя эмоциональное и духовное взаимодействие, которое невозможно без живого общения. Если говорить о дистанционном обучении русскому языку как иностранному, то уменьшение живого общения между преподавателями и студентами, а также между самими студентами отрицательно сказывается на формировании и развитии навыков устной и письменной речи, на поддержании мотивации учащихся на должном уровне, на посещаемости онлайн-уроков.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что для эффективного проведения образовательного процесса в дистанционном обучении иностранному языку, преподавателю необходимо постоянно поддерживать живое общение со студентами, повышать их мотивацию к изучению иностранного языка, сохранять интерес к занятиям и помогать учащимся лучше сосредоточиться на учебном процессе.

Согласно Умбрейту и Агнегеру (Umbreit, Arnegger, 1993; см.: Ünal, 2005, 211) курс изучения языка, ориентированный на студентов, напрямую обеспечивает формирование реальной коммуникативной среды. Создание реальной коммуникативной среды является одной из основных целей как коммуникативного метода, так и межкультурного подхода в обучении иностранному языку. Реальная коммуникативная среда, стимулирование активности и творческого начала студентов позволяют повысить мотивацию и заинтересованность обучающихся. Естественным следствием такой организации процесса обучения является повышение качества овладения иностранным языком. А естественным материалом, используемым в такой организации процесса обучения, являются художественные тексты – идеальный инструмент на пути к реализации коммуникативного метода, межкультурного и творческого подходов в обучении иностранному языку (Rück, 1990, см.: Ünal, 2005, 209).

Работа с художественным текстом в дистанционном обучении РКИ – это прежде всего чтение, обсуждение произведения, живой диалог с преподавателем и одноклассниками, творческие задания, а уже потом теоретические.

Н.В. Кулибина (2015, 126–127) считает, что такая работа будет иметь успех, если художественный текст будет правильно подобран в зависимости от уровня знаний студентов и будет вызывать интерес. Правильно подобранные художественные тексты пробуждают у студентов интерес к изучению иностранного языка, естественным образом стимулируют их заинтересованность в учебе, повышают аффилиацию, сохраняют актуальность занятий и помогают учащимся лучше сосредоточиться на дистанционном учебном процессе.

Художественные тексты – это языковой материал с ярко выраженной нравственной окраской. Известно, что художественные произведения учат читателей быть чище, сильнее, богаче и одухотвореннее. В них идет речь о доброте, человечности, милосердии, совести и любви к Родине. Художественные произведения побуждают читателей не только думать, но и формировать нравственные позиции, что особенно важно в трудные периоды жизни. Таким сложным периодом жизни является пандемия Covid-19 и режим самоизоляции, повлекший за собой изменения эмоциональной и когнитивной сфер в социальных и профессиональных группах, в том числе и у студентов, изучающих русский язык как иностранный. Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что использование художественных текстов в вынужденном дистанционном обучении русскому языку как иностранному играет не только обучающую роль, но и помогает справиться с тревожностью и стрессом в период пандемии и режима самоизоляции, легче адаптироваться к новым неизвестным условиям. Работа с образцами классической и современной русской литературы, обладающими высокой художественной ценностью, повышает активность студентов, их мотивацию к обучению и развитие у них самостоятельного мышления.

В данной статье предлагается один из возможных вариантов работы с рассказом Константина Георгиевича Паустовского *Кружевница Настя* (1941) на занятии по развитию речи в группе иностранных студентов-филологов (уровень В1, отделение русского языка и литературы, Стамбульский университет). Мы полагаем, что урок с использованием данного художественного текста будет сопоставим эффективным, грамотному и запоминающемуся процессу дистанционного обучения русскому языку. Этот рассказ, будучи привлекательным, вызывающим интерес, пробуждающим множество эмоций, стимулирует у студентов-иностранцев развитие навыков аудирования, понимания услышанного, мотивирует и побуждает студентов к созданию собственных текстов (Şengüder, 2021, 196).

Основной целью занятия с использованием рассказа *Кружевница Настя* стало самостоятельное понимание студентами художественного текста.

Ведь, как отмечает Н.В. Кулибина (2010, 183), нужно так организовать урок с использованием художественного текста, чтобы

[...] свести к минимуму различного рода собственные комментарии к тексту, разъяснения того, как учащиеся должны понимать тот или иной фрагмент текста или весь текст, и поставить учащихся в ситуацию, когда они вынуждены активизировать весь свой читательский и жизненный опыт для освоения текста.

Данный художественный текст предназначен для чтения и работы над устной речью студентов, что особенно актуально в дистанционном обучении русскому языку. В учебной работе над художественным текстом выделяются три этапа: предтекстовый, притекстовый и послетекстовый (Морозов, 2012, 47). Предтекстовые упражнения направлены на активизацию пройденного материала, на повторение лексических единиц и грамматических форм, которые будут использоваться в последующей после чтения текста разговорной деятельности студентов. Процесс прочтения направлен на формирование речевых умений, используется изучающий вид чтения с детальным разбором каждого фрагмента текста. Следовательно, послетекстовые упражнения направлены на контроль и детальное понимание текста. С целью повышения мотивации учащихся в качестве послетекстовых упражнений можно использовать творческие задания.

Рекомендации по созданию онлайн-урока с использованием рассказа К. Паустовского *Кружевница Настя* построены на основных положениях онлайн-обучения РКИ и общих принципах разработки онлайн-курса РКИ для иностранных учащихся, владеющих русским языком на уровне В1, предложенных Н.П. Дмитренко, О.Н. Колчиной и Д.В. Мосовой в работе *Общие принципы онлайн-обучения русскому языку как иностранному* (2021).

Далее приведем эти основные положения дистанционного обучения РКИ и общие принципы разработки онлайн-курса русского языка как иностранного, подкрепляя их примерами, взятыми из проведенного нами урока:

1. Общее положение о коммуникативной направленности обучения подразумевает использование аутентичных материалов в дистанционном обучении русскому языку как иностранному.

По мнению Н.П. Дмитренко, О.Н. Колчиной и Д.В. Мосовой,

[...] аутентичные материалы, с одной стороны, должны быть посильными, соответствовать уровню знаний и умений учащегося, с другой стороны, должна решаться задача расширения лексико-грамматического запаса, в предлагаемых текстах, аудио- и видеоматериалах должен содержаться потенциал для качественного роста, прогресса, совершенствования навыков и умений (Дмитренко и др., 2021, 66).

Учитывая все вышеприведенные факторы, нами был выбран для чтения рассказ К. Паустовского *Кружевница Настя*, приуроченный к одному из официальных праздников России – Дню Победы.

2. Общее положение о предварительном анализе текстов с точки зрения лексических и грамматических трудностей.

Художественные тексты не могут не содержать лексических единиц, выходящих за пределы лексического минимума студентов. В них много единиц разговорного стиля речи и фразеологизмов. Эти и другие особенности вызывают трудности в понимании художественных текстов студентами-иностранцами, но они не должны снижать мотивацию обучающихся. С этой целью нами был проведен лингвометодический анализ рассказа *Кружевница Настя*, выявлены незнакомые учащимся слова, выражения и грамматические конструкции.

3. В каждом онлайн-уроке должен содержаться словарь, включающий семантизацию слов или выражений, необходимый грамматический комментарий и контекст употребления.

Словарь с использованием художественного текста должен включать лексические единицы, не входящие в лексический минимум данного уровня. Однако, если о значении незнакомого слова легко догадаться по контексту и оно не является частотным и (или) актуальным для данной темы, включать это слово или выражение в словарь урока не кажется целесообразным. В тех случаях, когда это возможно, для преодоления лексических трудностей следует использовать когнитивные стратегии: языковую догадку, опору на контекст и тому подобные приемы, к словарю обращаясь в последнюю очередь (Щукин, 2003, 169).

Ниже представлен фрагмент образца словаря урока с использованием рассказа *Кружевница Настя*.

– *Опрокинуться (опрокидываться)* – падать вверх дном, валиться на бок; переворачиваться.

– Здесь: появляться / появиться.

– Контекст: Две радуги-подруги опрокинулись над вершинами.

– *Койка*.

– Здесь: кровать.

– Грамматика: существительное, неодушевленное, женский род, 1-е склонение.

– Контекст: Раненый лейтенант Руднев поднялся на койке и долго смотрел на кузнечика и на занавеску.

– *Бранить / выбранить* (разг.) – порицать, осуждать кого-либо или что-либо.

– Синоним: ругать / отругать.

– Контекст: Бранить ее не будет, все простит, но понять – не поймет.

Кроме словаря, перед прочтением художественного текста рекомендуется дать культурно-исторический комментарий, необходимый для понимания текста.

Так, нами была представлена страноведческая информация, необходимая для понимания рассказа. Для этого была создана презентация: *Народные промыслы России. История кружева* (Şengüder, 2021, 199).

4. Инструкции к заданиям.

Инструкции к заданиям даются на русском и на родном языке студентов (в данном случае на турецком). Необходимо дать информацию, которая облегчит понимание и выполнение заданий. На основе текста студенты выполняют упражнения на совершенствование языковых и речевых, лексических и грамматических навыков. Обычно эти задания даются на предтекстовом этапе работы над художественным текстом.

Ниже представлена инструкция упражнения, направленного на повторение глаголов движения, а также прямого и переносного значений.

Цель этого задания – повторение глаголов движения и употребление их в прямом или переносном значении.

а) Найдите в тексте глаголы движения в прямом и переносном значении.

б) Alıştırma 1 (инструкция на турецком языке).

– Alıştırmanın amacı: Hareket fiillerinin tekrarı. Fiillerin temel ve mecazi anlamları.

– Metinde bulunan temel ve mecazi anlamda kullanılan hareket fiillerini yazınız

Система послетекстовых заданий включает стандартизованные (тренировочные) и творческие (речевые) упражнения.

5. Система стандартизованных (тренировочных) заданий.

Исследователи Дмитренко, Колчина и Мосова значительное место в содержании онлайн-урока с использованием художественного текста отводят стандартизованным заданиям, охватывающим весь лексический и грамматический материал текста: «Возможны задания имитативные, задания закрытой формы (тесты множественного выбора), задания открытой формы (восстановление формы, текста), задания на установление соответствия, задания на установление правильной последовательности» (Дмитренко и др., 2021, 71).

Ниже даны примеры некоторых стандартизованных заданий к уроку с использованием рассказа.

а) Читайте предложения с постепенным наращиванием элементов:

– Гроза. Гремела гроза. В горах Ала-Тау глухо гремела гроза. Ночью в горах Ала-Тау глухо гремела гроза.

– Ручей. Ручей рычал. Ручей рычал и перекатывал камни. В пропасти рычал и перекатывал камни ручей.

– Он. Он рассказал. Он рассказал мне. Он рассказал мне эту историю.

б) Выпишите из текста 10 глаголов. Укажите падежные формы.

Образец: уехал работать (куда?) на пустынный наш Север – винительный падеж.

в) Выберите из правого столбика прилагательные антонимичные прилагательным левого столбика. Скажите, с какими из нижеданных существительных они сочетаются?

большой сложный мокрый старый	простой сухой новый маленький
узор, кузнечик, цветы, пароход.	

6. Система творческих заданий.

Творческие задания направлены на развитие умений разговорной и письменной речи, выполняются самостоятельно, не носят тестового характера, оцениваются преподавателем.

Н.М. Андронкина (2011, 95–96) приводит примеры творческих заданий, направленных на формирование речевых умений, которые можно использовать на послетекстовом этапе, после прочтения текста:

- упражнения на соответствие предложений содержанию текста;
- вопросно-ответные упражнения к тексту;
- упражнения на частичный, общий пересказ текста, пересказ от первого лица, от имени главного героя;
- упражнения на составление диалогов между героями;
- упражнения, выполняемые в микрогруппах: составление диалогов, ролевые игры, прием драматизации и т.п.
- творческие работы: сочинения, изложения, сочинения-миниатюры и т.д.

Ниже даны примеры некоторых творческих заданий к уроку с использованием рассказа.

а) Проверьте правильно ли вы поняли рассказ К. Паустовского *Кружевница Настя*. Для этого письменно ответьте на нижеследующие вопросы:

- Где и когда произошла история, о которой рассказал раненый лейтенант Руднев?
- Как описывает автор кружевницу Настю?
- Почему Насте пришлось ухаживать за раненым Балашовым?
- Какой старый обычай существовал в те годы в деревне?
- Почему Настя решила поехать в Ленинград?
- Что произошло в Ленинграде?
- Кто спас Настю и помог ей?
- Разлюбила ли Настя Балашова, когда узнала всю правду о нем?
- Какая легенда возникла на фронте? Как ее рассказывали бойцы?
- Какова судьба Балашова и Насти?
- Объясните, почему К. Паустовский назвал свой рассказ *Кружевница Настя*.

– Что общее он видит между строгим и прочным северным кружевом и историей, которая произошла с северянкой Настей?

б) Поделитесь в письменной форме своими впечатлениями от прочитанного вами рассказа.

в) Перескажите рассказ от своего имени.

7. Система заданий, направленных на проверку понимания основного смысла текста, на выявление его идеи.

Как и творческие упражнения, эти задания также целесообразно использовать на послетекстовом этапе.

Ниже даны примеры заданий, направленных на проверку понимания основного смысла рассказа *Кружевница Настя*, на выявление его идеи.

а) Найдите в тексте предложения, в которых раскрывается главная идея рассказа Паустовского. А какова, по вашему мнению, основная идея этого рассказа?

б) Как, с вашей точки зрения, автор относится к своим героям? Докажите, используя фрагменты текста.

в) Напишите, что вы думаете о героях этого рассказа, какое они на вас произвели впечатление?

г) Напишите анализ рассказа, используя конструкции, данные ниже.

– Автор рассказа – (кто?)

– Рассказ называется

– Рассказ написан на тему (чего? какую?)

– В рассказе говорится (о чем?)

– Автор показывает (что?)

– Герои рассказа – (кто?)

– Сюжет рассказа:

– Рассказ мне (не) понравился, показался (не) интересным, потому что

Контроль выполнения заданий по тексту и обратная связь со студентами были организованы посредством нескольких форм:

а) выполнение заданий письменно в тетради и отправка фотоотчета преподавателю;

б) выполнение письменных заданий в Word и отправка на e-mail;

в) запись аудиофайлов-ответов на устные задания и отправка на e-mail.

В заключение еще раз отметим преимущества использования художественных текстов в дистанционном обучении РКИ. Организация дистанционного обучения русскому языку как иностранному требует использования материалов, повышающих мотивацию студентов, раскрывающих их внутренние резервы, обучающих всем видам речевой деятельности (говорению, аудированию, чтению и письму), формирующих у учащихся коммуникативную компетенцию, лексико-грамматические, фонетические навыки и т.д. Таким материалом и являются художественные тексты. Руководствуясь принципами дистанционного обучения русскому языку как иностранному, можно разработать алгоритм создания эффективных онлайн-уроков с использованием художественных текстов для иностранных студентов-филологов, дистанционно изучающих русский язык.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андронкина, Н.М. (2011). *Языковая и методическая адаптация текста в обучении иностранному языку*. В: М.К. Колкова (ред.), *Современная методика соизучения иностранных языков и культур* (94–112). Санкт-Петербург.
- Дмитренко, Н.П., Колчина, О.Н., Мосова, Д.В. (2021). *Общие принципы онлайн – обучения русскому языку как иностранному*, Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, 2 (41), 64–73.
- Журавлева, Л.С., Зиновьева, М.Д. (1984). *Обучение чтению (на материале художественных текстов)*. Москва: Русский язык.
- Кулибина, Н.В. (2010). *Сборник лекций и методических материалов по проблемам преподавания русского языка*. Москва: ИКАР.
- Кулибина, Н.В. (2015). *Зачем, что и как читать на уроке*. Санкт-Петербург: Златоуст.
- Морозов, В.Е. (2012). *Методика урока русского языка как иностранного*. Москва: ВК.
- Шукин, А.Н. (2003). *Практическая методика обучения русскому языку как иностранному*. Москва: Русский язык.

- Andronkina, N.M. (2011). *Yazykovaya i metodicheskaya adaptatsiya teksta v obuchenii inostrannomu yazyku*. V: M.K. Kolkova (red.), *Sovremennaya metodika soizucheniya inostrannykh yazykov i kul'tur* (94–112). St. Petersburg.
- Dmitrenko, N.P., Kolchina, O.N., Mosova, D.V. (2021). *Obshchie printsipy onlain – obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu*, Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki, 2 (41), 64–73.
- Kulibina, N.V. (2010). *Sbornik leksii i metodicheskikh materialov po problemam prepodavaniya russkogo yazyka*. Moscow: IKAR.
- Kulibina, N.V. (2015). *Zachem, chto i kak chitat' na uroke*. St. Petersburg: Zlatoust.
- Morozov, V.E. (2012). *Metodika uroka russkogo yazyka kak inostrannogo*. Moscow: VK.
- Shchukin, A.N. (2003). *Prakticheskaya metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu*. Moscow: Russkii yazyk.
- Zhuravleva, L.S., Zinov'eva, M.D. (1984). *Obuchenie chteniya (na materiale khudozhestvennykh tekstov)*. Moscow: Russkii yazyk.

- İnce Yakar, H.G., Fedai, Ö. (2020). *COVID–19 Salgını Sürecinde Yükseköğretimde Türk dili ve edebiyat eğitimi*, Rumelide Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi, (Ö9), 77–99. <https://doi.org/10.29000/rumelide.985285>.
- Özkan Bardakçı, M., Bardakçı, Ş. (2021). *Covid-19 Döneminde Uluslararası Öğrencilerin Yaşadığı Sorunlar*, Journal of Society & Social Work, Covid-19 Özel Sayı Cilt, 1, 69–86. <https://doi.org/10.33417/tsh.985669>.
- Rück, H. (1990). *Fremdsprachenunterricht als Literaturunterricht*. In: *Literatur im Fremdsprachenunterricht – Fremdsprache im Literaturunterricht* (7–21), Frankfurt am Main: Moritz Diesterweg.

- Şengüder, Z. (2021). *Yabancı dil olarak Rusça öğretiminde edebi metinlerin işlevi*. Doktora Tezi, İstanbul: İstanbul Üniversitesi.
- Umbreit, M., Arnegger, M. (1993). *Kurze literarische Texte als Schreibimpuls im Fremdsprachenunterricht Deutsch, Materialien Deutsch als Fremdsprache*, In: *Schreiben im DaF-Unterricht an Hochschulen und Studienkollegs I. Forschungsergebnisse – Didaktische Konzeptionen – Übungsformen* (221–250), 37.
- Ünal, D.Ç. (2005). *Yabancı Dil Öğretiminde Edebi Metinler: Yenilikçi Yaklaşımlara Geçiş Süreci ve Gereksinimleri*, Hacettepe Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi, Hacettepe University Journal of Education, 29, 20–212.

Петр Червинский (Petr Chervinskii)

 <http://orcid.org/0000-0001-6575-5736>

Uniwersytet Śląski w Katowicach

Wydział Humanistyczny

41-206 Sosnowiec, ul. Grota-Roweckiego 5

czervinski.piotr@gmail.com

Трава «несознания» в русско-славянской ретроспективе

The Grass “Unawareness” in the Russian-Slavonic Retrospective

Резюме

Опираясь на тексты малых жанров фольклора, такие, как скороговорки, пословицы, поговорки, а также устойчивые, в том числе сравнительные, обороты и сочетания русского языка с компонентом *трава*, автор показывает не только явную, но и скрытую в них семантику, представляющую собой при объединении определенный круг, на основе которого возможны впоследствии всевозможного рода вербально-речевые проекции. К таковым относятся, в частности, тексты песенного дискурса 70-х годов XX века, в которых себя проявляют через не прямое посредство *травы*, эмотивные состояния в их отношении к проживаемой действительности. *Трава* становится косвенным, но только на первый взгляд, средством выражения не до конца осознаваемого в своих ощущениях чувства, имеющего не индивидуальный, а национально-культурный характер, обусловленный связями как исторического, так и этимологического происхождения. Общеславянский как семантический, так и этимологический материал позволяет в этой связи представить не только исходный фон и тон, но и себя отражающего далее в текстах как народно-традиционного, так и лирического проявления. На основе проделанного анализа автор приходит к выводу о возможности диахронно-синхронического подхода к исследованию определенного круга семантики, реализующего себя в словах и их корнях, которые можно рассматривать как насыщенные многообразными и не всегда уловимыми формами эмотивно заряженных переходных и переходящих одно в другое соотношений.

Ключевые слова: семантика слова и корня, этимология, песенный дискурс, малые жанры фольклора, скороговорки.

Summary

The article addresses small genre texts such as sayings, tongue-twisters, proverbs and permanent expressions in the Russian language, which contain the “grass” element. Some of these items are of comparative character, and they have some open/hidden semantics. This semantics in general is a certain range which presents all kinds of verbal-linguistic projections. The texts of songster discourse of the 1970s are indirectly a part of these projections and by means of “grass” manifest emotive states and their relationship with the experienced reality. “Grass” is an ostensibly indirect means of the feeling that is not fully realised. This feeling is not of individual but of national and cultural character. This character is closely bound with the historical and etymological factors. The Slavonic wide semantic material makes it possible to characterise the primary background as well as the shades of meaning which are shown in the traditional folk and poetic texts. On the basis of the analysis, the author comes to a conclusion that it is possible to approach the diachronic and synchronic study of a certain range of semantics in simultaneity. This semantics realises itself in words and their roots which can be admitted and can be considered emotively charged and saturated with diverse and not always perceptible forms of a transitional, mutual relation.

Keywords: root and word semantics, etymology, songster discourse, small folk genre, tongue-twisters.

Предлагаемая постановка вопроса может несколько озадачить. Не то чтобы без повода, но и не без причины. И дело тут не в возможных, хотя и не случайных, ассоциациях и связях, отталкиваясь от которых, если без особых на то оснований, можно зайти далеко, хотя бы и не потеряться. Не в ассоциациях и связях, а в подходе. Имеются сознание, языковое сознание, полусознание, бессознание, коллективное и индивидуальное бессознательное, которые, соединяясь, направляют национально предопределенное и в языке отражаемое чутье. Или, может быть, чувство, если под чувством в разбираемом отношении понимать не всегда объяснимое существование языка в сознании его носителей. Не столько сознанию, сколько в органике и настроенности всего человека, а точнее в нем не его языка, не его, поскольку совместно-общего, однако с учетом того, что и как он чувствует, что и как переживает и ощущает, в чем существует и чем живет, уходя своими корнями в глубины не одного только индивидуального опыта. В языке этом, как организме¹ и чувстве, в его проявляемых коммуникативно и узуально словесных и речевых формальных проекциях, и выражает, реализует себя то, что, не имея другого определения, обозначено было словом *чутье*. Об этом себя выражающем в языковых формах чутье, но не только о нем и не

¹ Представление о языке как живом организме, подобном в своем развитии человеку: языки, как и люди, рождаются, растут, стареют и умирают, оформляется в работах немецкой натуралистической школы (А. Шлейхер), хотя элементы такого подхода появляются раньше. В. фон Гумбольдт и Ф. Бопп активно и часто используют термин *организм* (Organismus) применительно к языку. См. об этом: Амирова, Ольховиков, Рождественский, 2005, 323 и посл.

вполне о нем, и пойдет речь в дальнейшем. Будет затронут пласт того скрывающегося и ускользающего от сознания и осознания «языка», который, действуя внутренне как механизм, может точнее, как орган, производит из себя, выводя на поверхность то, что с трудом, неоднозначно и не вполне последовательно, способно быть определено, не особенно поддаваясь ясному и очевидному представлению.

Начнем с рассмотрения не совсем простого примера, с тем чтобы от него перейти к последующему. Известная издавна в национально-культурном русскоязычном ареале скороговорка (так ее, впрочем не без оснований, принято определять), если вникать, отталкиваясь не от одного только звучания ее составляющих слов, и в этом противоречия нет, может и озадачить, и вместе с тем не озадачить, поскольку зависит все от того, как на данный вопрос посмотреть. Можно, конечно, уйти от вникания и поиска, исходя из того, что ежели скороговорка, то и игра, звучание слов, но только ли игра с одним лишь звучанием? Скороговорка эта, о которой речь, по чутью ли и в силу незнания, а потому и в известном смысле не так чтобы случайно воспринимается как загадка, тому подтверждение можно найти в высказываниях носителей русского языка на разных порталах. Не углубляясь в этот вопрос и не давая оценки подобному представлению, отметим его для дальнейшего. Но коль есть загадка, то и возможен, идя в рассуждениях далее, предполагаемый в виде отгадки ответ, каковой не находится, и от этого положение с тем, что словами описано, выглядит еще более интригующим и, играя опять же словами, загадочным.

Скороговорку эту, о которой речь, принято определять в русскоязычном культурном контексте как общеизвестную², имеет исходный, более полный и укороченный варианты. Полный – *На дворé травá, на травé дровá, не руби́ дровá на травé дворá*. Укороченный – без второй, от *не руби*, части. Составитель *Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений*, традиционно относя данную единицу в разряд скороговорок, отмечает ее как пустую, видя смысл подобного рода выражений лишь в том, чтобы дети учились на них говорить, забавляясь (Зимин, 2012, 470). Не будем подобного стертого мнения опровергать, обратив не попутно внимание лишь на то, что, видимо и скорее всего, далеко не в одном этом можно усматривать скороговорочный смысл.

Говоря о забаве, но не исключительно для детей, а возможно и не для детей, стоит отметить имеющиеся у разбираемой единицы развитие и продолжение. Существует также известный, такой расширенный вариант: *На дворé*

² На ее таковую общеизвестность может указывать хотя бы тот факт, что выпущенная в 2010 книга скороговорок (для чтения взрослыми детям) носит именно такое название – *На дворе трава, на траве дрова* (Москва: Детский мир), не говоря о многочисленных современных, в том числе и песенных, вариациях этого текста.

травá, на травé дровá: раз дровá, два дровá, три дровá. И сходный с ним, но без *травы*, к которому для представления о *дровах* можно будет вернуться: *На дворé дровá, за дворóm дровá, под дворóm дровá, над дворóm дровá, дровá вдоль дворá, дровá виширь дворá.* У этого первого есть такое развитие: *На дворé травá, на травé дровá – раз дровá, два дровá, три дровá: дровá вдоль дворá, дровá виширь дворá, не вместит двор дров, надо дровá выдворить обрáтно со дворá.* И более полный, по-видимому, вариант у второго: *На дворé травá, на травé дровá – раз дровá, два дровá, три дровá: на дворé дровá, за дворóm дровá, под дворóm дровá, над дворóm дровá, дровá вдоль дворá, дровá виширь дворá, не вмещáет двор дров! Наверно, выдворим дровá с вáшего двора обрáтно на дровяной двор.*

И эта была бы первая группа для предлагаемого в отношении *травы* рассуждения. Вторую составит группа отмеченно современных развитий – исходного: *На дворé дровá, на дровáх братвá, у братвы травá.* И его поясняющего: *На дворé травá, на травé дровá, на дворé братвá, у братвы трава, как курнут травы, – вся братвá в дровá.* С еще одним вариантом: *На дворé травá, на травé дровá, на дровáх братвá, у братвы травá. Как курнет братвá, вся братвá – в дровá. Хороша трава.*

Интересовать нас будут, в избранном для рассуждений ключе, два представляемых не случайными и взаимосвязанными (в отношении «несознания») обстоятельства, которые могут позволить отметить нечто не безразличное для *травы*. Во-первых, для первой группы то, что пойдет к *дровам* (при *дворе* и с *двором*). А во-вторых, к *братве* с *дровами* – для группы второй. И если конкретно, то, следуя из того, что по текстам для первой группы можно видеть не только звучание, пусть и с забавой, но и что-то еще в том, что выражено: **а) раз дрова, два дрова, три дрова; б) не руби дрова на траве двора; в) дрова вдоль двора, дрова виширь двора; г) не вмещит двор дров; д) надо дрова выдворить обрáтно со двора? А также – е) на дворе дрова, за двором дрова, под двором дрова, над двором дрова, дрова вдоль двора, дрова виширь двора, не вмещает двор дров и ж) выдворим дрова с вáшего двора на дровяной двор?** И для группы второй, исходя не только опять же звучания, появление *братвы* при *дровах*, с далее определенным и следующим из контекста соположением *вся братва – в дрова?*

Обратимся ко второму, как к более, на первый взгляд, очевидному. Устойчивое для современного разговорного языка выражение *кто-то – в дрова*, предполагающее обычно, но не обязательно, субъектно-объектную не единичность, в значении ‘находящийся в неподвижно-тупом, бессознательном, мало что соображающем положении, вследствие употребления перед этим увеселительных средств, алкогольного и наркотического происхождения’, соотносимо также с не редким для современной речи оборотом *Не дрова везешь*, при обращении к шоферу, автобуса, грузовика, не слишком старательно везущему своих пассажиров, отчего их во время поездки дергает,

трясет и толкает. Выражение это семантически находит свое подтверждение в единицах, приводимых в *Большом словаре народных сравнений* (177): *как (что) дров в полёнице (кого, чего) новг.* ‘много’; *накласть что дров брян.* ‘о людях в телеге, машине’; *лежать как дрова* ‘о людях, неподвижно и беспорядочно лежащих’; *как дрóвы пск.* ‘о слабых, больных, старых и малоподвижных людях, а также о твердой и жесткой пище’; *Друг друга губят, что дрова рубят.*

Из чего получается весьма устойчивое представление о дровах как о людях в аспекте телесной, скажем так, их неподвижности, неспособности передвигаться и производить самостоятельные действия и движения, зависящих в определенном смысле и в каких-то случаях от действий и воли другого (других). Находит это свое отражение, в частности, в молодежном сленге. В одном из значений, применительно к человеку, *дрова* означают ‘пьяного, не способного стоять на ногах’, что близко к разбираемому в скороговорке случаю, а также в еще одном значении ‘конечности’ и ‘неквалифицированного игрока самого низкого уровня’³. Из чего получалось бы то, что, собственно, уже было выведено для признака неспособности к самостоятельному передвижению, жесткости, твердости, также и в переносном смысле, в близкой к мертвому положению окостенелости. К этому можно добавить разоружающую примитивность и простоту, находящие свое отражение в сленге, хотя и не в применении к человеку: ‘ерунда, безделица, чушь’, *Это не проблемы, а дрова* (см.: Елистратов, 2000, 122)⁴.

Обращаясь к рассматриваемой скороговорке в современных ее вариантах, можно видеть не только рифмующееся, но и внутренне обусловленное соотношение *травва – братва – дрова*. Если вторая пара *братва – дрова*, предполагает своей мотивацией то, на что было обращено внимание в предыдущем абзаце, однако, что необходимо добавить в конечном своем итоге (*братва – в дрова*), то первая пара *травва – братва* требует пояснений. Так же, впрочем, как и *дрова – братва* не в итоге, а при исходной части, где *на траве (дрова)*.

Прежде всего обратимся в своем пояснении к тому, что такое *братва*. Не вдаваясь в детали и уточнения, приведем толкования этого слова по двум словарям, отражающим современное состояние. *Большой толковый словарь русского языка* (Кузнецов, 2000, 95) дает такое определение: «*собр. Фам. Брáтия (2 зн.). Матросская, солдатская б. Его вся б. знает*». И, соответственно, *братия*

³ Оба значения приводятся в: Мокиенко, Никитина, 2000, 167, как 6-е и 7-е, с пометой *мол. шутл.-ирон.*, и в: Никитина, 2003, 168, как 2-е и 3-е., с пометой *шутл.-ирон.*, хотя о шутливости, пусть и с иронией, вряд ли стоило бы в этом случае говорить, оттенок, скорее, более резкий, насмешливо-пренебрежительный, если не неприязненный в каких-то употреблениях.

⁴ Там же, во 2-м знач., даются ‘конечности (обычно ноги)’, без указания на его молодежность, с таким примером: *Ну-ка, двинься, чего ~ [дрова] разложил?*

2. *Шутл.* Люди, связанные общим делом, условиями существования и т.п.; люди одного круга, одной компании и т.п. *Ученая, актерская, пишущая б. Музыку любит вся наша б.*

Большой словарь русской разговорной речи В.В. Химика, в свою очередь, содержит следующее (57):

*БРАТВА⁵, *бы, же, собир.* 1. *Разг.-сниж.* Друзья-сообщники, приятели, товарищи (обычно связанные какими-л. отношениями). *Привет, б., закурить не найдется? (...)* 2. *Жарг. крим.* Уголовники, члены преступных группировок».

Как подсказывает контекст, *братву* с травой при дровах следует понимать в 1-м значении по словарю В.В. Химика, и это было бы разговорно-сниженное по своему характеру слово. А если иметь в виду значение литературное по первому словарю, то в отношении 'люди одной компании', т.е. в сужении (помета *Шутл.* была бы тогда слишком мягкой) с тем немаловажным фактическим уточнением, что речь не о людях вообще, но о представителях мужского пола и далеко не старого возраста, т.е. тех, кого называют *парни*.

В этом смысле и отношении *братву*, помимо ее связи с *дровами* (о чем пойдет еще речь) возможным становится также соотнести и с *травой*, но не как тем, что имеется у нее, позволяя *курнуть*, а как тем, что семантически с ней самой согласуется. Припомнить следует в объяснение данной связи такие известные выражения: *растет (растут) как трава* 'без ухода, призора, присмотра, внимания со стороны старших, родителей, о детях', с вариантами по *Словарю народных сравнений* (687) *расти как сорная трава, как трава в степи (в поле), расти как бурьян [глухой], крапива [у забора], сорняк, сорная трава*; сюда же не из словаря *Дурная трава в рост идет* 'о высоком недоросле, парне, подростке и при этом обычно не слишком быстрым умом'. А также из Даля: *Худая трава из поля вон* 'о человеке, от которого необходимо избавиться'; *Выживает он меня как худую траву из поля (из поскотины⁶)*, что, правда, предполагает мужское действующее лицо, но вместе с этим и более близкое к определяемому – *Как худая трава, только ноги оплела!* 'плохой муж'. И из того же *Словаря народных сравнений: как трава* 'о бестолковом'; *зелен как трава, зеленый как [молодая] трава; лезть в глаза кому словно песья трава* 'ежа сборная (*Dactylis glomerata*), ежа

⁵ Звездочкой слева в словаре отмечается «слово в переносном значении (сниженные и экспрессивные значения нейтральной нормативной единицы)» (Химик, 2004, 19).

⁶ «*Поскóтина* ж. выгонь, толока, пастбище, спускъ. *Городская поскотина*. || Городьба вокруг выгона, изгородь, околица, прясла с запорами» (Даль, 2000, III, 333). «ПОСКÓТИНА, -ы, ж. *Обл.* Пастбище, выгон, непосредственно прилегающие к деревне и со всех сторон огороженные изгородью. ... || Изгородь вокруг такого выгона» (*Словарь русского языка*, 1984, III, 315).

обыкновенная, южа, палочник, песья трава'; *надоесть кому как чахоточная (чихотная) трава* 'травяной отвар против чахотки'; *трава травой* 'о пище и о мягком, слабохарактерном человеке'; *как трава в лесу* 'о толпе людей в их неразличимости и однообразии' и сюда же также 'о множестве' – *кого, чего, где, что травы на поле*.

Трава тем самым во внутренне-мотивирующем соположении соотносится применительно к человеку с общеродовым о нем представлением. Человек любой и как таковой, а так же, далее и при сужении, – а) соотносится с подрастающим и молодым, б) подрастающим молодым мужского пола, в) мужского пола не исключительно молодым, но таким, который, и этот признак может быть также и общеродовым, г) путается, мешает, лезет куда не надо, надоедает, ни на что не пригоден, а в соединении, совокупности и толпе д) вызывает чувство нудного однообразия и неразличения в массе своих составляющих.

Предполагая признаком мужское, при не общеродовом в отношении *травы* предпочтение, не безразличным видится припомнить такую известную, хотя и не современную, имеющуюся у Даля пословицу: *Девушка не травка, не вырастет без славки*. Понять ее, внутренне, а потому скорее почувствовать, можно в двух отношениях. Для *травы* или *травки*, по поводу которой *славка*, которую следует понимать как дурную молву, языки, не слишком благоприятные оценки и мнения по поводу дозамужнего поведения, представляя, что для *травы* подобное положение недействительно, поскольку *трава* или *травка*, она и есть *трава*, что с нее взять и что с нее требовать? Мнения о траве в этом смысле не может быть. И применительно к парню, еще неженатому, девушке в параллель, для которого, как для травы или травки, *славка*, как получается будет также не приложима и не восприимчива. Не существенно оно для него, а если существенно, то совсем в другом применении.

Из чего получается, что если женское, пусть и незрелое, незамужнее, молодое, все-таки не *трава*, *травой* становится мужское, молодое и неженатое (зеленое, буйное), незамужнему женскому в параллель. И тогда, развывая соотношение к *братве*, появление ее при *траве*, которая *на дворе* и на которой *дрова*, а на ней *братва*, становится не только внешне, по форме, но и в смысловом отношении не случайным, с уточнением к неединичности, собирательной совокупности состава подобных себе.

Обратимся теперь к *дровам*, что позволит увидеть их отношение не только к людям, но и ко *двору*, имея в виду те характеристики в приведенных ранее пунктах, которые были выделены для первой, традиционно-народной, скажем так, а не подчеркнуто современной группы (с *братвой*). Какие это могут быть люди, если *дрова*, и что может связываться в «несознании», о котором речь, у них со *двором-травой*? Обратимся для этого к все тем же примерам. Не для решения вопроса, что было бы утверждением слишком сильным с учетом затрагиваемого положения вещей, а для поиска внутренних

эмотивных и мотивирующих модуляций, находящих затем свое отражение в словах. Нельзя при этом сказать, что при выведении чего-то интересующего и важного одного, невозможным было бы что-то другое. Однако не в этом дело при выбранном нами подходе. Если имеется это что-то одно, то оно может всплыть затем на поверхность, определяя и представляя собой течение все той же «несознательной» мысли, ее движение, ток, наравне (возможно, а возможно, и не наравне) с другими. И если это течение или ток обнаруживает себя в словесных и речевых проявлениях, есть основания полагать, что за этим нечто стоит и то, что стоит, не случайно.

Задумаемся в том же заданном изначально ключе над общеизвестным *кто в лес, кто по дрова*, постаравшись увидеть в нем нечто для скрытого слуха. С одной стороны, то, что связывается с визуальным и переносным значением, т.е. вразброд, вразнобой, нестройно, нескладно, не в лад, каждый сам по себе, вне общего строя, несогласованно, обычно о пении и об игре на музыкальных инструментах, хотя и не только. С другой – можно на это взглянуть исходя из устойчивого оборота, на базе которого данное выражение появилось, *ехать в лес по дрова*, понимая рассматриваемое буквально. И тогда получается для *кто в лес, кто по дрова*, что один (одни) направляется в лес, а другой (другие) по дрова в то же самое время, и при этом не в лес, что противоречило бы общепонятному положению, поскольку дрова, как известно, в лесу. О базаре с дровами, где, скажем, можно их было бы также купить, с учетом даваемого сопоставления говорить не приходится.

Парадоксально-абсурдная ситуация при общности смысла производимого действия предполагает непонимание того, что представляется очевидным. Так это можно было бы объяснять, не углубляясь и не доискиваясь. Не противоречит это народно-традиционному восприятию, способному видеть в известной всем очевидности то, что способно стать характеристикой не понимающего простых вещей человека. Из чего возникает также такое, как *в лес дрова возить*, т.е. делать нечто бессмысленное и глупое, производить дурную работу, а точнее, излишнюю, не добавляющую ничего к тому, что имеется и чего под недостатком. К этому можно добавить, от тех же слов не отходя, такие народные выражения у Даля: *В лесу дров не нашел! Лесом шел, а дров не видал*. И еще одно, точнее два, но без леса: *Без топора по дрова и Муж по дрова, а жена со двора*.

Посмотрим на это, однако, с иной стороны, не навязывая народному представлению то, что, возможно, ему не свойственно, но задумавшись над представляющемся не вполне случайным и внутренним проявлением. Внутренним, потому что внешне ненаблюдаемым. Не случайным, поскольку связанным, если не с мифологическими, точнее мифологизирующими, то не осознаваемыми, представлениями, того коллективного бессознательного и того вместе с тем «несознания», о котором речь. «Несознание» это подсказывает, что лес и дрова не только не одно и то же, что вроде бы очевидно, но

что, будучи связано, предполагает несовпадающие и разные чего-то общего, если не формы, то ипостаси.

Лес, развивая внутренне ощущаемую мысль, живое и не вполне человеческое, чуждое человеку, обитель умерших, душ и духов⁷. Не будем далее в эту тему входить, в мифологической и лингвистической литературе о лесе написано много⁸. Дрова рубят в лесу, и с этим связаны широко известное [*Чем*] *дальше в лес, [тем] больше дров* и *Лес рубят, щепки летят*. И это второе было известно, и не случайно в его применении к построению социализма в советское время не только в том смысле, что, совершая вроде бы что-то большое и нужное, необходимо видеть какие-то неизбежные, малые по сравнению с рубкой леса потери и следствия, но и в отношении к людям как жертвам производимых ради достижения общего блага репрессий. Не возникло это без внутренних оснований. Приведем лишь один пример. В словаре *Славянские древности* дается такое свидетельство: «Если снится, что в лесу рубят Д.[рова], значит будет мор на людей и скотину (укр.)». И не вполне к этому, однако в том же ключе: «привоз Д.[ров] – смерть женщины (Новы Сонч)» (Усачева, 1999, 138).

Лес, следовательно, место, где можно добыть, получить, нарубив, дрова, но он не дрова и дровам не равный. И тогда получается, что *Лесом шел, а дров не видал. В лесу дров не нашел!*, а также *Без топора по дрова* и *Кто в лес, кто по дрова* отнюдь не бессмыслица для объяснения человека не понимающего и не знакомого с порядком вещей, но нечто иное, что можно иначе интерпретировать и понимать. Дрова – это то, что мертвое, точнее умерщвляемое, в живущем своею жизнью лесу. В лесу дрова можно получить, произведя в нем соответствующие, опустошительные для него по своему результату, направленные на его деревья, действия. В лесу исходно нет дров, а применительно к людям (исходя из языкового и не только языкового антропоцентризма), если лес с живыми деревьями в нем – обитель живого

⁷ Сошлемся в этом месте, не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, на известное замечание В.Я. Проппа: «сказочный лес, с одной стороны, отражает воспоминание о лесе как о месте, где производился обряд [инициации], с другой стороны – как о входе в царство мертвых. Оба представления тесно связаны друг с другом». И несколько ранее: «лес окружает иное царство ... дорога в иной мир идет сквозь лес» (Пропп, 2000, 41) (Выделено мною – П.Ч.). И еще одно не менее важное свидетельство: «ЛЕС – в славянской мифологии и фольклоре locus, наделенный признаками удаленности, непроходимости, необъятности, сближаемой с тем светом и понимаемый как место обитания хозяина леса и других мифологических существ ... а также как пространство небытия. ... Образ леса как *того света* особенно характерен для слав. фольклора» (Агапкина, 2004, 97) (Выделение источника).

⁸ Назовем лишь некоторые работы: Афанасьев, 1868, II, 325–349; Никифоровский, 1907, 68–73; Лурье, 1932, 159–193; Gieysztor, 1982, 263; Peřka, 1987, 105–111; Криничная, 1993; Черепанова, 1996, 139–144; Журавлев, 2005, 507–511; Власова, 2008, 102; Ансимова, Голубкова, 2015.

потустороннего, а также место отправления тех, от кого желают избавиться⁹ и «тот свет»¹⁰, то дрова ничто не мешает в том же ключе воспринять как мертвое и умерщвленное, неживые тела. Не случайно (обращаясь к той же советской действительности) *дровами* определялись в лагерно-административном жаргоне умершие и окоченевшие, вывозимые утром при очищении бараков, наваливаемые на санки, тележки, как дрова.

Отвлекаясь, однако, от представлений бесчеловечного прошлого, бесчеловечного как обезчеловечивающего, и возвращаясь к лесу с дровами, *кто в лес, кто по дрова*, равно как и все остальное из приведенного, можно было бы и представлять по-иному. *В лес дрова возить* выглядело бы не как бессмыслица, а как то, что можно видеть реликтом архаического у славян избавления от заживающих уже не свой век стариков¹¹, от тех, кому вышел срок, кто уже не живой, а мертвый, и кому самое время и путь поэтому *в лес*. И *В лесу дров не нашел! Лесом шел, а дров не видал* не случайны, ибо нету там этих самых дров. Вполне логичным было бы и *Без топора по дрова*, ибо топор для затеянного в отношении так понимаемых дров мероприятия был бы лишним. Остается в этой связи не вполне объяснимой поговорка *Муж по дрова, а жена со двора*, если воспринимать ее не в буквальном смысле и ставить в том же ряду. Однако не будем ее разбирать, что заняло бы немало места с необходимостью обращения к мифологическим связям и смыслам,

⁹ Замечания об этом можно найти у многих авторов, отметим лишь то, что встречаем у В.Я. Проппа, как наиболее известное, специально посвященный вопросу раздел – *Изгнанные и заведенные в лес дети* (Пропп, 2000, 63–66). О ритуале проводов на «тот свет», в контексте рудиментов обряда, сохраняющихся в славянских аграрных праздниках, с указаниями на стариков-посланцев и отправлением их в лес подробно находим в книге: Велецкая, 1978, с отсылками к литературе предмета. Приведем в подтверждение такие свидетельства (с лесом) из этой работы: «В ритуальных действиях *похорон Кузьмы и Демьяна, Костромы, Ярилы, Кострубоньки, кукушки* и т.п. находятся элементы, существенно дополняющие данные о ритуале проводов на *тот свет* (...) К сожалению, зафиксировано оно в (...) материалах уже в качестве молодежного игрища: (...) *девушки готовят чучело, т.е. набивают соломой мужскую рубашку и шаровары и приделывают к нему голову; затем надевают на чучело чепан, опоясывают кушаком, кладут на носилки и несут в лес, за село, где чучело раздевается, и на соломе идет веселая пляска* (Максимов 1903, 521). Аналогии к приведенному в описании способу символического умерщвления в лесу содержатся в некоторых вариантах южнославянских преданий об умерщвлении стариков: в них сын относил своего отца в глухой лес и оставлял под деревом (на произвол судьбы – на съедение диким зверям, голодную и холодную смерть и т.п. (Филипповић, 1967))» (Велецкая, 1978, 50–51). Явление это, определяемое как геронтоцид, известно было самым разным древним народам, хотя выведение в лес и оставление там на смерть стариков не представлялось единственным средством. См. об этом также: Литвинова, 1885; Штернберг, 1902; Абрамов, 1907, со ссылками (Штернберг) на иностранную литературу.

¹⁰ И об этом очень многие пишут, укажем лишь на предыдущую сноску 7, с отсылкой на В.Я. Проппа и Т.А. Агапкину.

¹¹ См. замечания в сноске 9.

отметив только, что не простой это муж и не простая при нем жена, если тот отправляется по умерщвляемые им тела, а та покидает их общий двор с какой-то, возможно подобной, целью.

Вернемся к оставленной скороговорке с травой, двором и дровами, заду-мавшись над озадачивающей повсеместностью этих самых дров, про кото-рые говорится первоначально при троекратном счете, *раз дровá, два дровá, три дровá*, а затем, в пояснение: *на дворé дровá, за дворóm дровá, под дворóm дровá, над дворóm дровá, дровá вдоль дворá, дровá вишьрь дворá*, с подыто-живающим *не вмести́дет двор дров!* и предлагаемым выходом из подобного положения – *Наверно, вы́дворим дровá с ва́шего дворá обрат́но на дровяно́й двор*. Не случайно при этом с *вашего (двора), обрат́но и на дровяной двор*. Иными словами, на вашем дворе им не место, а есть свое у них, их собствен-ный двор, *дровяной*.

Прежде чем пойти дальше, хотелось бы сделать в отношении *травы*, поскольку о ней все же речь (с *двором и дровами*), представляющееся небез-различным этимологическое отступление, которое также может несколько озадачить, если в него вникать.

П.Я. Черных в своем словаре дает такое определение:

ТРАВА́: ‘небольшое растение с однолетним зеленым стеблем, настолько тонким, что его можно растереть между пальцами’; ‘зеленый покров земли, состоящий из таких рас-тений’ (...) О.-с. *trava (корень *trav- < *trōu) : *trēva (корень trēv- < *trēu-). И.-е. база *trēu- (: *trou- : *trū-), корень *ter- – ‘тереть’. На слав. почве родственные образования: рус. *травить* (см.); (в абляуге) ст.-сл. троути, 1 ед. тровж – ‘тратить’, трыти, 1 ед. трыж – ‘тереть’. В других и.-е. языках образования от и.-е. базы *treu- и пр. по значению более или менее далеки от о.-с. *trava. Они в семантическом отношении ближе к рус. *травить* (см.) (Черных, 1999, II, 255).

ТРАВИ́ТЬ: ‘умерщвлять, уничтожать кого-л. отравой’; ‘во время охоты с собаками пре-следовать зверя для поимки или с целью умерщвления’; ‘производить потраву – унич-тожать посевы, топтать луга, поля’; *перен.* ‘изводить, мучить кого-л. преследованием’. *Возвр. ф.* травиться – ‘принимать отраву, яд с целью самоубийства’. *Сущ.* тра́вля, с при-ставками отра́ва, потра́ва. (...) чеш. tráviti – ‘переваривать (пищу в желудке)’, ‘проводить (время)’, ‘травить (ядом)’ (...) potrava – ‘пища’, ‘корм’, ‘фураж’; словац. tráviti – ‘тра-тить’ и ‘отравлять’ [и (о желудке) ‘переваривать’], ср. trovу, *мн.* – ‘издержки’, trovnú, -á, -é – ‘расточительный’; польск. trawić, 1 ед. trawię – ‘переваривать (пищу)’, ‘глодать’, ‘травить’ (напр. металл), а также ‘тратить’, ‘проматывать’, truć (się), 1 ед. truję (się) – ‘от-равлять(ся)’, trutka – ‘отрава’. В некоторых совр. слав. яз. отс.[утствует]. В письменных памятниках древнерусского языка до XVII в. травити отс. Срезневский (III, 984) дает только травити металл – ‘вытравливать’, ‘наводит кислотой узор на металл’ со ссылкой на рукопись 1589 г. Но ср. (XIII в.) трути, 1 ед. трову – ‘тратить’, (XV в.) трыти, 1 ед. трыно (...) Ст.-сл. троути, 1 ед. тровж, трыти, 1 ед. трыж, травити, 1 ед. травлж. ° О.-с. *truti, 1 ед. trovq; абляут *tryti, 1 ед. tryjq; каузатив *traviti, 1 ед. travjq. И.-е. база *treu- (: *trou- : *trū-); корень *ter- (о.-с. основа *trovq < *trōuōn, *travjq < *trōuōjōn) – ‘тереть’, ‘сверлить’ (...) Ср. лит. tráunyti – ‘тереть’, абляут trunėti : trūnėti – ‘гнить’, ‘истлевать’, ‘трухляветь’ (Черных, 1999, II, 255).

Не приводя дальнейшие этимологии, что заняло бы, с учетом следующих из них объяснений, немалое место, и отметив попутно, что и при *терять* П.Я. Черных замечает: «Корень, вероятно, тот же, что в рус. *тереть* (см.), *тратить* (см.) *травить* (см.). Совр. знач. могло развиваться из знач. ‘приводить в упадок’, ‘губить’, ‘утрачивать’» (Черных, 1999, II, 240), – не приводя всего этого, обратим внимание на то, что представляется важным в контексте рассматриваемого.

Для начала сошлемся на представляющееся обоснованным замечание О.Н. Трубачева к словарной статье ТРАВÁ у М. Фасмера, даваемое им в квадратных скобках [Слав. *traviti*, давшее непосредственно *trava*, представляет собой кауз. от *truti*; см.: Славский, JP, 38, 1958, 228. – Т.] (Фасмер, 1987, IV, 92). Из чего получалось бы, что *трава* образовано от *травить* и при этом *тереть* (**trava* относится к **trovq*, **truti*, как *слáва* – к **sløvq*, **sluti*) (Фасмер, 1987, IV, 92), а не, как можно подумать без отнесения к этимологии, наоборот. *Травить*, в свою очередь, ‘переваривать’, ‘потреблять’, ‘тратить’, что можно отметить в целом ряде слав. языков, и с этим, возможно что далее, ‘истреблять (потравой)’, ‘умерщвлять (отравой)’, ‘преследовать (зверя)’ и все последующее.

В основе или не в основе *травы*, тем самым, не это важно, важна, не только исходная, связь лежит себя затем объявляющее представление о действии, предполагающем трение с потреблением, перевариванием, истреблением, тратой, утратой, уничтожением, умерщвлением, преследованием и т.п. Видимо, не случайно П.Я. Черных, на первый взгляд неожиданно, определяет *траву* как растение ‘с однолетним зеленым стеблем, настолько тонким, что его можно растереть между пальцами’. Почему растереть? И в каком это случае делается? Хотя в то же время, с точки зрения представления о той же траве, не так уж важно, что стебель у нее однолетний, не говоря про то, что летом и к осени не всегда зеленый, да и не тонкий во многих случаях, так, что в пальцах и не растереть. Определение у автора словаря появилось в тон и смысл этимологии, по другим словарям чего-то подобного не находим. Однако не только в тон и в этимологический смысл, из чего тогда возникает, опять-таки не случайный вопрос, что же такое тогда *трава*?

Отойдем от словарных, в целом понятных и объяснимых определений¹² совершенно в другую сторону. Для начала приведем такие традиционные выражения: *Быль – трава, небыль – вода. Быль что трава [ноги сплетает]*,

¹² Приведем только два, для сравнения: «ТРАВÁ ж. *травка, -вочка, -вонька, -вушка; травíшка, -вища*; всякое однолѣтнее растенье, или растенье безъ лѣсины, у котораго стебель къ зимѣ вянетъ, а весною отъ корня идетъ новый; сорное, дикое растенье, мельче куста; всякое быліе, зябь, однолѣтнее прозябенъе, злакъ и зелье» (Даль, 2000, IV, 424). «ТРАВÁ, -ѣ, ж. (мн. в том же знач. травы, трав). Растение с однолетними зелеными не подвергающимися одревенению мягкими побегами. *Сорная трава. Кормовые травы. Настой из трав. ...* || Зеленый покров земли из таких растений» (Словарь русского языка, IV, 1984, 393).

небыль, что вода [сбегаем]. Трава, с одной стороны, получается, быль, то, что не просто было, но что действительно было, однако было и быльем (травой) поросло, т.е. ушло навсегда и забылось, заплелось, замелось. С другой стороны, трава – то, что держит и не пускает, ноги сплетает, не отпускает поэтому от себя. Трава незабвения-памяти, а также забвения¹³ и потерянной, утраченной памяти в то же самое время, забывания и забытья (не имея в виду наркотическое, отраженное в современной жаргонной речи, ее значение¹⁴, однако, вместе с тем, и не без него).

И далее, к этому и не к этому: *вянуть / сповянуть как трава ‘о человеке и жизни, его жизни и жизни в нем’, вянуть / повянуть (призавянуть, призавять) как [кошенная] трава, голова у кого вянет как трава, завясть (завянуть) как трава, погаснуть как трава, Человек яко трава, дьянье его яко цвет (цвѣт) селный ‘полевой’, тако цвѣтет* (Мокиенко, Никитина, 2000, 687). Ряд в общем и целом понятный – минование, прохождение, постепенный отход и уход, из этого мира и жизни, предполагающий неодномоментное увядание, падение и утрату сил.

Продолжая в траве обнаруживающий себя мотив увядания и отхода, отмечаем такое, как *Всякая могила травой порастает*, что можно видеть как не одно лишь прохождение и уход, но как то, что по смерти, с одной стороны, остается, что о смерти и умирании, с другой стороны, способно напоминать, а еще и как то, что затягивает собой, закрывает, представляя его покров, иное какое-то, скрытое от людей и их глаза существование, ибо смерть есть уход в иной мир на вечное жительство, конец, завершение здесь с открывающимся бесконечным началом там.

Неизменная непреходящность экзистенциального цикла в его повторении и продолжении, с возвращением к предыдущему и исходному, объявляет себя для травы также в том, что выражается в форме *Где росла трава, там и будет*, с интересным в себе развитием в том, что *Слышно, как трава растет*, в котором, если не понимать исключительно в отношении тишины, тишину при этом не исключая, можно заметить движение, ход чего-то такого в траве, что одной травой по своему существу не является, входя в нее, составляя ее, представляясь в ней непрременной частью. К этому еще более полно подходит польское [*wiedzieć*] *co w trawie piszczy* (при наличии эквивалентного *słyszeć, jak trawa rośnie*), в чем опять же, если не воспринимать

¹³ Название автобиографической повести воспоминаний В.П. Катаева (*Трава забвения*, 1967). Что показательно, словосочетание это в тексте не появляется, только в заглавии, так же как и слово *трава*, три раза вместо того встречается *незабвенный* применительно к времени при указательном местоимении *тот*: *подробности того незабвенного дня, опаленное пламенем тех незабвенных лет, в то незабвенное время.*

¹⁴ «ТРАВА, -ы, ТРАВКА, и, ж. Наркотик (часто анаша). ... Из уг.[оловного] «травы» – анаша, махорка» (Елистратов, 2000, 471). «*ТРАВКА, и, ж. Жарг. нарк. Наркотик, высушенные листья некоторых сортов конопли, анаша» (Химик, 2004, 615).

это исключительно в материально-физическом смысле, можно усматривать что-то такое в траве, что и составляет и вместе с тем не составляет существо ее самое. Что-то, точнее кто-то, живет, обитает, может появляться в траве, невидимый и для травы неизменный, какие-то существа, определяемые как природные, полевые, но и не исключительно полевые, духи¹⁵, себя объявляя в производимом тонком звучании, которое обычному уху воспринять не дано, необходимо иметь для этого сверхъестественные способности. И вместе с тем это нечто ничто не мешает, исходя из принятого в качестве отправного понятия «несознания», не дифференцирующего и не раскладывающего на компоненты состава видимое и невидимое, воспринимаемое и невоспринимаемое, слышимое и неслышимое, но нутром и чутьем в себе ощущаемое, тем нутром и чутьем, которое происходит от бытия человеком, однако не просто, а определенного, внутреннего, языкового в себе воспитания и окружения, – ничто не мешает, в не различающем ощущении, отождествить это нечто с травой, видя в ней выражение не определяемого, но при этом в нее входящего положения.

Говоря об иномирии, ином свете и существовании для травы, стоит вспомнить также русское сказочное *Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной как лист перед травой!* Трудно сказать, почему именно *лист перед травой*, как понимать этот *лист*, однако не это важно. Важно другое. То, что *Сивка-бурка, вещий каурка* не просто сказочный персонаж, а точнее такой сказочный персонаж, который является представителем и существом с того света. Отсюда ‘сивость’ и ‘вещность’ его, но не просто ‘сивость’ и ‘вещность’, а в неслучайном соединении с ‘буростью’ и ‘кауростью’. Не вдаваясь в детали и обстоятельства, что требует обстоятельности и дополнительных уточнений, а не в этом задача, обратим внимание лишь на передаваемую в цвете двойственность, если не тройственность сивого, бурого и каурого, обращаваемого его естества. И тогда появление его, если и не с того света, что может быть очевидно, а не всякое очевидное истинно, если и не с того света,

¹⁵ У англосаксов это могут быть эльфы, у славян светляки, светлячки, огоньки (вопроса о полевых духах касаться не будем, это отдельная тема со своей литературой вопроса). Представление об этом втором, хотя не так, чтобы прямо в траве, дает Е.Е. Левкиевская в статье *Огни блуждающие*: «мифологические существа, обычно появляющиеся в виде огоньков; посмертное воплощение грешных душ, отбывающих наказание на земле. Представления об О. б. распространены в основном у зап. славян, хотя схожие поверья спорадически встречаются и в в.-слав. традиции. (...) У поляков О. б. могут смешиваться с *лятавцами* – душами некрещенных детей, носящимися в воздухе. ... Названия О. б. указывают на особенности их внешнего облика: *světlíka, světlík, sjetlička, světlonoši* (чеш.), *ohnivý muž* (морав.), *światlik, świckska* (пол.), *świecznik* (пол. мазур.), *фонарик* (рус.) или основную функцию – заставлять блуждать людей: *блудячий огонь* (рус.), *bludički* (чеш.), *bludička* (н.-луж.), *błędnik, biedny ognik* (пол.). (...) В виде О. б. могут появляться души детей некрещёных, выкидышей, девушек, умерших между обручением и свадьбой (ср. *Русалка*), души покойников, требующих поминовения (рус.), умерших без исповеди грешников» (Левкиевская, 2004, 511).

то, по крайней мере, не с этого, и на это внимание следует обратить, и прямо, и косвенно связывается с *травой*. Ибо *перед травой* он призывается стать *как лист*. Трава, тем самым, с одной стороны, отмечает его появление и приход, а с другой – позволяет, дает возможность ему в появлении *перед ней* воспринять и увидеть.

Оставим, однако, дальнейшее рассмотрение затронутых положений и связей, ибо не в этом дело и не об этом речь. Обратимся в своих рассуждениях к еще одному развороту, по времени и не только по времени более близкому современности. Период застойной, скажем так, советской грусти-тоски второй половины XX века, приходящийся главным образом на 70-е годы, оказался отмеченным повторяющимся в известных песнях этого времени мотивом *травы*. Не будем входить в объяснение данного положения, лишь отметив для предполагаемого вывода некоторые аспекты. Назовем в этом ряду песни *Я сегодня до зари встану* (слова Р. Рождественского, первое исполнение А. Кавалеровым 1971 г.), *Травы, травы...* (слова И. Юшина, исполнение Г. Белова 1974 г.), *На дальней станции сойду* (слова М. Танича, исполнение того же певца 1976 г.), *Трава у дома* (слова А. Поперечного, исполнение В. Мигули 1982 г.), а также фильм 1982 г. *Полынь – трава горькая* и песня *Полынь-трава* (слова Л. Эрденко, год установить не удалось), *Подорожник-трава* (слова М. Танича, исполнение А. Мон 1986 г.) и не случайно созвучная своему и не только своему времени *Песня про зайцев* и в ней волшебная трын-трава, которую боязливые зайцы в полночь косят (слова Л. Дербенева, первое исполнение Ю. Никулина 1969 г. в фильме *Бриллиантовая рука*).

Что возникает с этими всеми *травками* применительно к временным и с ними ментальным, чтобы не обобщать до национально-культурного уровня, обстоятельствам? Какая тянущаяся, исходящая от чувства и ощущения, но не метафорика, а параллель (чтобы не говорить, что тоска)? К тому, что трудно, если возможно, прямо и непосредственно выразить, хотя в стихотворном контексте определенные указания к этому, несомненно, имеются. Не мудрствуя лукаво и не ища подноготного смысла, обратимся к примерам. Начнем не в порядке, а в том, что относится к чувству, которое будет интересовать нас в первую очередь. Не к чувству как таковому, что было бы неудивительно, а к тому, которое к чему-то в последующем с учетом всего предыдущего подведет. Выражение этого интересующего нас положения вещей находим, прежде всего, в словах *На дальней станции сойду*, – *Трава – по пояс! И хорошо, с былым наедине, Бродить в полях, Ничем, ничем не беспокоясь, По васильковой, синей тишине*.

По-настоящему, для решения стоящей задачи, следовало бы привести слова этой песни все целиком, поскольку в ней для *травы* можно выявить важные эмотивные повороты. За неимением места, однако, не будем подробно анализировать, несомненно того заслуживающий, полный текст, ограничившись

краткими назывными характеристиками. Из приведенных строчек важно все – то, что *На дальней станции*, и что *Трава – по пояс!*, и *былое*, с которым *наедине, в полях, не беспокоясь, в синей тишине*. Отталкиваясь от *травы*, можно почувствовать не заросшее запустение, а удаленность, уход во что-то чистое и лазоревое, в котором нетронутость и с ней спокойствие и тишина. Далее тема *травы* отходит на второй план, переключаясь к тому, что наступает за ней (запах меда, живая вода, васильки, тополя) и что она раскрывает вошедшему, но не содержит и не таит в себе, а именно открывает. И в заключение, снова *травы*, повторяясь, – *На дальней станции сойду, – Трава по пояс! Зайду в траву, как в море – босиком! И без меня обратный Скорый, скорый поезд Растает где-то в шуме городском*. Здесь важно то, что *Зайду в траву, как в море*, и *босиком*, при неслучайно *обратном и скором поезде*, который *растает*.

Внутренне, в ощущении изображено и представлено ранее упоминавшееся иномирие, что-то другое, противоположно-обратное тому, откуда поезд и после чего он куда. Некая параллельно себя проявляющая и существующая действительность, реальность, может, воображаемого, может, желаемого, может, ушедшего и растаявшего, как тот поезд, но опять же в обратную сторону. Ибо это хотелось бы, но этого, может, и нет. Как несбыточно отошедшего, заслоненного, недостижимого в своей достижимости, войти в которое, обернувшись, уйдя от реально-действительного здесь и сейчас себя, в этом месте и времени можно, только если сойти на какой-то там дальней станции, которая нереально реальна, и войти, погрузившись *по пояс* в его открывающую и затем замыкающую собою *траву*.

Еще один мотив *травы* примерно того же времени косвенным образом связан с памятью, но не просто, а горькой памятью, обусловленной ранней смертью и гибелью не пришедших с войны. *А степная трава пахнет горечью*, как поется в припеве, *Молодые ветра зелены. Просыпаемся мы, и грохочет над полночью, То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны*. Перед этим, в самом начале, не случайно появляется широкое поле, по которому надо пройти (ср. в пословице *Жизнь прожить не поле перейти*), и эта самая память, согласно которой *Все, что было не со мной, помню*, и затем, уже после степной травы и перед нею, *Все зовет меня его голос, Все звучит во мне его песня*.

Природные обстоятельства вокруг *травы* взаимосвязаны и обусловлены, у каждого из них, при совместности совокупного действия, вместе с тем своя внутренне мотивируемая роль. Упоминавшееся ранее *широкое поле, дождинки (по щекам впалям), молодые ветра, которые зелены* (не от травы ли, также и вместе с тем?), *гроза, весна*, которая будет *долгой, пашня*, – все это, создавая по замыслу образ переживаемой жизни, возможной в таком своем проявлении вследствие смерти рано ушедших и не вернувшихся, отзывается голосом, а точнее их голосами, где-то там затерявшимися в степной траве широкого поля. Прежде времени смерть, не своя, не по времени смерть предполагает, согласно народной традиции, неуспокоенность для

души, с возможным блужданием ее в этом мире¹⁶. Этим внутренне объясняется и *широкое поле*, там, где погибли, и там, где поэтому могут погибшие себя объявлять, и *степная трава*, которая вследствие этого *пахнет горечью*, предполагая зовущие и поющие в ней голоса. И это была бы тогда *трава*, содержащая в себе и в себе объявляющая, но не душами, а голосами¹⁷, тех, кого уже нет, кто отошел и находится на рубеже в своей принадлежности ни тому, ни этому миру. Тем самым так же, как и в предыдущем рассмотренном тексте, через траву и в траве возникает нечто другое, обратное, то, что не здесь, будучи вместе с тем здесь, поскольку когда-то отсюда.

С мотивом травы с ее голосами и пением согласуется припев еще одной упомянутой ранее песни: *Травы, травы, травы не успели От росы серебряной согнуться, И такие нежные напевы Почему-то прямо в сердце льются*. С неожиданным тут же, но только на первый взгляд, развитием *Лунною тропкою на свиданье еду, Тихо сам с собою, тихо сам с собою Я веду беседу*. Возникает тропа, и не просто тропа, а лунная¹⁸, и ничем вроде бы не мотиви-

¹⁶ О неуспокоенных и потому блуждающих душах, тех, кто умер не своей смертью, до срока, говорится у многих авторов. Вслед за Д.К. Зелениным, введшим понятие о *заложных* покойниках (умерших неестественной смертью) (Зеленин, 1995 [1916]), вопрос этот поднимался неоднократно. Назовем лишь некоторые работы: Седакова, 1979; Виноградова, 1999; Толстая, 2000; Штырков, 2001; Панченко, 2008; Виноградова, 2008; Королёва, Четина, 2013; Андруни-на, 2015. Как пишет Е.Е. Левкиевская, «*заложные* покойники доживают за гробом положенный им при рождении срок, то и дело скитаясь среди живых в своем прежнем облике» (Левкиевская, 2009, 212). Показательно также, но не в отношении на сей раз *заложных*, такое замечание Н.А. Криничной: «Будучи обитателем загробного мира, душа умершего, воспользовавшись моментом, когда *размыкаются* миры, может в виде двойника-призрака странствовать по земле либо блуждать в медиативном пространстве» (Криничная, 2013, 116). И применительно к представлениям, о которых речь, из чего следуют рассматриваемые «блуждания»: «Между жизнью и смертью существует ряд градаций и переходов, и подобно тому, как есть души *совершенно добрые, не вполне добрые, не вполне злые и совершенно злые* (и соответственно участь на том свете каждой из этих категорий особая), так приходится предположить наличие среди людей наряду с вполне живыми и совершенно мертвыми не вполне живых и не вовсе умерших... Эти градации подчас оказываются текучими и неопределенными» (Гуревич, 1990, 151).

¹⁷ К мотиву о голосах в траве и о траве с ее голосами, помимо ранее упомянутой польской [*wiedzieć*] *co w trawie piszczy*, стоит напомнить о русской поговорке, эмоционально, правда, в другом ряду, *Людская молва хуже дурной травы*, из чего следует, что людская молва не только подобна траве, но и что она есть трава.

¹⁸ Ср. в скороговорке *На траве тропка, травка на тропке* (Лагутина, 2014, 15) и известный оборот, часто появляющийся в литературе, в поэзии, в песнях *расти травой* ‘о тропе, тропинке’. Приведем только некоторые примеры со специально этому выражению посвященных сайтов: *Дворовые тропы заросли травой, мох по стенам тянулся к крышам* (Анна Крылоцветова, *Под звездами Вителлуры*); *Тропа заросла ржавого цвета травой* (Александр Мазин, *Белый Клинок*, 2000); *Знакомая с детства тропка заросла травой, но сделалась гораздо шире, будто когда-то по ней разом прошли большим отрядом десятки людей* (Вольф Белов, *Император полночного берега*, 2009); *Тропа заросла разнотравьем, высокие мелкие ромашки доходили до пояса* (Елена Валентиновна Гранева, *Лесорубы*, 2018, <https://kartaslov>).

рованная беседа с самим собою, странная на первый взгляд, но и не странная, если увидеть в этом не с самим собою беседу, а то, что исходит и льется от поющих и говорящих при лунном свете трав у лунной к тому же тропы, в продвижении по ней к чему-то иному и неизвестному, то, что где-то, что существует и что может или не может случиться и произойти.

Космизм и скрытая в ощущении потусторонность (при упомянутой лунности у тропы в предыдущем абзаце) появляются для *травы* в еще одной очень известной песне *Трава у дома*, так прямо и обозначенной: *И снится нам не рокот космодрома, Не эта ледяная синева, А снится нам трава, трава у дома, Зеленая, зеленая трава!* В словах четырехкратно повторяемого припева, с таким перед этим предшествием: *И, как в часы затмения, и, как в часы затмения, Ждем света и земные видим сны.* Часы затмения, свет и сны, земные, которые видим, не будучи на Земле. Тем самым, снова обратность и взгляд, точнее видение того, что земное, однако не наяву. *Трава у дома, зеленая*, в контраст к ледяной синеве, становится знаком и местом того, от чего, с Земли улетев, ушли и что может являть себя только в снах, куда тянет вернуться и что представляет собой рубеж допускающего в себя обращенного возвращения, на сей раз из космоса к дому. Трава, но с обратной как бы своей стороны, не земного и не вполне реального (поскольку в снах) восприятия.

Опустим другие, за неимением места, примеры немалочисленных текстов общеизвестных и популярных песен отмеченного временного периода. Прежде чем возвратиться к заявленному в начале соотношению *дров, двора* и *травы* в рассматриваемой скороговорке, с уточнением для *травы* в ее ретроспекции к общеславянскому происхождению, представляется небезразличным напомнить еще один очень известный сказочный текст:

Тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит:

– Здравствуй, Тетеревочек, мой дружок! Как услышала твой голосочек, так и пришла тебя проведать.

– Спасибо на добром слове, – сказал Тетерев.

Лисица притворилась, что не расслышала, и говорит:

– Что говоришь? Не слышу. Ты бы Тетеревочек, мой дружок, сошел на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу.

Тетерев сказал:

– Боюсь я сходить на траву. Нам птицам опасно ходить по земле (*Лиса и тетерев*¹⁹).

гу/предложения-со-словосочетанием/тропа+заросла, доступ: 21.05.2021). И подобную подборку из классики для *заросшая тропы* (<https://kartaslov.ru/синонимы-к-слову/заросшая+тропа>, доступ: 21.05.2021). К этому можно добавить названия цыганских песен *Поросла травой тропинка; Заросла травой тропинка; Травой заросла тропинка*. Все это указывает на несомненную этнокультурную и с этим ментальную частотность подобных сочетаний.

¹⁹ Представленный вариант взят с сайта: https://pritchi.ru/id_63638967 (доступ: 21.05.2021), в сборнике А.Н. Афанасьева (31) близкий к приведенному текст укорочен, дан только в форме диалога и *голосочек* не встречается (Афанасьев, 1957, I, 47).

Отметим лишь то, что будет связано с темой. Тетерев сидит на дереве, место обычное для него, но при этом не исключительное, на землю он также может сойти. Лиса услышала его *голосочек* и, завязав беседу, предлагает, чтобы *сошел тот на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу*. Травушка становится местом, где можно поговорить, погуляв, поскольку *голосочек* на ней будет не только слышен, но и понятен. Тетерев, зная, что его может ждать от лисы, сообщает *Боюсь я сходить на траву*, объясняя это тем, что птицам опасно ходить по земле.

От лисы на земле, на траве ему смерть, поскольку лиса и есть, не одним только птицам, существо, несущее смерть²⁰. Вновь возникает мотив обращения в противоположное и обратное, от живого к мертвому, равно как и от мертвого также к живому, из одного мира в другой.

Возвращаясь, однако, к скороговорке с травой на дворе и дровами, стоит, не углубляясь в себя отражающие в ней другие мотивы, обратить внимание только на то, что было уже затронуто. Оттолкнемся в подобной интерпретации от двора, ибо с него начинается. Воспринимая двор, через его отношение к дому²¹, как место, пространственный локус, в котором и на котором можно видеть и ожидать того и то, чему не следует быть и что не должно проявлять себя в доме, будучи внешним для дома, его окружением, выходом из внутреннего и защитного своего, на открыто-закрытое и ограничивающее пространство, – двор с травой на нем и дровами на ней будет нечто такое, в подобном ключе, собой представлять. Напомним устойчивые сочетания в разбираемой связи: *холодно как на дворе* (о температуре не на дворе, а в доме), *выйти на двор / во двор*, в том числе по нужде, для того, что не следует, не положено делать в доме, *вынести что-то на двор*, за пределы дома, с глаз долой или чтобы избавиться, а также *на дворе дождь, мороз, ветер, гроза* и пр., т.е. стихия и атмосфера, себя обнаруживающие только вне дома.

²⁰ Правда, прежде всего в китайской и японской мифологии (образ лисы-оборотня и лисы как души умершей женщины, отбирающей, обычно постепенно, жизнь у партнера-мужчины). У славян, по замечанию А.В. Гуры, «животное ... слабо отраженное в мифологических поверьях и обрядах и наделяемое индивидуальной символикой преимущественно в фольклоре» (Гура, 2004, 115), что может свидетельствовать как об утраченной архаике, так и о глубокой табуизации. Утверждать, однако, что-либо в этом случае без специальных на то оснований не приходится, ограничимся представлением о смерти для птиц, главным образом из отряда куриных, что сомнения, исходя из текстов фольклора, а также пословиц и поговорок, вызывать не должно. Ср.: *В пустом селе лиса – владыка. Где я лисой пройду, там три года куры не несутся. Заговелась лиса: загоняй гусей. Как назначат в лесу воеводой лису, пера будет много, а птицы нет. Лиса и во сне кур считает. Лиса и во сне о курах помнит. Лиса кур не оборонит. Нанималась лиса на птичий двор беречь от кориуна, от ястреба.*

²¹ См., правда несколько отстоящие от данного поворота, работы А.М. Пнир (2002, 2006), однако интересные с точки зрения ментально-культурного определения дворового пространства, в том числе в его отношении к дому.

На дворе трава, продолжая ту же линию в разбираемом тексте, хотя не вполне в том же самом ключе, как то, чему не место и не положено быть, находиться в доме²², *трава* эта не домашнее, а дворовое и потому отчасти все же и в чем-то свое, но при этом внешнее естество. *Трава* (в одном из возможных аспектов своих, поскольку к *дровам*) как то, где имеются, могут быть, и что является вместе с тем, с ее голосами и душами, духами (не с этим ли связаны *дух травы*, *духмяный* и ее *пряный дух?*), означением и воплощением того, что потустороннее, не от мира сего и как таковое связываемое также со смертью и умиранием. Ср. *упасть на траву*, будучи раненым или убитым. И то же *упасть на траву* от усталости, при утрате сил, для отдыха, передышки. И *упасть на траву* или *в траву*, от избытка вдруг охвативших чувств, в желании прикоснуться к земле, лечь на нее в этой самой траве.

При *дровах* на ней такая *трава на дворе* была бы тогда дополнительным означением того, что имело бы отношение к мертвому. О *дровах* как о том, что тело, но без движения и сознания, а потому также и без души, душа отлетела или где-то гуляет, о пьяном (*У пьяного душа гуляет* по пословице), о душевно больном и о спящем²³, и при этом *траве*, к этому многочисленность и вездесущность этих самых дров по скороговорке в ее более полном виде (см. ее приведенную ранее), таких, что *не вмещает двор дров*, и поэтому *выдворим* (при *Наверно*) *дрова с вашего двора обратно на дровяной двор*, – из всего этого будет следовать то, что это не просто дрова. И при этом такие, которые связаны с находящейся на все том же дворе травой. *Дрова* эти внутренне можно почувствовать, но не сознанием осознать, отсюда идея *травы* «несознания», как отделенные от своей души, однако вместе с этим при ней, мертвые, возможно не только по внешнему виду, тела. Из этого следует их положение на траве, и из этого также, опять же внутренне, следует *наверность* (в скороговорке *Наверно*) их выдворения со двора – *с вашего двора*, что важно, на *дровяной*, т.е. их собственный, *двор*, там, где дровам этим, мертвым телам, положено находиться и быть.

Внимания требуют, говоря о *траве*, ее не то чтобы не совсем обычные, но любопытные этимологические, а потому и внутренне обуславливаемые и мотивируемые некогда связи, отчасти забытые, отчасти не до конца ощущаемые. С тем чтобы не повторять того, что ранее было представлено, попробуем определить лишь в направлениях общего смыслового круга, в котором также *трава* должна занимать свое место. *Трава*, как было показано и это ви-

²² За исключением обрядов на Троицу, связываемых «с растительностью и представлением о душах умерших, пребывающих в это время на земле среди живых», когда, среди прочего, «устилали пол свежей травой», однако «По прошествии трех праздничных дней (реже – недели) зелень обычно снимали и уничтожали» (Агапкина, 2012, 320).

²³ Сошлемся в этом месте только на одну, уже упоминавшуюся ранее, работу: «Сон трактуется как временная смерть: душа выходит из тела и *ходит* вокруг», пишет С.М. Толстая в своей статье, в подразделе *Отделение души во время сна* (Толстая, 2000, 68).

дится как вполне логичное объяснение, приведенное О.Н. Трубачевым, следует от славянского каузатива *traviti для *truti. Тем самым, исходно и ей будет свойственна каузальность. При первоначальной основе *ter- < *trū- < *trou- < и.-е. *trēu- (идя в обратном порядке), с опять же исходным, значением ‘тереть’ и развитием далее в формах *тереть*, *травить*, *тратить*, *терять*, а также, по М. Фасмеру (IV, 45) и П.Я. Черных, *теребить*, о.-с. *terbiti ‘очищать’, ‘чистить’, позже ‘шелушить’, ‘корчевать’ > ‘теребить’, и сюда тогда *истребить*, и с этим также *терзать*, о.-с. *tǫzati с тем же корнем *ter- для ‘тереть’ (Черных, II, 237, 238), включая другие славянские производные, которые, за неимением места не будем перечислять, поскольку важно не это.

Оттолкнемся от смыслового круга, который, однако, с учетом всех появляющихся при исходном *ter- производных, может представиться неисчерпаемым. По этой причине выберем путь не самих значений, а их направлений, что в известном смысле будет все же условным. Однако опять же, не в этом не то, чтобы искомая, но характеризуемая суть, а в том, чтобы увидеть, почувствовав, какую-то производящую базу для «несознания», чего следствием объявляют себя проективные образы в отношении травы, примеры которых выборочно и далеко не полно были представлены в материале.

В установлении указанных направлений пойдем от простого, начав с перечисления того, что нашло свое отражение в этимологических пояснениях у П.Я. Черных и М. Фасмера, не с тем, чтобы что-либо основательно утверждать, а с тем, чтобы только наметить возможный путь и движение. При объяснении славянских следствий для первоначального *ter-, не соблюдая порядков их перехода, что было бы трудно, если возможно, установить, появились такие определения (приходится их повторить): *тереть*, *травить* (как каузатив для *truti), *тратить*, *терять*, *терзать*, *теребить*, добавив к этому *истребить*.

Не углубляясь в дальнейшие расхождения для всех прочих, помимо *травить*, представим себе их условно как получаемые направления. Возникает поле, в котором имеются действия физического установления – *тереть*, *теребить*, *терзать* (в таком порядке), связываемые: **а)** с таким воздействием, для *тереть*, на форму объекта, которое приводит к ее нарушению и утрате, обращая в некое крошиво, а возможно и пыль; **б)** с воздействием, предполагающим дерганье в обе стороны, тормошение, без нарушения формы (*теребить*); **в)** с воздействием (имея в виду физическое), связанным с раздираньем, разрыванием, вырыванием частей (для *терзать*), что приводит к возможному нарушению формы, но не утрате.

Вторую группу, точнее ряд, составят *тратить*, *терять*, близкие по своему значению, с тем отличием для них характерным, которое предполагает издержки, утрату, потерю, следующие из поведения субъекта, для *тратить*, и потери, утрату, поведением субъекта прямо не вызванные (П.Я. Черных, напомним, дает как исходные значения ‘приводить в упадок’, ‘губить’, ‘утрачивать’ для *терять*).

И, наконец, интересующее нас *травить*, которое связывается в главных славянских своих направлениях с *переваривать*, *потреблять*, *отравлять* и затем, для русскоязычного, в первую очередь, ареала с *потравой* посевов, лугов, полей (травы и злаков), ведущей к порче и/или уничтожению, и *травлей* (во время охоты собаками зверя с целью поимки и/или умерщвления).

Итак, получаются три, а точнее четыре, а если еще точнее, то пять, внутренне связываемых рядов, имеющих в виду: **1)** силовое воздействие на объект, предполагающее нарушение либо уничтожение его формы, как такая цель (для *тереть*) либо следствие (*терзать*, *теребить*); **2)** утрату, потери, иными словами нарушение первоначальной цельности обладаемым, обусловленные субъектно либо же бессубъектно (*тратить*, *терять*); **3)** нарушение, связываемое с поглощением, потреблением чего-либо и его присвоением, включением внутрь, в себя, для *переваривать*; **4)** порчу, преследование и уничтожение, либо с целью присваивания с потреблением в дальнейшем, либо без таковой, для *потравы* и *травли*, и **5)** истребление, умерщвление, для *отравлять*, с целью избавления, исключения, выключения, удаления от себя. Три последних позиции (от 3 до 5) для *травить*.

Общим было бы нарушение цельного либо не нарушение, но посягательство, как направленное, так и нет, из которого далее следуют уничтожение, порча, потери, уничтожение с целью потребления и присвоения, равно как и без таковой, а также с целью умерщвления и изведения ('травить' = 'отравлять'). Все это можно было бы выразить в моделирующей схеме, которую также можно было бы воспринимать как основу базируемого на ней «несознания», однако уйдем от этого, чтобы представить определяемое в свободном полете, ибо об этом, применительно к объявляющему себя в ощущениях «несознанию», речь.

И под конец, но не в завершение, обращаясь к предпринятому нами подходу и взгляду на материал, обнаруживающие себя в приведенных примерах, включая песенные, ощущения, чувства, чутье, находящие свое выражение в определенных позициях, которые семантически можно охарактеризовывать и определять – не случайны. Как в силу поддерживающей их, в том числе и культурно-ментальной традиции и с нею связанных переживаний, так и в силу внутренне, в себе ощущаемых (приходится повторить) мотиваций, обращаемых в немалой степени к русско-славянской этимологической ретроспективе, к корням той семантики, о которой речь. Установить и наглядно представить подобного рода связи, что теоретически, но только отчасти, возможно, не входило в задачу. Прежде всего потому, что обращаясь к заявленному исходно в его ощущениях «несознанию», вряд ли возможно в какие-то однозначные и очевидные связи все это вложить. Задачей было их только наметить как направления, обрисовав в отдельных штрихах и пунктирах стоящую за ними картину.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов, И. (1907). *Какъ перестали убивать стариковъ в Малороссіи*, Живая старина, IV, 41–42.
- Агапкина, Т.А. (2004). *Лес*. В: Н.И. Толстой (ред.), *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 3 (97–100). Москва: Международные отношения.
- Агапкина, Т.А. (2012). *Троица*. В: Н.И. Толстой (ред.), *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 5 (320–323). Москва: Международные отношения.
- Амирова, Т.А., Ольховиков, Б.А., Рождественский Ю.В. (2005). *История языкознания. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений*. Под ред. С.Ф. Гончаренко. 2-е изд. Москва: Издательский центр «Академия».
- Андрюнина, М.А. (2015). *Символика пространства в славянской похоронно-поминальной обрядности: этнолингвистический аспект (украинская, белорусская, западнорусская и польская традиции)*. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Москва.
- Ансимова, О.К., Голубкова, О.В. (2015). *Духи леса в русских народных верованиях: новое решение лексикографического описания*, Гуманитарные науки в Сибири, Т. 22, 2, 94–99.
- Афанасьев, А.Н. (1868). *Древо жизни и лесные духи*. В: А.Н. Афанасьев, *Поэтические воззрения славян на природу*. В 3-х томах. Т. 2 (325–349). Москва: Издание К. Солдатенкова.
- Афанасьев, А.Н. (1957). *Народные русские сказки*. В трех томах. Москва: Государственное издательство художественной литературы.
- Велецкая, Н.Н. (1978). *Языческая символика славянских архаических ритуалов*. Москва: Наука, https://royallib.com/book/veletskaia_natalya/yazicheskaia_simvolika_slavyanskih_arhaicheskikh_ritualov.html (доступ: 21.05.2021).
- Виноградова, Л.Н. (1999). *Материальные и бестелесные формы существования души*. В: *Славянские этюды* (141–160). Москва: Индрик.
- Виноградова, Л.Н. (2008). *Смерть хорошая и плохая в системе ценностей традиционной культуры*. В: *Категории жизни и смерти в славянской культуре*. Сборник статей (48–56). Москва: Институт славяноведения РАН.
- Власова, М.Н. (2008). *Лесная девка*. В: М.Н. Власова, *Энциклопедия русских суеверий* (102). Санкт-Петербург: Азбука-классика.
- Гура, А.В. (2004). *Лисца*. В: Н.И. Толстой (ред.), *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 3 (114–116). Москва: Международные отношения.
- Гуревич, А.Я. (1990). *Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства*. Москва: Искусство.
- Даль, В.И. (2000). *Толковый словарь живого великорусского языка*. В четырех томах. Воспроизведено с изд. 1955 г., набранное и напечатанное со второго издания (1880–1882 гг.). Москва: Русский язык.
- Евгеньева А.П. (1981–1984). *Словарь русского языка*. В четырех томах. Изд. второе, исправленное и дополненное. Москва: Русский язык.
- Елистратов, В.С. (2000). *Словарь русского арго. Материалы 1980–1990 гг.* Москва: Русские словари.
- Журавлев, А.Ф. (2005). *Древо жизни и лесные духи*. В: С.М. Толстая (ред.), *Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу»* (507–511). Москва: Индрик.
- Зеленин, Д.К. (1995, 1916). *Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки*. Москва: Индрик.
- Зимин, В.И. (2012). *Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА.

- Королева, С.Ю., Четина, Е.М. (2013). *Еще раз о «заложных» умерших: народные и церковные поминальные традиции*. В: В.А. Поздеев, М.С. Судовиков (ред.), *Зеленинские чтения. Материалы Всерос. науч. конф.* (Киров, 12 ноября 2013 г.) (67–73). Киров: Издательский Дом ГЕРЦЕНКА.
- Криничная, Н.А. (1993). *Лесные наваждения: Мифические рассказы и поверья о духе-«хозяине» леса*. Петрозаводск: [б.и.].
- Криничная, Н.А. (2013). *Двойник: к семантике мифологического образа*, *Русская речь*, 5, 113–118.
- Кузнецов С.А. (ред.). (1998, 2000). *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Лагутина, Т.В. (2014). *Народные частушки, скороговорки, прибаутки, пословицы и загадки*. Москва: РИПОЛ классик.
- Левкиевская, Е.Е. (2004). *Огни блуждающие*. В: Н.И. Толстой (ред.), *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 3 (511–513). Москва: Международные отношения.
- Левкиевская, Е.Е. (2009). «Заложные» покойники и «неправильная» смерть. В: Е.Е. Левкиевская, *Мифы русского народа* (211–221). Москва: Астрель.
- Литвинова, П.Я. (1885). *Как сажали в старину людей старых на лубокъ*, *Киевская старина*, 6, 354–356.
- Лурье, С.Я. (1932). *Дом в лесу*, *Язык и литература*, VIII, 159–193.
- Максимов, С.В. (1903). *Нечистая, невѣдомая и крестная сила*. Санкт-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг.
- Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. (2000). *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург: Норинт.
- Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. (2008). *Большой словарь русских народных сравнений*. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп».
- Никитина, Т.Г. (2003). *Молодежный сленг: Толковый словарь*. Москва: Издательство Астрель.
- Никифоровский, Н.Я. (1907). *Лешие (леиуки, лесовики, туцевики)*. В: *Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе* (68–73). Вильна: Н. Мац и К.
- Панченко, А.А. (2008). «Заложные родители». *Смерть, память и сакральное пространство*. В: *Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции* (232–259). Москва: Институт славяноведения РАН.
- Пиир, А.М. (2002). *Окно во двор (к описанию дворового пространства)*. В: *Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Сборник статей*. Вып. 2 (194–230). Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге.
- Пиир, А.М. (2006). *Для чего нужен двор? (Возрастные сообщества ленинградских дворов)*, *Антропологический форум*, 5, 345–378.
- Пропп, В.Я. (2000). *Исторические корни волшебной сказки*. Москва: Лабиринт.
- Седакова, О.А. (1979). *Поминальные дни и статья Д.К. Зеленина «Древнерусский языческий культ заложных покойников»*. В: *Проблемы славянской этнографии* (123–130). Ленинград: Наука.
- Толстая, С.М. (2000). *Славянские мифологические представления о душе*. В: *Славянский и балканский фольклор. Народная демонология* (52–95). Москва: Индрик.
- Усачева, В.В. (1999). *Дрова*. В: Н.И. Толстой (ред.), *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 2 (135–138). Москва: Международные отношения.
- Фасмер, М. (1987). *Этимологический словарь русского языка*. В четырех томах. Москва: Прогресс.
- Филипповић, М.С. (1967). *Различета этнолошка грађа*. Београд.
- Химик, В.В. (2004). *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург: Норинт.

- Черепанова, О.А. (1996). *Очерк традиционных народных верований Русского Севера (комментарии к текстам). Народная демонология: Леший*. В: *Мифологические рассказы и легенды Русского Севера (139–144)*, О.А. Черепанова (сост.). Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
- Черных, П.Я. (1999). *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В 2 т. 3-е изд., стереотип. Москва: Русский язык.
- Штернберг, Л. (1902). *Убийство дътей и стариковъ у первобытныхъ народовъ*. В: *Энциклопедический словарь*. В 86 т. Т. XXXIV (402–404). Санкт-Петербург: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефронъ. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефронъ.
- Штырков, С.А. (2001). «*Святые без житий и забудущие родители. Церковная канонизация и церковная традиция*». В: *Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции*. Сборник статей (130–155). Москва: Пробел-2000.

- Gieysztor, A. (1982). *Duchy leśne i zwierzęce*. W: A. Gieysztor. *Mitologia Słowian* (263). Warszawa: Wydawnictwo Artystyczne i Filmowe.
- Pełka, L.J. (1987). *Demonologia leśna*. W: L.J. Pełka. *Polska demonologia ludowa* (105–111). Warszawa: Wydawnictwo Iskry.

- Abramov, I. (1907). *Kak' perestali ubivat' starikov' v Malorossii*, Zhivaya starina, IV, 41–42.
- Afanas'ev, A.N. (1868). *Drevo zhizni i lesnye dukhi*. V: A.N. Afanas'ev, *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu*. V 3-kh tomakh. T. 2 (325–349). Moscow: Izdanie K. Soldatenkova.
- Afanas'ev, A.N. (1957). *Narodnye russkie skazki*. V trekh tomakh. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury.
- Agapkina, T.A. (2004). *Les*. V: N.I. Tolstoi (red.), *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*. T. 3 (97–100). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Agapkina, T.A. (2012). *Troitsa*. V: N.I. Tolstoi (red.), *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*. T. 5 (320–323). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Amirova, T.A., Ol'khovikov, B.A., Rozhdestvenskij Yu.V. (2005). *Istoriya yazykoznanija. Učebnoe posobie dlya studentov vysshikh učebnykh zavedenii*. Pod red. S.F. Goncharenko. 2-e izd. Moscow: Izdatel'skij tsentr «Akademija».
- Andryunina, M.A. (2015). *Simvolika prostranstva v slavyanskoj pokhoronno-pominal'noi obryadnosti: etnolingvističeskij aspekt (ukrainskaja, belorusskaja, zapadnorusskaja i pol'skaja traditsii)*. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. Moscow.
- Ansimova, O.K., Golubkova, O.V. (2015). *Dukhi lesa v russkikh narodnykh verovaniyakh: novoe reshenie leksikografičeskogo opisaniya*, Gumanitarnye nauki v Sibiri, T. 22, 2, 94–99.
- Cherepanova, O.A. (1996). *Očerok traditsionnykh narodnykh verovanii Russkogo Severa (kommentarii k tekstam). Narodnaya demonologiya: Leshii*. V: *Mifologičeskie rasskazy i legendy Russkogo Severa (139–144)*, O.A. Cherepanova (sost.). St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU.
- Chernykh, P.Ya. (1999). *Istoriko-etimologičeskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. V 2 t. 3-e izd., stereotip. Moscow: Russkij yazyk.

- Dal', V.I. (2000). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. V chetyrekh tomakh. Vosproizvedeno s izd. 1955 g., nabrannoe i napechatannoe so vtorigo izdaniya (1880–1882 gg.). Moscow: Russkii yazyk.
- Elistratov, V.S. (2000). *Slovar' russkogo argo. Materialy 1980–1990 gg.* Moscow: Russkie slovari.
- Evgen'eva A.P. (1981–1984). *Slovar' russkogo yazyka*. V chetyrekh tomakh. Izd. vtoroie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moscow: Russkii yazyk.
- Fasmer, M. (1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. V chetyrekh tomakh. Moscow: Progress.
- Filippovih, M.S. (1967). *Razlicheta etnoloshka graha*. Beograd.
- Gura, A.V. (2004). *Lisitsa*. V: N.I. Tolstoi (red.), *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*. T. 3 (114–116). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Gurevich, A.Ya. (1990). *Srednevekovi mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva*. Moscow: Iskusstvo.
- Khimik, V.V. (2004). *Bol'shoi slovar' russkoi razgovornoj ekspressivnoi rechi*. St. Petersburg: Norint.
- Koroleva, S.Yu., Chetina, E.M. (2013). *Eshche raz o «zalozhnykh» umershikh: narodnye i tserkovnye pominal'nye traditsii*. V: V.A. Pozdeev, M.S. Sudovikov (red.), *Zeleninskie chteniya. Materialy Vseros. nauch. konf. (Kirov, 12 noyabrya 2013 g.)* (67–73). Kirov: Izdatel'skii Dom GERTsENKA.
- Krinichnaya, N.A. (1993). *Lesnye navazhdeniya: Mificheskie rasskazy i pover'ya o dukhe-«khozayaine» lesa*. Petrozavodsk: [b.i.].
- Krinichnaya, N.A. (2013). *Dvoynik: k semantike mifologicheskogo obraza*, *Russkaya rech'*, 5, 113–118.
- Kuznetsov S.A. (red.). (1998, 2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. St. Petersburg: Norint.
- Lagutina, T.V. (2014). *Narodnye chastushki, skorogovorki, pribautki, poslovitsy i zagadki*. Moscow: RIPOL klassik.
- Levkievskaya, E.E. (2004). *Ogni bluzhdayushchie*. V: N.I. Tolstoi (red.), *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*. T. 3 (511–513). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Levkievskaya, E.E. (2009). *«Zalozhnye» pokoiniki i «nepravil'naya» smert'*. V: E.E. Levkievskaya, *Mify russkogo naroda* (211–221). Moscow: Astrel'.
- Litvinova, P.Ya. (1885). *Kak sazhali v starinu lyudei starykh" na lubok"*, *Kievskaya starina*, 6, 354–356.
- Lur'e, S.Ya. (1932). *Dom v lesu, Yazyk i literatura*, VIII, 159–193.
- Maksimov, S.V. (1903). *Nechistaya, nevnomomaya i krestnaya sila*. St. Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg.
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2000). *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona*. St. Petersburg: Norint.
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2008). *Bol'shoi slovar' russkikh narodnykh sravnenii*. Moscow: ZAO «OLMA Media Grupp».
- Nikiforovskii, N.Ya. (1907). *Leshie (leshuki, lesoviki, pushcheviki)*. V: *Nechistiki. Svod prostonarodnykh v Vitebskoi Belorussii skazanii o nechistoi sile* (68–73). Vil'na: N. Mats i K. Nikitina, T.G. (2003). *Molodezhnyi sleng: Tolkovyi slovar'*. Moscow: Izdatel'stvo Astrel'.
- Panchenko, A.A. (2008). *«Zalozhnye rodi-teli». Smert', pamyat' i sakral'noe prostranstvo*. V: *Sakral'naya geografiya v slavyanskoj i evreiskoi kul'turnoi traditsii* (232–259). Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN.
- Piir, A.M. (2002). *Okno vo dvor (k opisaniyu dvorovogo prostranstva)*. V: *Antropologiya. Fol'kloristika. Lingvistika. Sbornik statei*. Vyp. 2 (194–230). St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v St. Peterburge.
- Piir, A.M. (2006). *Dlya chego nuzhen dvor? (Vozrastnye soobshchestva leningradskikh dvorov)*, *Antropologicheskii forum*, 5, 345–378.

- Propp, V.Ya. (2000). *Istoricheskie korni volshebnoi skazki*. Moscow: Labirint.
- Sedakova, O.A. (1979). *Pominal'nye dni i stat'ya D.K. Zelenina «Drevnerusskii yazycheskii kul't zalozhnykh pokoinikov»*. V: Problemy slavyanskoi etnografii (123–130). Leningrad: Nauka.
- Shternberg", L. (1902). *Ubiystvo dr̄tei i starikov" u pervobytnykh" narodov"*. V: *Entsiklopedicheskii slovar'*. V 86 t. T. XXXIV (402–404). St. Petersburg": Tipografiya Akts. Obshch. Brokgauz"-Efron". Izdateli: F.A. Brokgauz", I.A. Efron".
- Shtyrkov, S.A. (2001). «Svyatye bez zhitii» i zabudushchie roditeli. *Tserkovnaya kanonizatsiya i tserkovnaya traditsiya. V: Kontsept chuda v slavyanskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii. Sbornik statei* (130–155). Moscow: Probel-2000.
- Tolstaya, S.M. (2000). *Slavyanskie mifologicheskie predstavleniya o dushe. V: Slavyanskii i balkanskii fol'klor. Narodnaya demonologiya* (52–95). Moscow: Indrik.
- Usacheva, V.V. (1999). *Drova*. V: N.I. Tolstoi (red.), *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*. T. 2 (135–138). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Veletskaya, N.N. (1978). *Yazycheskaya simbolika slavyanskikh arhaicheskikh ritualov*. Moscow: Nauka, https://royallib.com/book/veletskaya_natalya/yazicheskaya_simbolika_slavyanskikh_arhaicheskikh_ritualov.html (accessed: 21.05.2021).
- Vinogradova, L.N. (1999). *Material'nye i bestelesnye formy sushchestvovaniya dushi. V: Slavyanskie etyudy* (141–160). Moscow: Indrik.
- Vinogradova, L.N. (2008). *Smert' khoroshaya i plokhaya v sisteme tsennostei traditsionnoi kul'tury. V: Kategorii zhizni i smerti v slavyanskoi kul'ture. Sbornik statei* (48–56). Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN.
- Vlasova, M.N. (2008). *Lesnaya devka*. V: M.N. Vlasova, *Entsiklopediya russkikh sueverii* (102). St. Petersburg: Azbuka-klassika.
- Zelenin, D.K. (1995, 1916). *Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'yu i rusalki*. Moscow: Indrik.
- Zhuravlev, A.F. (2005). *Drevo zhizni i lesnye dukhi*. V: S.M. Tolstaya (red.), *Yazyk i mif. Lingvisticheskii kommentarii k trudu A.N. Afanas'eva «Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu»* (507–511). Moscow: Indrik.
- Zimin, V.I. (2012). *Slovar'-teaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazhenii*. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

Наталья Пятаева (Nataliya Pyataeva)

 <http://orcid.org/0000-0001-7027-3045>
Pyataeva@yandex.ru

Слово об Ученем и Учителе: к 95-летию Профессора Леонида Михайловича Васильева

A Word about Scientist and Teacher: On the 95th Birthday of Professor Leonid Mikhailovich Vasiliev

Резюме

Цель статьи – рассказать об основателе Уфимской семантической школы (Россия) профессоре Л.М. Васильеве и его *Системном семантическом словаре русского языка*, не имеющем аналогов в современной лексикографии.

Л.М. Васильев работал над проблемами: сущность языкового знака, семиотическая стратификация языка, языковое значение и семантические поля, методы изучения языка.

В *Системном семантическом словаре русского языка* представлены выделенные и структурированные автором 15 классов предикатной лексики: бытийные, оценочные, количественные, ментальные, модальные, пространственные, эмоциональные, предикаты отношения, состояния, свойства, образа жизни, звучания, движения, речи, восприятия, волевых усилий. Каждый класс состоит из макро- и микропарадигм, включающих базовые предикаты, их семантические дериваты, формы способов глагольного действия и субъективной оценки, семантические корреляты и модели предложений.

В качестве примера в статье приведена семантическая микропарадигма *предикаты эстетической оценки* (262 единицы), место которой в лексической системе русского языка можно показать схемой: семантический класс *оценочные предикаты* → три макропарадигмы *модально-оценочные, общеоценочные и частнооценочные предикаты* → три микропарадигмы *предикаты утилитарной, этической и эстетической оценки*.

В словаре показана система семантических классов русского языка, описана их структура, содержание и способы лексико-грамматической экспликации.

Теория и методика построения словаря могут быть экстраполированы на описание лексико-семантических систем других языков.

Ключевые слова: Профессор Л.М. Васильев, биография ученого, Уфимская семантическая школа, *Системный семантический словарь русского языка*, предикатная лексика и фразеология, семантические макро- и микропарадигмы.

Summary

The article is devoted to the founder of the Ufa Semantic School (Russia), Professor L.M. Vasiliev and his *Systemic Semantic Dictionary of the Russian Language*, which has no match among other modern lexicography works.

L.M. Vasiliev worked on the following problems: the essence of a linguistic sign, semiotic stratification of language, linguistic meaning and semantic fields, methods of language acquisition.

The *Systemic Semantic Dictionary of the Russian Language* contains 15 classes of predicate vocabulary selected and structured by the author: existential, evaluative, quantitative, mental, modal, spatial, emotional, predicates of relationships, states, properties, lifestyle, sound, movement, speech, perception, volitional efforts. Each class consists of macro- and micro-paradigms, including basic predicates, semantic derivatives, and forms of ways of verbal action and subjective evaluation, semantic correlates, as well as offer models.

To give an example, the article presents the semantic micro-paradigm “predicates of aesthetic evaluation” (262 units), their position in the lexical system of the Russian language being shown by the scheme: the semantic class “evaluative predicates” → three macro-paradigms “modal-evaluative,” “general-evaluative” and “partial-evaluative predicates” → three micro-paradigms “utilitarian,” “ethical and aesthetic evaluation predicates”.

The dictionary shows the system of semantic classes of the Russian language, describes their structure, content, and methods of lexical and grammatical explication.

The theory and methodology of constructing a dictionary can be extrapolated to the description of lexico-semantic systems in other languages.

Keywords: Professor L.M. Vasiliev, *Biography of a Scientist*, Ufa semantic school, *Systemic Semantic Dictionary*, predicate vocabulary and phraseology, semantic macro- and micro-paradigms.

Цель статьи: рассказать о профессоре Леониде Михайловиче Васильеве – основателе Уфимской семантической школы, известном исследователе славянских языков, лексикографе, неординарном преподавателе Башкирского государственного университета и прекрасном человеке, в год 95-летия ученого привлечь внимание к главному делу его жизни – уникальному *Системному семантическому словарю русского языка* (Уфа, 2005), не имеющему аналогов в современной лексикографии, но, к сожалению, изданному не полностью и небольшим тиражом.

Леонид Михайлович Васильев (14.06.1926 г. – 2.09.2015 г.) – советский и российский языковед, Отличник высшей школы СССР (1970 г.), доктор филологических наук (1972 г.), профессор (1974 г.), Почетный работник высшего образования РФ (2001 г.), Почетный академик АН Р. Башкортостан (2002 г.).

Родился в деревне Красино Дедовичского района Ленинградской области. Семилетнее образование получил в местной школе, затем в педагогическом училище г. Старая Русса. С 1945 по 1950 гг. служил в армии, при этом заочно учился в Ленинградском педагогическом институте имени А.И. Герцена по специальности *Русский язык и литература*. После окончания института работал учителем в школе, совмещая работу с учебой в аспирантуре

родного института на кафедре русского языка, где в 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию *Просторечия, диалектная и народнопоэтическая лексика в повести Максима Горького «Детство»*. После защиты диссертации 4 года работал преподавателем в Тобольском педагогическом институте. В 1958 г. был приглашен доцентом в Башкирский государственный университет (далее БашГУ), где проработал 47 лет до своей кончины, не прерывая научных исследований и работы с аспирантами и докторантами до последнего дня, будучи тяжело больным, но, как всегда, дисциплинированным и строгим к себе, внимательным и доброжелательным к ученикам и коллегам. В 1972 г. в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР защитил докторскую диссертацию *Семантические классы русского глагола* под научным консультированием профессора Анастасии Петровны Евгеньевой. В 1973 г. им была создана кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, ставшая основой лингвистического образования в Башкирии, широко известная за пределами республики благодаря научным трудам ее заведующего и членов кафедры, многие из которых защитили кандидатские и докторские диссертации под руководством Л.М. Васильева.

За годы преподавания, – пишет профессор Юлия Петровна Чумакова, – Л.М. Васильев вел занятия по всем дисциплинам лингвистического цикла. Им разработаны и обеспечены авторскими учебниками оригинальные концепции курсов *Введение в славянскую филологию* и *Общее языкознание*. Л.М. Васильев поднял на высокий уровень изучение славянских языков в Башкирии – на кафедре преподавались болгарский, чешский, польский и сербохорватский языки; руководил университетским методологическим семинаром, был членом Головного совета по филологическим наукам, членом нескольких диссертационных советов, ответственным редактором 12-ти выпусков известного межвузовского сборника *Исследования по семантике*, руководил научной темой *Семантическая система русского языка в ее синхронном, историческом и сопоставительном аспектах*, в течение 25-ти лет руководил созданным им докторским диссертационным советом Д 212. 013. 02. Многие из нынешних докторов наук считали за честь защищаться самим и защищать своих воспитанников в этом совете¹.

Л.М. Васильев – специалист по общему языкознанию (1990, 2007, 2015), славистике (1998, 2009) и русистике (2006) работал над проблемами: сущность языкового знака (1994), семиотическая стратификация языка (теория языковых уровней), части речи и грамматические категории, форма и содержание в языке, языковое значение и семантические поля (1971), языковой и неязыковой знак, методы изучения языка (1997). Описал (представил в системном виде) обширные семантические классы лексики и фразеологии русского языка: глаголы восприятия, состояния, чувства, мысли, знания, речи, поведения, звучания, движения и др., некоторые из них (глаголы чувства, названия деревьев

¹ Цитаты в тексте статьи, не имеющие библиографических ссылок, извлечены из неопубликованного архива кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания БашГУ.

и кустарников) – в сопоставлении с другими славянскими языками, описал значительные фрагменты семантической системы русского языка в виде системного семантического словаря русского языка, не имеющего аналогов в мировой лексикографии (2005); стоял у истоков филологической науки в Башкирии, среди его учеников – сотни учителей русского языка и литературы; основал Уфимскую семантическую школу (1981, 2012), подготовив около 30-ти кандидатов и докторов наук, продолжающих теоретические исследования в области современной лингвистической семантики и лексикографической параметризации лексических групп, основанных на семантических критериях.

Вот что пишу о Леониде Михайловиче коллеги по кафедре и диссертационному совету.

Профессор, член-корреспондент АН Р. Башкортостан Талмас Магсумович Гарипов:

Первое, что примечает даже невооруженный глаз при обозрении научной и педагогической стезей профессора Васильева – это необыкновенная, я бы даже сказал, надчеловеческая целеустремленность, упорство и настойчивость в достижении намеченных и заветных рубежей; наш патрон, не довольствуясь описанием смысловой структуры русского глагола, в одном случае, характеристикой звукового состава известных ему языков – во втором, сопоставительным анализом славянских и индоевропейских фитонимов – в третьем, каждый раз стремился построить всеобъемлющую, непротиворечивую, консеквентную теорию языка в целом. Этой чертой он во многом напоминает Луи Ельмслева... Я бы даже сказал, что Васильев – это Ельмслев сегодня.

Ученицы Л.М. Васильева, последовательно сменившие его на посту заведующего кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания, профессора Венера Латыповна Ибрагимова и Лариса Айратовна Калимуллина:

Высокая гуманитарная культура, владение рядом европейских языков (английский, немецкий, французский, болгарский, чешский, сербохорватский), исследовательский талант, исключительное трудолюбие, открытость новым научным идеям предопределили глубину и круг интересов Л.М. Васильева. Его многочисленные труды посвящены научной разработке различных аспектов системности, структурности и знаковости в применении к разным уровням языка. В них содержится оригинальное исследование важнейших научных проблем – таких, как соотношение языка и действительности, языка и сознания, языка и общества, природы и типологии семантических, грамматических и когнитивных категорий. Л.М. Васильев сказал свое веское слово в решении проблем методологии и методики современных лингвистических исследований.

Профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания Института русского языка им. А.С. Пушкина Евгений Флорентович Киров:

Я познакомился с Леонидом Михайловичем в аспирантские годы на конференции в Казани. С первых слов нашей неравной беседы аспиранта с именитым профессором стало ясно, что в ней (беседе) творится некое действие по извлечению новых смыслов из обыч-

ных и обыденных для лингвиста вещей. Поразил путь от звука к слову, от материального явления к идеальному, который Леонид Михайлович проделывал просто и ясно. По неопытности мне было невдомек, что это вообще нужно делать, искать эту связь. Но самое главное – как это делать. У меня просто раскрылись глаза, появилось понимание этого сложного и необходимого пути от одной единицы языка к другой, который Леонид Михайлович очень ясно себе представлял и мог изложить в простой беседе. С тех пор я пристально стал вглядываться в творчество этого незаурядного ученого, а его книга по семантике стала буквально настольной. И я был опять поражен, как просто и ясно излагает свои мысли на сложную проблематику этот блестящий лингвист. Поразило то, что идея у Васильева всегда облечена в научный лингвистический контекст, предварена мнениями предшественников. Такую ювелирную работу лингвистического мышления мне доводилось наблюдать редко, и с той поры нашего знакомства мне не дает покоя загадка возникновения значения слова, и когда я размышляю над этим вопросом, всегда возникает образ Леонида Михайловича и мысленный диалог с ним. Он неотступно сопутствует мне как опытный собеседник своими книгами уже многие десятилетия научной жизни, хотя в реальности судьба свела с Леонидом Михайловичем лишь несколько раз.

Профессор Лариса Александровна Сергеева:

Помню первую лекцию Л.М. Васильева по теории семантических полей. Я сидела ошеломленная: структурная лингвистика предстала передо мной во всем великолепии строгой, точной, объективной, требующей почти математических доказательств науки. Лектор не делал никаких скидок на юный возраст слушателей, говорил ярко, увлекательно, щедро делясь с нами всем, что знал. Потом были другие лекции, годы аспирантуры и консультации Леонида Михайловича, которые тоже дорогого стоили, но его первую лекцию и свое потрясение я помню до сих пор. Чему учил нас профессор Васильев? Уважать Его Величество Факт. Видеть в языке то, что есть в нем самом, а не то, что хотелось бы (или удобно) видеть. Служить Науке – иначе не стоит браться за исследовательскую деятельность. Этому служению сам Леонид Михайлович посвятил всю свою жизнь, и она не случайно открыла ему столько своих тайн.

Профессор Евгения Андреевна Яковлева:

Леонид Михайлович обладает психологическим складом, являющимся базовым для представителя истинной, а не показушной науки: он энциклопедист и полиглот, трудолюбивый, неконформист в профессиональной, а нередко и в обыденной сфере, Учитель, воспитавший тысячи своих последователей, среди которых не один десяток докторов и кандидатов наук, бессменный руководитель докторского Совета, вдохновитель острейших научных споров и дискуссий etc. Его научная и культурно-просветительская деятельность стала знаковой для плеяды филологов нашей Республики.

Л.М. Васильев является автором более 150 научных работ, включающих книги, выдержавшие несколько переизданий и востребованные современным научным сообществом². В монографии *Современная лингвистическая*

² Аннотированное описание научного наследия Л.М. Васильева представлено в третьем выпуске международной коллективной монографии *Лексикографические штудии* (Ибрагимова, Киселёва, Пятаева, 2017).

семантика (Васильев, 2012) анализируются природа языковых значений, их структура и типы, их отношение к фонетическим и грамматическим единицам, к различным типам лексических парадигм и функционально-семантических полей, к семантико-синтаксическим моделям и структуре высказывания; приводятся краткие сведения из истории лингвистической семантики; дается общая характеристика современных направлений лингвистической семантики (семиологии) и общая оценка методов семантических исследований.

Наиболее значимый труд Л.М. Васильева – *Системный семантический словарь русского языка* (2005), не имеющий аналогов в мировой лексикографии и получивший высокую оценку специалистов, читателей и рецензентов (Ибрагимова, Саяхова, 2000; Калимуллина, 2005; Яковлева, 2003). В словаре в систематизированном виде представлены выделенные и структурированные автором 15 важнейших классов предикатной лексики и фразеологии: бытийные, оценочные, количественные, ментальные и модальные предикаты, предикаты пространственной локализации, отношения, состояния, свойства, поведения и образа жизни, звучания, движения, речи, восприятия, чувственно-эмоциональных переживаний и волевых усилий. Наряду с глаголами в словаре рассматриваются соотносительные с ними по значению прилагательные, наречия и существительные.

Словарь является принципиально иным по сравнению с имеющимися на данный момент семантическими, тематическими или идеографическими словарями³, поскольку в основе его классификации лежат семантические категории. Вся предикатная лексика делится на 17 основных классов – семантических макрополей (помимо перечисленных выше 15-ти макрополей, отраженных в словаре, выделяются еще два: акциональные и акционально-процессуальные предикаты, которым посвящен второй том словаря, подготовленный Л.М. Васильевым, но пока, к сожалению, не опубликованный). Каждый из этих классов имеет свою внутреннюю структуру, например, в составе бытийных предикатов вычленяются: абстрактно-бытийные, событийные, предикаты возникновения, исчезновения, биологического существования (жизни и смерти), фазисные: начальной и конечной фаз бытия, предикаты протекания и длительности бытия. Внутри подклассов выделяются, в свою очередь, группы и подгруппы (микрополя) следующей ступени иерархии, более или менее сложные по своей структуре. Непосредственным объектом описания в словаре являются лексико-фразеологические парадигмы, выявляемые путем анализа релевантных оппозиций в рамках рассматри-

³ См. словари П.М. Роже (Roget, 1852), Ф. Дорнзайфа (Dornseiff, 1934), Ш. Макэ (Maquet, 1936), Р. Халлига и В. Вартбург (Halling, von Wartburg, 1952), Х. Касареса (Casares, 1959), П. Робера (Robert, 1985), М. Молинера (Moliner, 1986), Э.В. Кузнецовой (1989), Н.Ю. Шведовой (1998), Л.Г. Саяховой, Д.М. Хасановой и В.В. Морковкина (2000), Ю.Н. Караулова (2001), О.С. Баранова (2002), Л.Г. Бабенко (2009а, 2009б), и др.

ваемой лексики и фразеологии по тем или иным категориальным семантическим признакам: бытийности, инхоативности, каузативности и т.п.

В начале словарной статьи приводятся базовые, семантически непродеривированные предикаты (чаще всего это предикаты с доминирующей семей 'быть', например, *болеть* 'быть в состоянии болезни'), затем описываются их семантические дериваты. В конце основных лексических парадигм помещаются страдательные формы, формы способов глагольного действия и формы субъективной оценки. Завершают словарную статью перечни семантических коррелятов (имен прилагательных и существительных, наречий, служебных слов), не вошедших в основную парадигму, но так или иначе семантически связанных с ней. По мере необходимости приводятся стилистические пометы к словам и фразеологизмам. Иллюстративные (текстовые) примеры даются лишь в тех случаях, когда понимание предикатных значений без них затруднительно. Синтаксическая характеристика слов осуществляется с помощью моделей управления и семантических моделей предложения. Важнейшая литература приводится в конце каждого основного раздела словаря.

Первоначально словарь задумывался как краткий системный семантический словарь предикатной (признаковой) лексики и фразеологии современного русского языка, – пишет Л.М. Васильев в Предисловии к словарю, – но в ходе работы над ним стало ясно, что в периферию словарных статей для более полного, адекватного отражения семантических полей языка целесообразно включить и соотносительную с предикатной непредикатную лексику (по крайней мере, абстрактную): имена отношений, свойств, состояний, оценок, действий, лиц как носителей признаков и т. д. Многие парадигмы словаря в связи с этим значительно расширились. И тем не менее словарь не претендует на полноту. В него сознательно не включаются, как правило, архаизмы, неологизмы, окказионализмы, профессионализмы, специальная лексика и фразеология, редко употребительные единицы языка. Иногда группы и парадигмы языковых единиц (особенно именной лексики) только намечаются. Главная задача словаря – показать взаимосвязь семантических полей и их внутреннее строение (Васильев, 2005, 10).

Приведем пример одной семантической микропарадигмы из словаря Л.М. Васильева – «Предикаты эстетической оценки» (2005, 85–87), включенной в состав семантического класса «Оценочные предикаты», который состоит из трех макропарадигм «Модально-оценочные предикаты», «Общеоценочные предикаты» и «Частнооценочные предикаты», состоящей, в свою очередь, из трех микропарадигм: «Предикаты утилитарной оценки», «Предикаты этической оценки», «Предикаты эстетической оценки». Выбор именно этой микропарадигмы обусловлен тем, что она имеет стандартную структуру (определяющую содержание анализируемого словаря) и включает сравнительно небольшой корпус слов, позволяющий наглядно (без сокращений) продемонстрировать внутреннюю организацию семантической микропарадигмы.

ПРЕДИКАТЫ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

Базовые со значениями:

красивый, некрасивый: ‘удовлетворяющий эстетическим требованиям и производящий благоприятное впечатление (видом, манерами, одеждой, звучанием)’:

красивый, прекрасный, разг.⁴ *распрекрасный*, нар.-поэт. *красный* (*красна девица*), *симпатичный, эстетический*, разг. *приглядный*, перен. *нарядный* ‘внешне красивый’ // только в форме сказуемого: *красота, краса, украшение* (*Полночных стран краса и диво*. А.С. Пушкин); *ласкает глаз* (*взгляд*), *любо-дорого глядеть*; о детях: *миленький, хорошенький, пригоженький*;

очень, на удивление красивый: *великолепный, неотразимый, чудный, чудесный, дивный, волшебный, сказочно красивый, божественный* // в форме сказуемого: *глаз не отведешь* (*не оторвешь*), *не налюбуеться*; разг. *загляденье* (*просто загляденье*), *картинка* (*как картинка*);

настолько красив, что способен восхищать, очаровывать: *очаровательный, чарующий, пленительный, привлекательный, прелестный, обольстительный, обворожительный, обаятельный, восхитительный* // только в форме сказуемого: *очарование, прелесть, восторг*;

отвечающий по своей красоте требованиям лучшего вкуса: *изящный* (*изящное платье*), *изысканный* (*изысканные манеры*), перен. *тонкий, утонченный* (*тонкий вкус, утонченная вежливость*), *элегантный* (*элегантный костюм, кавалер*), *аристократический / аристократичный* (*аристократические жесты*), *фешенебельный* (*фешенебельный курорт*);

о телосложении, лице человека: *статный, стройный, ладный, складный, грациозный* (*грациозная женщина, грациозные движения*), *античный* (*античные черты лица*), *милый, миловидный*, нар.-поэт. и прост. *пригожий*, разг. неодобр. *смазливый* // в форме сказуемого: *хорош* (*недурен*) *собой*;

красиво одетый: *нарядный, разодетый*, разг. *разряженный, расфранченный* // в форме сказуемого: *при полном параде*, прост. *разодетый в пух и прах*; об одежде: *нарядный, пышный, роскошный, шикарный*; о природе, предметах, языке: *живописный* (*живописные леса*), перен. *картинный* (*картинные места*), *феерический / фееричный* (*феерическое небо*); о звуках, пении, музыке: *благозвучный, мелодичный, гармоничный, стройный*.

Антонимы:

‘не удовлетворяющий эстетическим требованиям и производящий неблагоприятное впечатление’: *некрасивый, непривлекательный, несимпатичный, неинтересный* (*неинтересная женщина*) // в форме сказуемого: *красотой не блещет*;

⁴ Стилистические пометы: *груб.-прост.* – грубо-просторечное, *книжн.* – книжное, *нар.-поэт.* – народнопоэтическое, *неодобр.* – неодобрительное, *перен.* – переносное, *поэт.* – поэтическое, *прост.* – просторечное, *разг.* – разговорное, *устар.* – устаревшее.

очень некрасивый: безобразный, уродливый;

некрасивый на вид: неприглядный, невзрачный, невидный (о живых существах), непрезентабельный (непрезентабельный городишко), перен. страшный / страховидный, разг. неказистый // в форме сказуемого: *смотреть / посмотреть не на что*; только о внешнем виде человека: прост. *непригожий, страхолюдный*, разг. *плюгавый* // в форме сказуемого: *лицом (мордой) не вышел, дурен (нехорош) собой, невидный из себя, урод уродом, на всех зверей (на черта) похож*, груб.-прост. *ни кожи ни рожки*; только о предметах: *аляповатый*;

не отвечающий требованиям хорошего вкуса: неизящный, неизысканный, безвкусный, перен. карикатурный (карикатурная личность) // в форме сказуемого: разг. *безвкусица*; 'некрасиво одетый': *неопрятно (неряшливо) одетый*, прост. *расфуфыренный*; о звуках, музыке, пении, речи: *неблагозвучный, негармоничный, дисгармоничный / дисгармонический, нестройный, какофонический / какофоничный*.

Формы субъективной оценки: *красивенький, страшненький, плюгавенький*.

Экспликативы: *красоваться, покрасоваться, блистать красотой; вести себя красиво, элегантно (некрасиво, незелегантно), проявлять / проявить изысканность, хороший (плохой) вкус; выглядит красиво, великолепно, чудесно (безобразно, уродливо, аляповато); иметь красивый, привлекательный, симпатичный (непривлекательный, некрасивый) вид; наряжаться / наряжаться и др.*

Инхоативы и результивы: *становиться / стать красивым (некрасивым, безобразным и т.д.);*

'становиться красивее, привлекательнее': *хорошеть, похорошеть*;

'становиться особенно привлекательным': *расцветать / расцвести; приобрести / приобрести привлекательность (прелесть); разодеться*, разг. *расфрантиться, вырядиться; дурнеть / подурнеть, обезобразиваться / обезобразиться (Его лицо сильно обезобразилось)*.

Каузативы: *делать / сделать красивым / безобразным; кого-что красить (Это его не красит); украшать / украсить, приукрашивать / приукрасить; разг. прихорашивать / прихорошить; перен. принаряжать / принарядить*;

покорять своей красотой: *чаровать / очаровать, очаровывать / очаровать, зачаровывать / зачаровать, околдовывать / околдовать, заколдовывать / заколдовать, обвораживать / обворожить, завораживать / заворожить*, разг. *привораживать / приворожить, восхищать / восхитить, восторгать, приводить / привести в восторг / восхищение, книжн. упоить, вызывать / вызвать восторг, восхищение; антонимы: уродовать, обезобразивать / обезобразить кого-, что-*.

Автокаузативы: *делать / сделать себя или делаться / делаться красивым / некрасивым и т.д.; украшаться / украситься, приукрашаться / приу-*

краситься, краситься / накрутиться, разг. наряжаться / нарядиться, принаряжаться / принарядиться, прихорашиваться; поддаваться / поддаться очарованию (восторгу), проникаться / проникнуться очарованием (восторгом), очаровываться / очароваться, пленяться / плениться, прельщаться / прельститься, восхищаться / восхититься, восторгаться, приходить в восторг (восхищение), перен. умирать / обмирать от восторга.

Наречия: *красиво, прекрасно, разг. распрекрасно, симпатично (симпатично выглядит), разг. приглядно, как на картинке, перен. нарядно, эстетично; великолепно, чудно, чудесно, изумительно, дивно, волшебное, божественно; очаровательно, чарующе, привлекательно, пленительно, упоительно, прелестно, обольстительно (улыбаться), обворожительно (смеяться), обаятельно (выглядеть), восхитительно; изящно, изысканно, элегантно, утонченно, аристократично, фешенебельно; грациозно, стройно; нарядно, роскошно, пышно, шикарно; живописно, феерически; благозвучно, гармонично, мелодично, стройно.*

Антонимы: *некрасиво, несимпатично, непривлекательно, безобразно, уродливо; неприглядно, невзрачно, непрезентабельно, разг. неказисто; неизящно, неизысканно, безвкусно, аляповато; неблагозвучно, негармонично, нестройно; разг. дивненько, чудненько.*

Субстантивы:

1) имена эстетических понятий: *красота, поэт. краса, устар. лепота, великолепиие, благообразие, книжн. благолепие, эстетика, грация, изящество, благозвучие, гармония; неблагозвучие, безобразие, уродство, какофония;*

2) имена свойств (эстетических оценок): *красивость, симпатичность, эстетичность, разг. приглядность, чудесность, очаровательность, очарование, пленительность, привлекательность, обольстительность, обворожительность, прелесть, обаятельность, обаяние; изящность, изысканность, утонченность, элегантность, аристократичность, фешенебельность; статность, стройность (стана), разг. ладность, складность (фигуры), грациозность (движений), миловидность, нар.-поэт. пригожество, разг. смазливость; нарядность; живописность, картинность, фееричность; гармоничность, мелодичность, благозвучность, благозвучие;*

Антонимы: *некрасивость, непривлекательность, несимпатичность; безобразность, уродливость; неприглядность, невзрачность, неказистость, непрезентабельность; аляповатость, неизящность, неизысканность; неблагозвучность, негармоничность; устар. непригожество;*

3) имена действий: *украшение, приукрашивание, прихорашивание, очарывание / зачаровывание, обвораживание / завораживание, заколдовывание, прельщение; уродование, обезображивание;*

4) имена лиц: *красавец, красавица, разг. раскрасавец, раскрасавица, разг. красавчик, красотка, нар.-поэт. писанный красавец, писаная красавица, краса, сама красота, краса-девица, перен. разг. королева, краля, чародей,*

чародейка, устар. *чаровник*, *чаровница*, *прелестник*, *прелестница*; перен. разг. *кощей* (об исхудалом, тощем некрасивом человеке), разг. *дурнушка* (о некрасивой девушке или женщине), прост. *корова* (о толстой некрасивой женщине), прост. *карактица* (о неуклюжем, коротконогом уродливом человеке), *урод*, разг. *уродина*, разг. *страшилище*, прост. *страшило*, *страхолод* / *страхолодина*, книжн. *квазимодо*, перен. *пугало*, *чучело*, прост. *кикимора* (об уродливом или некрасиво одетом человеке); о некрасивом лице и метонимически о человеке: разг. *рожа*, прост. *образина*, груб.-прост. *морда*, *мордорот*, *рыло*, *мурло*.

Статья «Предикаты эстетической оценки» включает 262 единицы: 68 базовых, 194 дополнительных, в составе которых 61 наречие, 17 слов категории состояния и 116 субстантивов, а также 99 антонимов. И хотя составитель словаря не ставил задачу полного охвата стилистически окрашенной лексики, в словарную статью помещено 80 таких предикатов – книжных, поэтических и народнопоэтических, разговорных и разговорных неодобрительных, просторечных и грубо просторечных, устаревших. Исчерпывающий лексический корпус микропарадигмы и ее отточенная структура демонстрируют, с одной стороны, богатство русского языка в выражении оттенков смыслов, с другой – потрясающее знание языка, тонкое чувство слова, исключительную тщательность в отборе языкового материала и талант исследователя.

Наиболее значительным достижением системного описания предикатной лексики в словаре является, на наш взгляд, включение в структуру словарной статьи семантических коррелятов предикатных слов: адъективов (например, *красивый*, *симпатичный*, *нарядный*), наречий (*красиво*, *великолепно*, *чудесно*) и слов категории состояния (*дурен* / *нехорош собою*), имен действий, состояний и отношений (*великолепие*, *грация*, *изящество*), непередикатных лексем, например, обозначений лиц (*красавец*, *красавица*, *чаровница*, *дурнушка*), числительных и местоимений (в других микропарадигмах). Такая лексикографическая репрезентация семантически соотносимых лексических и фразеологических единиц дает наглядные образцы содержательных отношений глагольных предикатов и их неглагольных соответствий, что позволяет судить о приоритетном выражении тех или иных предикатных значений словами определенных частей речи. Что, в свою очередь, определило необходимость включения в словарь важной информации о месте определенных предикатов в структуре предложения, об их семантической валентности (сочетаемости), о возможностях синтаксических «перестроек» в речевом воплощении одной и той же типовой ситуации, ср.: *очаровательный*, *чарующий*, *пленительный*, *привлекательный*, *прелестный*, *обольстительный*, *обворожительный*, *обаятельный*, *восхитительный* и только в форме сказуемого: *очарование*, *прелесть*, *восторг*.

Рецензент Л.А. Калимуллина подчеркивает,

что словарь Л.М. Васильева представляет собой комплексный труд, сочетающий достоинства солидного лексикографического источника, серьезного теоретического исследования и полезного методического пособия. Научная ценность словаря заключается еще и в том, что он позволяет лингвистам не только по-новому осмыслить многие традиционные проблемы семантики (сущность значения, его типология, структурная организация и т.д.), но и увидеть новые. [...] работа с материалами словаря открывает перспективы, связанные с выявлением не только конечного числа семантических категорий русского языка (а на этой основе и других языков), но и их структуры, содержательного наполнения, способов конкретной лексико-грамматической экспликации в пределах тех или иных макро- и микрополей предикатов, а также возможных видов их «сочетания» в значениях лексем, входящих в определенные семантические классы (Калимуллина, 2006, 117).

Подытоживая вышесказанное, в словаре показана разработанная Л.М. Васильевым система семантических классов русского языка, описана их структура, содержание и способы лексико-грамматической экспликации; теория и методика построения словаря, оптимальная структура словарной статьи в представлении основной единицы словаря – семантической микропарадигмы – могут быть экстраполированы на описание лексико-семантических систем других языков.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что память о Л.М. Васильеве будет увековечена в полном издании его уникального словаря, в организации мемориального кабинета ученого, в котором, помимо научных трудов выдающегося лингвиста, будет размещена переданная в дар университету обширная библиотека семьи Васильевых, включающая более 2000 томов на пяти языках, а главное – будет воссоздана кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, реорганизованная в 2015 г. в разгар (точнее – в разгул) кампании по оптимизации, которая, к сожалению, «оптимизма» не прибавила, поскольку университет потерял одну из самых плодотворных в научном и просветительском отношении кафедр, обеспечивавших с начала XIX в. высокий уровень гуманитарного образования и преподавания филологии в классических российских университетах.

Уже шесть лет Леонида Михайловича нет с нами, но что бы мне не приходилось писать (статью, монографию, учебное пособие, лекцию), я всегда стараюсь сделать так, чтобы получить его одобрение. Есть люди, которых не нужно вспоминать в поминальные дни – они не уходят, они всегда рядом, и хотя их нельзя услышать, но ты знаешь, что бы они сказали или сделали. Огромное счастье, что я, да и все, кто учился у Леонида Михайловича или был знаком с ним, соприкасались на жизненном пути!

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабенко, Л.Г. (ред.). (2009а). *Большой толковый словарь русских глаголов*. Москва: АСТ-Пресс Книга.
- Бабенко, Л.Г. (ред.). (2009б). *Большой толковый словарь русских существительных*. Москва: АСТ-Пресс Книга.
- Баранов, О.С. (2002). *Идеографический словарь русского языка*. Москва: Издательство ЭТС.
- Васильев, Л.М. (1971). *Теория семантических полей*, Вопросы языкознания, 5, 105–113.
- Васильев, Л.М. (1981). *Семантика русского глагола*. Москва: Высшая школа.
- Васильев, Л.М. (1988). *Введение в славянскую филологию: Фонетическая система праславянского языка в ее историческом развитии*. Уфа: Издательство БашГУ.
- Васильев, Л.М. (1990). *Теория и методология современного языкознания. Принципы знаковости и формальности языка*. Уфа: Издательство БашГУ.
- Васильев, Л.М. (1994). *Теоретические проблемы лингвистики (внутреннее устройство языка как знаковой системы)*. Уфа: Издательство БашГУ.
- Васильев, Л.М. (1997). *Методы современной лингвистики*. Уфа: Издательство БашГУ.
- Васильев, Л.М. (2005). *Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика*. Т. 1. Уфа: Гилем.
- Васильев, Л.М. (2006). *Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики*. Уфа: Гилем.
- Васильев, Л.М. (2007). *Общие проблемы лингвистики: теория и методы*. Уфа: Издательство БашГУ.
- Васильев, Л.М. (2009). *Лекции по славянской филологии*. Уфа: Издательство БашГУ.
- Васильев, Л.М. (2012). *Современная лингвистическая семантика*. Москва: Высшая школа.
- Васильев, Л.М. (2015). *Актуальные вопросы общего и типологического языкознания*. Уфа: Издательство БашГУ.
- Ибрагимов, В.Л., Киселева, Л.А., Пятаева, Н.В. (2017). *Профессор Леонид Михайлович Васильев: основатель Уфимской семантической школы, славист, лексикограф*. В: *Лексикографические штудии*. Международная коллективная монография, 3 (485–500). Москва: Издательство Московского университета.
- Ибрагимов, В.Л., Саяхова, Л.Г. (2000). *Системный семантический словарь русского языка Л.М. Васильева*. Рецензия, Актуальные проблемы лингвистики, 138–146.
- Калимуллина, Л.А. (2005). *Системный семантический словарь русского языка Л.М. Васильева*. Рецензия, Вопросы языкознания, 4, 139–142.
- Калимуллина, Л.А. (2006). *Л.М. Васильев «Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика»*. Рецензия, Мир русского слова, 4, 115–117.
- Караулов, Ю.Н., Молчанов, В.И., Афанасьев, В.А., Михалев, Н.В. (2001). *Русский семантический словарь: опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову*. Москва: Наука.
- Кузнецова, Э.В. (1989). *Лексико-семантические группы русских глаголов*. Иркутск: Издательство Иркутского университета.
- Саяхова, Л.Г., Хасанова, Д.М., Морковкин, В.В. (2000). *Тематический словарь русского языка*. Москва: Русский язык.
- Шведова, Н.Ю. (ред.). (1998). *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*. Москва: Азбуковник.
- Яковлева, Е.А. (2003). *Системный семантический словарь русского языка Л.М. Васильева*. Рецензия, Вестник Башкирского университета, 1, 207–219.

- Casares, J. (1959). *Diccionario ideologico de la lengua espanola*. Barcelona: Real Academia de Cyenci Exactas.
- Dornseiff, F. (1934). *Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen*. Berlin, Leipzig: Akademie Verlag.
- Halling, R., von Wartburg, W. (1952). *Begriffssystem als Grundlage fur die ctexicographie*. Berlin: Akademie Verlag.
- Maquet, Ch. (1936). *Dictionnaire analogique*. Paris: Académie Française.
- Moliner, M. (1986). *Diccionario de uso del espanol*. Madrid: Editorial Gredos.
- Robert, P. (1985). *Le grand Robert de la langue francaise. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue francaise*. Paris: Académie Française.
- Roget, P.M. (1852). *Thesaurus of English words and phrases classified to facilitate the expression of ideas and assist in literary composition*. London: British Academy of Sciences.

- Babenko, L.G. (red.). (2009a). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh glagolov*. Moscow: AST-Press Kniga.
- Babenko, L.G. (red.). (2009b). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushchestvitel'nykh*. Moscow: AST-Press Kniga.
- Baranov, O.S. (2002). *Ideograficheskii slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Izdatel'stvo ETS.
- Ibragimova, V.L., Kiseleva, L.A., Pyataeva, N.V. (2017). *Professor Leonid Mikhailovich Vasil'ev: osnovatel' Ufimskoi semanticheskoi shkoly, slavist, leksikograf*. V: *Leksikograficheskie shtudii. Mezhdunarodnaya kollektivnaya monografiya*, 3 (485–500). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Ibragimova, V.L., Sayakhova, L.G. (2000). *Sistemnyi semanticheskii slovar' russkogo yazyka L.M. Vasil'eva*. Retsenziya, Aktual'nye problemy lingvistiki, 138–146.
- Kalimullina, L.A. (2005). *Sistemnyi semanticheskii slovar' russkogo yazyka L.M. Vasil'eva*. Retsenziya, Voprosy yazykoznanii, 4, 139–142.
- Kalimullina, L.A. (2006). *L.M. Vasil'ev «Sistemnyi semanticheskii slovar' russkogo yazyka. Predikatnaya leksika»*. Retsenziya, Mir russkogo slova, 4, 115–117.
- Karaulov, Yu.N., Molchanov, V.I., Afanas'ev, V.A., Mikhalev, N.V. (2001). *Russkii semanticheskii slovar': opyt avtomaticheskogo postroeniya tezaurus: ot ponyatiya k slovu*. Moscow: Nauka.
- Kuznetsova, E.V. (1989). *Leksiko-semanticheskie gruppy russkikh glagolov*. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta.
- Sayakhova, L.G., Khasanova, D.M., Morkovkin, V.V. (2000). *Tematicheskii slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Russkii yazyk.
- Shvedova, N.Yu. (red.). (1998). *Russkii semanticheskii slovar'*. *Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii*. Moscow: Azbukovnik.
- Vasil'ev, L.M. (1971). *Teoriya semanticheskikh polei*, Voprosy yazykoznanii, 5, 105–113.
- Vasil'ev, L.M. (1981). *Semantika russkogo glagola*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Vasil'ev, L.M. (1988). *Vvedenie v slavyanskuyu filologiyu: Foneticheskaya sistema praslavyanskogo yazyka v ee istoricheskom razvitii*. Ufa: Izdatel'stvo BashGU.
- Vasil'ev, L.M. (1990). *Teoriya i metodologiya sovremennogo yazykoznanii. Printsipy znakovosti i formal'nosti yazyka*. Ufa: Izdatel'stvo BashGU.
- Vasil'ev, L.M. (1994). *Teoreticheskie problemy lingvistiki (vnutrennee ustroistvo yazyka kak znakovoi sistemy)*. Ufa: Izdatel'stvo BashGU.

- Vasil'ev, L.M. (1997). *Metody sovremennoi lingvistiki*. Ufa: Izdatel'stvo BashGU.
- Vasil'ev, L.M. (2005). *Sistemnyi semanticheskii slovar' russkogo yazyka. Predikatnaya leksika*. T. 1. Ufa: Gilem.
- Vasil'ev, L.M. (2006). *Teoreticheskie problemy obshchei lingvistiki, slavistiki, rusistiki*. Ufa: Gilem.
- Vasil'ev, L.M. (2007). *Obshchie problemy lingvistiki: teoriya i metody*. Ufa: Izdatel'stvo BashGU.
- Vasil'ev, L.M. (2009). *Lektsii po slavyanskoi filologii*. Ufa: Izdatel'stvo BashGU.
- Vasil'ev, L.M. (2012). *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Vasil'ev, L.M. (2015). *Aktual'nye voprosy obshchego i tipologicheskogo yazykoznaniya*. Ufa: Izdatel'stvo BashGU.
- Yakovleva, E.A. (2003). *Sistemnyi semanticheskii slovar' russkogo yazyka L.M. Vasil'eva*. Retsenziya, Vestnik Bashkirskogo universiteta, 1, 207–219.

